

ПОЛИНА РОМ

РЫЦАРЬ НОЧИ И ЛУНА

Annotation

Никто не застрахован от предательства и одиночества.

Если жизнь даст тебе второй шанс, стоит ли шарахаться от тех, кто пытается стать для тебя близким?

Так страшно поверить новому человеку, но так необходимо...

Даже не для него необходимо - для себя.

-
- [Полина Ром](#)
 - [Пролог](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
 - [Глава 18](#)
 - [Глава 19](#)
 - [Глава 20](#)
 - [Глава 21](#)
 - [Глава 22](#)
 - [Глава 23](#)
 - [Глава 24](#)

- [Глава 25](#)
 - [Глава 26](#)
 - [Глава 27](#)
 - [Глава 28](#)
 - [Глава 29](#)
 - [Глава 30](#)
 - [Глава 31](#)
 - [Глава 32](#)
 - [Глава 33](#)
 - [Глава 34](#)
 - [Глава 35](#)
 - [Глава 36](#)
 - [Глава 37](#)
 - [Глава 38](#)
 - [Глава 39](#)
 - [Эпилог](#)
-

Полина Ром

Рыцарь ночи и Луна

Пролог

Лет до двадцати семи я считала себя везучей.

Хорошая, дружная семья. Любимые родители, старший брат, который был старше на целых семь лет или - всего на семь лет, но и в моем раннем детстве, и в юности у меня был умный и добрый друг, мой Васька, который не забывал меня баловать, учить, и воспитывать. Таскать на отличные концерты, катать на своем байке, объяснять, что, если мальчик не слышит мое – «нет» - то нужно гнать в шею. Советовать, как проучить задавалу-Веронику, первую красавицу класса и покупать мороженое даже тогда, когда этого нельзя из-за ангины. Сам, лично, грел его на плите и преподносил мне:

- Лопай, принцесса!

На мои двадцать два года, ближе к окончанию института, семья поднатужилась и одолела для меня очередного «дракона». Вручая мне ключи от кооперативной однушки, папа торжественно сказал:

- Это - тебе на старт, принцесса!

А Васька подмигнул, обнял за плечи, вложил в карман моих джинсов толстенькую пачку купюр – на ремонт и мебель - и повез смотреть новые стены. Совершенно голые, но от этого не менее прекрасные! Свое жилье – мечта многих моих ровесников. Я даже чувствовала некое неудобство перед подругами – этакое везение свалилось! Мой «женский клуб по интересам», как называли мы нашу компанию институтских подруг, просто гудел от восторга, мы обсуждали разные варианты дизайна... Ах, как удивительно сладостно звучит слово «дизайн», если речь идет о своей собственной квартире! Это были безумные девяностые, жить было тяжело, но интересно.

А вскоре я познакомилась с Ильей. Дальше – все как у всех. Скромная свадьба, где Васька и его жена, Анна, подарили нам путевку на целых десять дней в еще работающий санаторий «Сочи», сумасшедшая любовь под пальмами, возвращение домой, беременность и трудовые будни. Те самые будни, которых Илья напрочь не вынес. А беременность он обозвал – «моим решением» и к сыну интереса не испытывал вообще.

- Ты решила рожать сама, чего же ты теперь от меня хочешь? У тебя декрет, он для того и дан, чтобы ты занималась ребенком.

Он даже по имени сына никогда не называл, обходясь безликим – «ребенок». Зато щедро тратил свою зарплату на себя, любимого. У него на предприятии, как ни странно, платили почти вовремя.

- Ты должна понимать, я работаю с людьми, я не могу себе позволить одеваться в модели прошлого сезона...

Когда он стал таким модником и снобом, я даже не заметила. Одежда нужна была ему, а мне-то - зачем? Я же дома сижу, с ребенком.

С Ильей мы разошлись много лет назад, когда Мишке было только три года. Все это время папаша не стремился общаться с ребенком – ему было скучно слушать о детских победах и проблемах. Сейчас я даже не знаю, где он – как только пришли последние алименты, он исчез из моей жизни полностью.

Мои родители, да будет им земля пухом, разбились на машине вместе с Васькой и беременной Анной за четыре дня до моего развода. Пьяного водителя фуры посадили, но легче мне не стало. Так что даже племянников у меня нет. Наверное, я где-то нагрела в прошлой жизни, как сказала мне однажды дорогая дама-психолог. Больше я к ней не ходила.

Боль от потери семьи сжирала так, что развод на этом фоне даже не принес огорчения.

Тогда, поняв, что кроме сына у меня никого нет и уже, скорее всего, не будет, я вложилась в него по полной. И морально, и эмоционально. Ни на что больше я себя не расходовала. Ни на подруг, отношения с которыми медленно и верно сошли на нет, ни на мужчин – всегда боялась проблемы нового отца в семье.

Правду говорят – друзья познаются в беде. Наверное, я была не самой лучшей подругой в то время, когда судорожно собирала деньги на похороны, одновременно пытаюсь разобраться с бумагами, какими-то долгами семьи, наследством, судом над пьяным водителем и всем прочим. Первое время меня еще звали на посиделки в кафе и дни рождения, но встречая неизменный вежливый отказ – отстали.

Я и выжила-то тогда только потому, что у меня был Мишка – пухлый, смешной и беспомощный, еще не осознающий, какая беда свалилась нам на голову. Спрашивающий, когда придет дядя Вася и где

деда с бабой? Они же обещали велосипед? Настоящий велосипед на трех колесах и с гудком!

Вот тогда я и растворилась в ребенке полностью. И за эти годы даже не заметила, как малыш подрос, как привык, что все лучшее – ему. Да и вообще все – только ему. И мама – его личная собственность, у которой не может быть посиделок с подругами, свиданий и какой-то там дурацкой личной жизни.

В Мише очень отчетливо сказываются гены отца. Ему со мной стало скучно лет в девятнадцать. Оказалось, что все книги, которые мы вместе читали и обсуждали, все наши разговоры – это «просто фигня». Важно то, что о тебе думают другие. Важно выглядеть крутым.

Станным образом с появлением Стеллы в жизни моего сына у нас с ним окончательно пропали темы для разговоров. В его речи стали часто появляться непривычные слова – «лошара», «нищеврод», «понаехавший». Мой сын и его невеста, ставшая вскоре женой, удивительно подошли друг другу. Они берут кредиты на новые модели айфонов и брендовые шмотки. И ведь я не дура, я все это вижу и понимаю. Только вот тихое безразличие и подспудный страх одиночества давно владеют мной настолько, что я даже не рискнула заводить кошку или собаку – вдруг они меня тоже бросят? Как родители, как брат, как сын...

Я не осуждаю их, избави Бог! У каждого - свой срок на земле и свои задачи... И я давно привыкла быть одна. Сейчас я даже нахожу в этом некое удовольствие - ни за кого не отвечаю, никому ничего не должна.

В моей трешке, которая выросла из подаренной родителями однокомнатной, живет теперь мой сын, его жена и Васятка – мой внук. Я не смогла жить с ними, но и выгнать на улицу не сумела. Стелла, невестка, как-то очень аккуратно оттерла меня от не только от сына, но и от внука. Хотя, надо сказать, сын не слишком и сопротивлялся. Больше всего моему переезду огорчился как раз Вася.

- Баба Алина, ты пудеф приесфать ф кости? – тогда он еще плохо выговаривал некоторые буквы.

У них семья и свои радости, и свои проблемы, очень отличные от моих. Всем теперь заправляет ее мать, приехавшая на пмж из Челябинска. И, как ни странно, сын мой терпит эту хабалистую даму и прислушивается к ее мнению.

Сейчас мне всего пятьдесят пять, и то, во что превратилась моя жизнь, способно вызвать скуку даже у старой девы. Последнее время я полюбила вязание. Сажу и медитирую над новым кардиганом для себя или свитером для внука. Мне нравится сочетать цвета, рисунки и фактуры. Я использую в своих моделях не только шерсть и лен, но и мех, и кожу, и шелк. Я прекрасно осознаю, что внук не может еще понять всей красоты этой одежды, но кому еще, если не ему, дарить это?!

Именно поэтому я сейчас живу не в городе, а в скромном дачном домике, оставшемся от всего наследства родителей, работаю на удаленке в инете на тошнотно-скучной работе и больше ничего не хочу. У работы одно преимущество – мне хватает пары часов в день за компом. Я трачу их разумно, собираю нужные мне опросы в отчеты и, отправив на почту, совершенно свободна остаток дня. Это тоскливо и нудно, но дает мне небольшую доплату к пенсии, так что я рада, что в свое время откликнулась на объявление. Платят немного, но и запросы у меня не велики. Пенсия у меня по инвалидности – сахарный диабет.

У меня есть моя дача, и мои модели, которые я придумываю и, изредка, продаю в инете. Я могла бы зарабатывать только на вязании, заказов хватает, но мне почти всегда жалко, что они уходят незнакомым людям и больше я их не вижу. Каждую я придумываю сама, лично, и рассчитываю полностью, до последней петельки. Подбираю нитки, вставки, фурнитуру. Последнее время я увлеклась натуральным окрашиванием нитей. Пожалуй, сейчас вязание для меня - самое большое удовольствие жизни.

Еще из приятного в жизни у меня есть маленький сад. Дача стоит на стандартном участке в шесть соток. Никаких овощей, никакой картошки – розы, хризантемы, яркие осенние астры, бегонии, два куста смородины и ограда из малины, старая вишня и две груши. И пусть невестка намекает из всех сил, как полезно моему внуку овощи со своего огорода – я не сдаюсь. Пока, во всяком случае – не сдаюсь. Стараюсь пропускать ее требования мимо ушей.

Я умею все это выращивать. Просто – боюсь. Они уже намекали, что Васеньке нужен свежий воздух. Вот только отпустить ребенка со мной они не желают, а я берегу дачу как последний оплот своей самостоятельности. Мне кажется, что как только я посажу сотку

картошки, и Стелла, и ее мать начнут регулярно наезжать сюда за урожаем и на отдых. Возможно, я преувеличиваю. Возможно...

Я бы с радостью возилась с внуком, только вот сватья, Марианна Петровна, и Стелла считают, что я все делаю не так. К внуку меня допускают в редкие визиты в город, когда я привожу скопленные с пенсии и подработки деньги. В остальное время мне не просто - не рады. Мне прямым текстом говорят, что мой визит не ко времени и сейчас они заняты.

Самое смешное, что квартира моя, полностью. Но мысль о том, чтобы выгнать всех и жить дома самой меня не радует. Я понимаю, что тогда я вообще не увижу ни сына, ни внука. Хотя смотреть на Мишу сейчас мне не слишком приятно. Он совсем еще молодой, но обрюзг, забросил спорт, и все разговоры сводит к тому, кто кого подсидел на работе, почему у него не получилось «урвать» премиальных больше и как получить место начальника отдела. Иногда мне кажется, что его просто перепутали в роддоме, но я гоню эти мысли прочь.

Внук искренне радуется мне. Ему уже пять с половиной лет и в день получения денег от меня и сватья, и Стелла сваливают на шоппинг. Уродское слово, нужно признаться. Но я искренне рада, что они не стоят над душой и не зудят в ухо. Обычно мы с Васькой разговариваем о том, как у него дела в садике, о его друзьях, о новых умениях и ссорах. Варим какую-нибудь кашу, щедро сдабривая ее моим вареньем, играем, иногда гуляем, потом - обедаем и под бабушкину сказку ложимся спать.

Но он – хитрый! И за время тихого часа старается выжать из меня три-четыре истории. Если честно, я не вижу в этом большого греха – подумаешь, раз в месяц пропустить сон-час. Радует то, что в садике с детишками занимаются и Васька уже отлично считает и немного пишет. После сна мы рисуем или гуляем, если погода позволяет, а потом возвращаются с кучей барахла «дамы», как я их называю, и мы с грустью прощаемся на месяц. Он совсем не похож на моего брата внешне, но сейчас он – единственное живое существо, которое меня любит и которому я нужна. Иногда мне кажется, что только это меня еще и держит.

Мне пятьдесят пять, я далеко еще не старуха, но порой я думаю, что жизнь была просто сном – так быстро и безотрадно все промелькнуло. Завещание на квартиру и дачу я написала на внука -

только ему я и нужна. А этот мир давно перестал интересоваться мной. Возможно, именно потому, что много лет назад я перестала интересоваться им? Растворилась в ребенке и осталась ни с чем, когда он вырос? Кто знает...

В то утро я встала, как привыкла, около восьми часов. Машинально сделала легкую разминку – болезней и беспомощности я боялась с тех пор, как поняла, что я совсем одна. Померяла сахар – почти норма. Немного давило сердце, но не критично. Надо будет еще давление померять потом. Обычно оно у меня чуть пониженное. Поставила турку на огонь. Ответила на звонок Стеллы, спрашивающей, скоро ли я приеду в гости – Васеньке нужен новый комбинезон и у них нет денег на отпуск, а Васеньке очень желательно съездить на море – он часто простужается...

После звонка появились первые признаки головной боли. Утешая себя тем, что сейчас все пройдет, я распахнула дверь на улицу. Весна в этом году совсем ранняя, почки брызнули нежной зеленью еще в конце апреля. Вылила кофе через удобное ситечко в чашку и вышла на крыльцо. Села в старую качалку, накинула на колени плед и сделала первый глоток. Пожалуй, это самая приятная минута за день, только вот в голове стоял странный шум и гул после звонка Стеллы. Мне все казалось, что она продолжает говорить, как обычно - жалобно и многословно. Боль в сердце пришла совсем внезапно, я судорожно пыталась вдохнуть ставший вдруг твердым воздух, краем глаза отмечая, как по старым, серовато-серебристым доскам террасы расплывается огромная кофейная лужа...

Глава 1

Первое воспоминание – звуки и запахи...

Они удивительным образом складывались в единую картину, пусть и совершенно не больничную, но – цельную. Сырость дополнял звук капли, слабый запах скотного двора и свежей древесной стружки сочетались с криками петуха, собачьим лаем и мычанием. На лбу лежала высохшая заскорузлая тряпка, сквозь с трудом раздвинутые ресницы просачивался слабый свет, но отрыть глаза я не могла – тряпка, пусть и не слишком плотно, прижимала веки, а рук и тела я не чувствовала.

Сознание возвращалось и уплывало, сколько я была в таком состоянии – сказать сложно. Но ни запаха больницы, ни капельниц в руках я не было и это – тревожило. Я не могла понять, где нахожусь. Зато тряпка иногда становилась влажной. Это беспокоило, мысли, пусть еще и не организованные, уже слабо пробивались через пелену беспомыслия.

Ощущение дня и ночи менялось несколько раз, пока, в один момент, я не очнулась совсем, осознав себя Алиной Михайловной Лунёвой, живой и невредимой. Неловко подняла затекшую руку и смахнула повязку со лба. Пока слезящиеся глаза привыкали к полумраку, я, повернув голову на жесткой подушке, с удивлением успела рассмотреть часть странной комнаты. Ту часть, что могла увидеть не вставая.

Я находилась не в больничной палате, что уже давно поняла по запахам и звукам. Чердак – первое, что пришло на ум. Огромный чердак, на половину заваленный сеном или соломой. Слезы сморгнулись и видела я все совершенно отчетливо, как проявившуюся фотографию.

Крепкие балки поддерживали черепичную крышу и странность этих балок свела меня с ума мгновенно – они были цельными! Вся конструкция, весь этот, похожий на скелет неведомого животного каркас, под которым я сейчас лежала, состоял из одного цельного куска дерева. При всем желании я не могла различить в стыках брусьев хоть какой-то трещины, следов клея или топора.

Ничего... Эти бревна просто росли друг из друга, я четко видела рисунок искривленных годовых колец на стыках.

Невольно протянув руку к нависшему над кроватью бревну, я хотела дотронуться до одной из балок, провести пальцем и убедиться, что я просто не рассмотрела как следует – ну не растут деревья под таким углом друг из друга! Рука, которую я увидела, напугала меня до полусмерти. Тонкая девичья рука, со следами давнишнего пореза у сгиба, чуть загорелая и чужая. Я ощутила ее как свою, закрыла глаза и вновь провалилась в сон или беспамятство.

Встать со своего ложа я смогла только утром – почувствовала потребность в воде и туалете. Сперва, проснувшись, я убедилась, что вчера мне не показалось – я находилась в чужом теле, молодом, но очень ослабленном. При попытке сесть кружилась голова, пробивающиеся сквозь пыльное небольшое окошечко лучи встающего солнца доставляли сильный дискомфорт – глаза слезились, я часто моргала. Нелепость ситуации была в том, что я четко знала, кто я такая, но мои знания совершенно не совпадали с реальностью.

Все запахи и звуки были на месте, более того, проморгавшись и сев на кровати, я обнаружила и затихший источник капли – большой медный таз, в котором поблескивала жидкость. Крыша текла и его просто подставили собирать воду.

Худощавое девичье тело, в котором я находилась, вместо привычной короткой стрижки обладало целой кучей спутанных длинных белых волос. Похоже, пока я болела, никто особо не стремился ухаживать за мной – эта куча неопрятной грудой лежала у меня на плечах, а часть доставала до матраса, на котором я сидела. Держась за деревянную спинку кровати попыталась встать – вцепилась тонкими пальцами в перекладину, таким же странным образом растущую прямо из рамы изголовья и попробовала подтянуть ослабшее тело. Дерево начало крошиться прямо в руках, как трухлявый пенёк, распадаясь на мелкую волглую щепу.

Почему-то сильно испугавшись, я стала прикладывать эту труху назад, к перекладине, и с ужасом наблюдать, как по рукам струится мягкий золотистый свет, а внутри меня что-то слабеет и дрожит еле живым огоньком. Видела, как труха вновь врастает в древесину кровати. Руки я отдернуть не смогла до того момента, пока свет не потух. Слабость навалилась с новой силой, сильно закружилась

голова, я неловко, боком, свернувшись на кровати, но сознания больше не теряла. Просто очень захотелось спать. Однако резкий звук где-то за моей спиной не дал мне провалиться в сон сразу. И шепот совсем незнакомого, какого-то детского, голоса уже почти не испугал:

- Я же говорил тебе, Крейт – она колдовка! Сам же видел – колдовка она!

Станным образом в голосе сочетались любопытство, раздражение и что-то еще. Может быть – опасение? Впрочем, мне уже было все равно.

К вечеру я проснулась значительно бодрее. Во всяком случае, открыв глаза, и обнаружив, что лежу на мокрой простыне, встать и вымыться захотела немедленно. Поднялась, чуть пошатываясь, сдернула с тела промокшую и вонючую сорочку, липнущую к телу и огляделась, не отходя от кровати.

Чердак уже не казался таким огромным. Та часть, что не была набита сеном, кроме моей кровати содержала в себе еще пару больших ящиков. В одном из них лежало какое-то тряпье, второй был перевернут и использовался как стол. На нем стоял кувшин и я, медленно, не слишком уверенно подойдя к нему, понюхала жидкость. Вроде бы – простая вода. Впрочем, пить хотелось уже так сильно, что я плюнула на непонимание ситуации и начала жадно глотать тепловатую жидкость.

Через пару минут, отдуваясь, поставила кувшин на ящик и полезла в тряпье – стоять голой посереде незнакомого места было неловко и страшно. Вещи были слежавшиеся, чуть волглые, но длинную хламиду я там нашла. Кроме нее выбрала кусок полотенца или просто тряпку, намочила в остатках воды и обтерла тело – пахло от меня совсем уж мерзко – застарелым потом, мочой, грязью. Оторвала от какой-то непонятной тряпки узкую полосу и прихватила волосы в хвост.

После воды мне стало лучше, а после того, как обтерлась и напялила хламиду – спокойнее. Мир вокруг был слишком реален, чтобы я могла думать о собственном сумасшествии или сне. Я – попаданка и с этим нужно смириться.

Разумеется, как и многие женщины, несколько раз я читала подобную литературу. Когда ехала к внуку в пригородной электричке, в метро, в маршрутке. Осознавать, что эти нелепые корявые миры из

книжек – реальность, было не слишком приятно. Пожалуй, мне ближе был бы подход из фантастики, а не из фэнтези – параллельные миры. Есть только одна деталь, которая не укладывалась в историю о фантастике – золотистый свет на моих руках и чувство усталости, накотившее на меня позднее. Фантастика, все же, это космос, чудеса технологии и прочее. А свет больше всего был похож на магию. Да и щепки прилипли на место – я это четко видела.

Осознав, что стою посередь чердака, боясь даже подойти к двери и узнать, где я и кто я, задавила свой страх. Ну, не совсем, но все же... Надо хоть в окно выглянуть!

Второй этаж не слишком высокого здания. Прямо под окном – частично – скотный двор с курами и, частично, вскопанные под посадки грядки, довольно ровные. На них возятся двое подростков лет четырнадцати-пятнадцати. Дальний конец огорода затенен деревьями в цвету. Значит – весна. Жаль, что за ними ничего не видно. А деревья, по виду, обычные яблони.

Села прямо на пол под окном, боясь, что заметят. Это – люди, с ними нужно говорить. И что? Я скажу, что меня зовут Алина Михайловна?! Бред! В дурку ведь сдадут! Ну, если здесь есть дурка. И потом... Вот тот самый свет из моих рук, что отнял у меня столько сил... Вдруг здесь это запрещено?! Чем-то же я подростков удивила. Голоса за моей спиной я помнила отчетливо. Я – колдовка. Это хорошо или плохо?

С интересом рассматривала руки и босые ноги. Странное ощущение, надо сказать. Руки у меня «породистые», так же, впрочем, как и ступни. Тонкая кость, изящные пальчики. Только натруженные очень. Мозоли на ладони, след на запястье то ли от ожога, то ли просто старый шрам, ногти – вообще ужас. Один даже с трещиной и темно-фиолетовый от старого синяка. Прищепила или ударила? Пятки потрогала – грубые, натертые. Такими ногами можно прямо по камням ходить или по асфальту раскаленному – ничего не почувствуешь. Не представляю, куда делась девочка из этого тела, но меня такой «бонус» не радовал. Похоже, она от болезни умерла, а я – вселилась. Знать бы еще – зачем?

Сидела я, как мне показалось, минут двадцать, все не могла решиться, но поняв, что навещать меня здесь никто не собирается, а спать на мокрой и грязной кровати я не смогу, встала и пошла к двери.

Узкая скрипучая лестница делала резкий поворот, но там внизу был кто-то живой – слышно шаги и звяканье стекла.

Женщину, что повернулась ко мне от кухонного стола на скрип ступенек, сложно было назвать добродушной. Смотрела она на меня с неприязнью. Высокая, даже – статная, волосы скручены в темный тяжелый узел. Её хламида не сильно отличалась от моей, но была из ткани потоньше и помягче. А длина – сантиметров двадцать до пола не достает.

- Очухалась?

- Я... Там белье нужно поменять и матрас сырой...

- Ну, тебе нужно – ты и поменяй! Ты ведь у нас колдовка-то, а не я! – она как-то ехидно усмехнулась и снова повернулась ко мне спиной.

Интересно, эта женщина – она мне кто? И что теперь делать? Я даже имени собственного не знаю. А колдовство – это позорно или что? Несколько боком, стараясь не коснуться ее, пробралась мимо стола к открытой двери из дома. Обычный сельский двор, совершенно обычный спорыш застилает все пустое пространство. У плетня – колода для рубки дров и воткнутый в нее топор, щепой засыпано все вокруг. Пока газ не провели – у меня на даче так же было. Толчок в спину был не слишком сильный, но я не ожидала и такого. Тело по инерции шагнуло вперед и не найдя опоры я повалилась на траву, сбив ступню о каменную плиту, на которой стояла.

- Чего разлеглась?! Раз уж с тебя толку нет – иди, хоть вон в огороде помощи, братовья надрываются, а ты все сангу из себя корчишь! Чего вылупилась? Ступай, говорю, не то есть-то сегодня не получишь!

Женщина злилась, хотя я совершенно не понимала – на что. От полного непонимания ситуации я и в самом деле пошла за дом, на тот самый огород, глотая слезы от боли – мизинец на ноге кровоточил...

«Братовья» мне не слишком обрадовались, даже когда я спросила того, что постарше:

- Что нужно делать?

- Ха! Ты колдовка – ты и решай, что нужно!

Немного замаявшись, я сказала:

- Я и без колдовства могу. Ну, просто руками. Раз уж тебе так колдовство не нравится...

- Нечего тут подлизываться! Эх, мне бы колдовства хоть каплю, я бы – ух! Я бы всех...!

Он смотрел на меня с неприязнью, этот подросток, такой же темноволосый, как мать, как младший, что спрятался за его спину. В какой-то момент я просто повернулась к нему спиной, прошла в дом мимо женщины, которая, кажется, вовсе не ожидала моего появления, поднялась на чердак и кинувшись на сено заплакала. От слабости тела, от полного непонимания, что делать и почему они все меня ненавидят?!

Разбудила меня высокая, даже выше меня, темноволосая девушка. Свет горящего шарика в ее руке странно искажал черты лица, но мне показалось, что она очень похожа на ту женщину, что я видела в низу. Её дочь? Сунув мне в руку что-то непонятное, она резко повернулась и пошла к дверям.

- Постой...

Девушка резко повернулась и не слишком дружелюбно буркнула:

- Ну, чего тебе нужно?

- Ты не могла бы поговорить со мной?

- Я?! – удивление её было так велико, что она, как мне показалось, даже растерялась. – Я?! Поговорить с тобой?! О чем?

- Обо всем... Я ничего не помню после болезни, понимаешь? Я даже не знаю, кто ты и почему на меня все злятся?

Она смотрела мне в лицо, возможно, стараясь понять, правду ли я говорю. А возможно – просто размышляя, что и как лучше сказать. Но уходить уже не торопилась. Через минуту подошла к сену, села со мной рядом и сказала:

- Что ж, давай поговорим, сестрица.

Глава 2

Имя моё – Алуна. Я покатала его на языке, чуть нараспев произнесла – Алу-у-уна... Странно, конечно, и непривычно.

Сестру звали Лита. Сперва она нервничала и не верила, что я не помню даже таких деталей, как её и свое имя. Потом немного успокоилась и заговорила. Я, периодически, задавала вопросы. Иногда она раздражалась, многого просто не могла объяснить, но в целом все обстояло не слишком приятно для меня.

Магия в мире умирала. Шестнадцать лет назад, когда Лита была еще ребенком, ну и девочка Алуна – тоже, в мире была какая-то магическая война. До этих мест она не дотянулась, хотя нападения нежити бывали и здесь. А потом все кончилось. Рыцарь Ночи запечатал портал своей магией.

Что за рыцарь Ночи, что за портал, ответить она не смогла – как говорили взрослые, так она и запомнила. Сама Лита оказалась не слишком образованной деревенской девушкой. Давно, еще в хорошие времена, она два года училась в сельской школе, знала грамоту. Но на школу больше не хватало ресурсов – теперь никого не учат. Школы, говорят, остались только в городах. И доступны они богачам и сангам.

- Санги – это кто? Это – маги?

- Санги? Нет, санги – это высокородные, вот, как твоя мамаша была. Только она замуж вышла и стала такой же, как моя мать, а не санги.

Лута рассказывала охотно, чувствовалось, что ей приятно это превосходство в сведениях надо мной. Хотя по ее речи я видела, что многого она не понимает сама, а многое ее просто не заботит. В деревне особо не интересуются абстрактными знаниями.

Санга – значит высокородный. Моя мать санги. Забавно. Может быть именно из-за этого такая неприязнь к девочке? Я все еще с трудом осознавала, что это не просто о чужом ребенке разговор, а обо мне самой.

Магия была столь распространенной, что ей владели и купцы, и селяне. Пусть они, допустим, не могли сжечь лес, такое под силу было только боевому магу, которых обучало государство, которые ценились

даже во времена изобилия магии, но магия грела и светила, магия двигала ткацкие станки и переносила с места на место людей и вещи.

Речь Литы была неграмотной. Странно, что я это понимала. Если задуматься, язык совсем не похож на русский. Что-то значительно более мелодичное и мягкое, с большим количеством букв «м», «л» и кучей гласных. Если отвлечься от темы беседы – то даже бранные слова кажутся напевными.

Раньше в деревне чуть не каждый пятый был магом. На магии держалось все, вся жизнь, производство вещей и еды, здоровье людей и развлечения. Мне сложно было представить, как это. Но для себя, внутри, я попыталась вообразить, что в моем мире пропало электричество. Думаю, это стало бы глобальной катастрофой. Так и здесь. Привычный мир рухнул, пищу нужно стало добывать не магией, а трудом, одежду – так же, лечились люди теперь травами, а не колдовством, а на развлечения в деревне просто не хватало времени.

И на этом фоне осталось некоторое количество людей, способных пользоваться остатками магии. Их очень-очень мало, их дар – слаб и непостоянен. Каждого из них проверяют и самых лучших забирают на службу государству.

- Но ты и тут оказалась никчемной! – с каким-то даже удовольствием выговорила она мне.

- Почему никчемной?

- Ты слишком слабая и ничего не умеешь. Да и не нужна сейчас никому твоя магия.

Я помялась, но все же задала волнующий меня вопрос:

- Лита, а какая у меня магия? Ну, что я умею?

- А ничего ты толком не умеешь! Ну, можешь сделать, чтобы сорняки меньше росли. Картошка у нас покрупнее, чем у соседей. Еще ты как-то жука-страшноеда отпугиваешь... А больше – ни-че-го! – это она проговорила с каким-то торжеством в голосе.

- Страшноед?!

- Ну, полосатый такой, жрет все подряд. И картошку, и помидорья. Ежели сильно расплодится – так и на деревья может полезть.

- Понятно. Только не понятно, чем же моя магия плоха. Разве это худо – уметь сорняки остановить и этих самых жуков?

- Ха! Так сил-то у тебя нет! Ну, на наш огород еще так-сяк хватает, да и то - потом в лежку лежишь сколько дней, толку от тебя никакого, а

кормить, небось, надо каждый день! Правильно мать говорит – нахлебница ты и есть!

В руке у меня был кусок сероватого хлеба – именно его Лита мне в руки и сунула. Беседа была тяжелой и неприятной, она, почему-то, была свято уверена, что Алуна, ну, теперь, значит уже, я – бездельница. Если ее мать – моя мачеха, то возможно, с ее подачи и идет такое отношение.

Я отщипнула немного хлеба и начала жевать. Не слишком вкусно, но хоть немного утихомирит слабую ноющую боль в желудке.

- Лита, а если я не буду пользоваться магией? Ну, чтобы не лежать потом. Я ведь и руками могу все делать, того же жука собирать и полоть, что нужно.

Она как-то странно посмотрела на меня и дернула плечом. Смысла я не поняла.

- Лита, ладно, давай оставим этот разговор. Скажи, маму твою я уже видела, а где отец?

- Ну ты и наколдовалась в последний раз! Неужли не помнишь?! – в голосе ее звучало не столько изумление, сколько некая брезгливость, что ли...

- Лита, я не шучу, я действительно ничего не помню.

- Добровольцем твой папенька ушел. Собирали тогда тех, кто может оружие держать, у кого хоть малая толика есть магии. Это уже после войны было. У нас-то, хвала Силе, все тихо было. А у города банды, говорят, воевали. Страсть, что творили! Ну, мать ему и сказала – иди, что добру-то пропадать, хоть какую копейку в дом принесешь. Голодно тогда было очень, я-то вот помню. Больше и не вернулся. Весь отряд их так и похоронили где-то под Лейном.

- Что значит – мой папенька? А твой?

- Так не родной он мне. И ты мне – не сестра!

- Понятно. А братья твои, они тоже мне чужие? Или...

- Конечно, чужие! Мать вдовой честной была, когда за твоего отца вышла.

Помолчали. Я терялась и не знала, что нужно спрашивать в первую очередь.

- Лейн – это что?

- Город. Там, где замок черного рыцаря. Спит он там, а в городе все-все есть! Я была, еще когда порталы работали, давно...

- А сколько тебе лет?
- Двадцать два уж, скоро замуж пойду!
- А вот этот шарик, ну, в руке у тебя... Это что?
- Это со старых времен светляк остался. Их уже мало, раньше то у всех было сколько надо. Тухнут они.

На мой взгляд замуж ей было рановато – выглядела она, дай бог, лет на шестнадцать, но кто бы меня спросил.

- А мне сколько лет?
- Двадцать, вроде бы...
- А рыцарь этот – он почему спит?
- Так это он портал запечатал! Говорят – герой он.
- Он мертвый?
- Ну ты и дура! Говорю же – спит! Колдовской такой сон!

Ничего я не поняла, однако переспрашивать не рискнула. Мы говорили не слишком долго – снизу Литу окликнула моя мачеха:

- Ужинать иди, стынет все.

Меня не пригласили, но я уже и так поняла, что в семье Алуна – изгой. Я сидела на сене, щипала хлеб и думала, что и как нужно сделать, чтобы выжить. Хорошо это или плохо, но зачем-то мне дана эта молодость и здоровое тело. Пусть и слабое от недоедания, но не убиваться же мне второй раз!

Мыслей, особо-то, не было. Слишком мало я знала про этот мир. Одно поняла точно – магия вызывает неприязнь и, похоже, зависть окружающих. Думаю, если бы семье было невыгодно использовать магию девочки Алуны для огородных работ, то и не использовали бы. Зато потом, когда она лежала слабая и беспомощная – вполне можно было обзывать ее бездельницей. Не знаю, что при этом чувствовала она, а я точно больше не стану делать вот это вот странное руками – это обессиливает меня.

И еще я поняла – здесь нет никаких магических академий, никто и ничему не будет меня обучать. Нужно самой понять, как это работает. Просто для того, чтобы не было больше вот таких произвольных вспышек, как с кроватью. Хорошо уже то, что мое беспамятство никого особо не смутило. Напротив, Лита как будто радовалась, что я ничего не помню. Наводило меня это на дурные мысли – а от колдовства ли обессилила Алуна?

Сидеть просто так было довольно бессмысленно, потому я пошла во двор – хоть осмотрюсь.

Семья уютно устроилась за столом. Ели какую-то густую похлебку, пахло пряной травкой и мясным бульоном. Старший из братьев, громко сerbая с ложки, приговаривал:

- Ох, и хороша сегодня! Прямо обедение!

Это было настолько мерзко и унижительно, что у меня опять навернулись слезы на глаза. Я прошла мимо жрущей семейки и вышла за калитку. Надо подумать, может быть я смогу найти работу в селе. Или попробовать перебраться в город. А для начала – нужно что-то решить с кроватью. То, что я обмочилась – следствие бессилия после магии. Возможно, если бы меня кормили нормально, я бы и не была такой слабой.

Я сидела за плетеным забором дома на обычной деревенской лавочке, рассматривала сельскую улицу, лежащую у двора напротив меня в теплой дорожной пыли зевающую собаку, и обдумывала последовательность действий. Первое, в чем я нуждалась – информация. Лита явно не была достаточно хорошо осведомленной о событиях в мире. Ладно, мир подождет, есть дела поважнее.

Мой дом был крайним на этой улочке. А пока – я видела вдалеке, за деревьями, проблески воды. Если там река – нужно вытрясти мокрую солому из тюфяка, отнести на реку и постирать то, что я с себя сняла и чехол от матраса. До завтра он высохнет, а у меня будет хоть какая-то одежда на смену.

Кусок мыла, самого обычного, хозяйственного, со специфическим, незабываемым запахом, нашла в глиняном черепке на окошке в своей «спальне». Порадовалась, что не нужно просить. В ящике с бельем отыскался еще и мешок с хламом – пара сломанных гребней, маленько зеркальце с ручкой в красивой резной рамке, несколько витых шнурков и нитки-иголки-ножницы.

Зеркало я взяла с собой – в помещении было слишком темно, а давать мне светляка никто не собирался. Тюфяк вонял, та же, как и сорочка. Мокрую солому я вытрясла на кучу навоза – возле курятника увидела. Дотащила все до берега неширокой речушки, бросила в воду тяжелый чехол и села рассматривать себя. Пусть в голове клубок из обрывков информации, страха и неуверенности, но на голове-то не обязательно колтуны носить.

Глаза у меня были синие, довольно красивые, чуть раскосые. Узкое, почти треугольное лицо, островатый подбородок, тонкий нос. Волосы – кажется - серебристые, без малейшей желтизны. Такой оттенок получить в моем мире – надо хорошо поискать мастера. Да и заплатить не мало. А тут – природа подарила просто так. Тем ярче смотрелись темные брови и ресницы. Пожалуй, я – симпатичная. Губы только бледные, да и синева под глазами. Но это, скорее, от недостатка питания.

Я достала обломок гребня и, вздохнув, принялась разбирать колтуны – стричь такую красоту было просто жалко.

Глава 3

Опускались сумерки - провозилась я с волосами долго. Сплела косу, кончик затянула шнуром.

Потом намыливала чехол от матраса и смывала, стоя на коленях на большом плоском валуне. Платье отполоскалось сразу же и лежало выжатое рядом. Речка была не широкая, всего метров десять, но быстрая и холодная, с каменистым дном. Пальцы у меня занемели довольно быстро, я плохо чувствовала тяжелую ткань и, в какой-то момент просто выронила неуклюжий комок. Течением его подхватило моментально и потащило вдоль берега, иногда замедляя движение на донных камнях. От валуна, на котором я его выполаскивала, уволокло метров на тридцать, я все это время пробиралась сквозь береговые кусты, стараясь не упустить из виду бурую ткань – входить в воду не хотелось, слишком уж ледяная.

Когда-то в молодости, в студенчестве еще, я ходила в поход с одноклассниками. Один из привалов с ночевкой мы устраивали на Ярве – крошечной ледниковой речушке. Вот там и была такая вода – опускаешь ноги в воду – и их моментально сводит от холода. Весной температура такой воды всего три-пять градусов. Так что зайти в воду я не рискнула, просто шла вдоль воды, ждала, пока ткань зацепит за камни.

Зацепило ее далеко от берега. Как я не наклонялась – дотянуться не могла. Оглянулась и решила, что если выломать ветку из куста – вполне есть шанс подтянуть ткань поближе. Мне и не хватало то до нее меньше метра. Я внимательно осмотрела кустарник, нашла раздвоенную ветку и, обламывая руки, с большим трудом оторвала-выкрутила ее из куста. У основания обломала один из прутьев. Усмехнулась – если обломать второй – выйдет приличная рогатка. А так – получился неуклюжий крючок. Легла на каменистый берег животом и потянулась веткой к камням в воде, где вяло шевелилась ткань.

Никак не могла зацепить, все время самодельный крюк соскальзывал с ткани, появилось даже некое раздражение, что не получается попасть в складку ткани и подтянуть к себе.

Когда рядом с лицом возникли ноги в огромных кожаных сапогах, я даже не заметила. Уловила только краем глаза движение, и, пока поворачивала голову, ноги шагнули прямо в ледяную воду и под нос мне шлепнулся комок ткани. Неловко извиваясь, стараясь, чтобы платье не задралось, я подтянула ноги и встала на четвереньки. Потом поднялась, захватив ткань рукой – она была слишком близко к воде, я опасалась, что ее смочит, подняла голову.

Мужчина был не слишком стар, лет сорок пять, высок и жилист. Усталое, узкое, чуть вытянутое лицо с крупными чертами, косматые брови, волосы схвачены в хвостик и перетянуты на лбу кожаным шнурком, лук за спиной и колчан с несколькими стрелами рядом и чуть с боку. На широком поясе, подвешенные за перепончатые лапы, болтались две птичьих тушки в сизо-черном оперении. Одежда целиком кожаная, кроме свободной полотняной рубахи с рукавами до локтей.

- Благодарю. – Слово сорвалось само собой. Я вдруг поняла, что слова «спасибо» просто нет в этом языке.

- Как ты, Лунка?

Я растерялась. Что отвечать?! Но мужчина смотрел как-то заботливо, да и обращение – Лунка – говорило за то, что он знаком с Алуной.

- Не знаю. Похоже, что все по-прежнему.

- Не похоже, что по-прежнему. Ты похудела еще больше.

Я помолчала – а что тут скажешь? Но он все не уходил, стоял рядом и чего-то ждал. Сложно сказать, почему я осмелилась, но он был первым, кто проявил обо мне заботу.

- Я память потеряла.

Он удивленно скинул брови:

- Совсем?

- Ну... почти. Вы кто?

- Ангус... Ну, дядька Ангус... Вспомнила?

Врать было неловко, он явно волнуется за меня, но и сказать правду я не могла.

- Смутно очень, только лицо знакомое, а больше не помню ничего.

Он помолчал с минуту, что-то обдумывая, а потом сказал:

- Лунка, перебирайся к нам, пока живая... Доколдуешься – совсем помрешь. Пропавши он пропадом, этот дом...

- Вы лучше мне расскажите мне...

- Что?!

- Все, что сможете... А колдовать... колдовать я больше не буду.

Он как-то неловко потоптался и сел прямо на камни-голыши, вытянув ноги в огромных ботфортах в сторону речки. Я примостилась на небольшом теплом валуне. Рядом со мной, сочась водой, лежал скомканный чехол от матраса. Дядька Ангус протянул длинную жилистую руку и погладил меня по голове:

- Спрашивай, Лунка...

- Дом, в котором я живу... Он чей?

- Отца твоего это дом. Свой Суна продала, как замуж за Торма вышла.

- Отец погиб, я знаю. А дом сейчас чей?

- Ежели по правилам братья, то половина твоя, половина Суны. Только ведь половину-то дома не продашь, сама понимать должна. А Суна... Куда она с детьми денется? Так вот и живете, как кошка с собакой. Я тебя давно к нам зову, да ты все за дом цепляешься.

- Так ведь если не цепляться – у меня же больше нет ничего. – Я вопросительно посмотрела на Ангуса.

- Земли половина – тоже твоя. А вот на нее есть покупатели.

- Дядя Ангус, я правда память потеряла... Только, даже такая, я все равно вижу, что жить с ними не смогу. Я сейчас ровно ребенок новорожденный. Даже не понимаю, сколько чего стоит...

Он укоризненно покачал головой:

- Колдовать меньше нужно, Лунка. Нельзя же так себя изводить.

- Дядя Ангус, а почему... Ну, и Лита, и братья эти – ненавидят меня так? Что я худого им сделала?

- Эх, чудо ты, чудо... Думаешь, таких как ты – много? В Лесном у нас ты одна и осталась, да еще Рима моя. Ну, мы-то на выселках, так нам проще. Да и не природник она, а огневик. Им все соседи завидуют, что тебя в город не забрали. Ты один раз рукой махнешь – и страшноеда как не бывало. А руками его собирать – так не один день сгорбившись простишь всей семьей.

- Это я уже поняла, дядя Ангус. А ненавидят-то за что?

- У Литки да младших отец ведь тоже маг был. Природник, вроде бы. Я его мало знал, так, виделись несколько раз в Лесном. Для села – лучшее, что можно. Очень Суна надеялась, что Лита переймет.

Женщины-то природницы лучше всегда чуйку имели, даже если слабые. А оно – видишь, как... Отец когда уходил – ты совсем маленькая была, а кричала – аж вспомнить страшно: «Не ходи, не ходи, убьют тебя...». Ну, ушли мы, а вернулся только я один из всех...

Он помолчал, подтянул ногу и сел поудобнее. Потом продолжил говорить. Не рассказывая, а как будто вспоминая.

- Мы ушли когда, Рима-то моя у вас ночевать тот день оставалась, рассказывала... Ты сознание потеряла и сутки не приходила в себя. Она тебя травкой поила – горячка у тебя стряслась. А потом ты очнулась уже с Силой. А Лита так и осталась пустышкой. Вот Суна себе и вбила в голову, что ты забрала ее Силу. До этого-то она к тебе не плохо относилась. А Силу не забрать, мне ли не знать! Только сам можешь отдать, добровольно. Вот как портал-то запечатали – так и приток прекратился. Потому и новых магов не рождается почти – негде нам Силу брать. А зависть... Зависть-то никуда не запечатывали, Лунка.

- А ты маг, дядя Ангус?

- Был... - он отвернулся, отвернув лицо в сторону .

Расспрашивать дальше я не рискнула. В этом «Был» прозвучала такая горечь... Но как же все сложно с этой магией! Мы сидели молча, глядя как посверкивают нити воды в лучах заходящего солнца. Молчание было тягостным, он, похоже, вспоминал свою магию и потери, я не могла понять, что делать и как жить дальше. Воевать за дом с этой теткой я не стану. Дом мне не родной, проще начать где-то на новом месте, без её зависти и раздражения. Но информации у меня совсем мало. Может быть, стоит послушать дядьку Ангуса и уйти к нему? Ну, хотя бы на несколько дней, просто в гости. Думаю, там хоть покормят нормально.

Чехол от тюфяка дядя Ангус донес до дома сам и развесил на плетне. Прошел в дом, неловко повозился на пороге, вытирая о камень сапожищи, положил одну птицу на стол и позвал:

- Суна! Выдь на минутку, разговор есть...

Отворилась дверь и с шариком в руках вышла мачеха, держа руку козырьком над глазами и вглядываясь в сумрак кухни.

- Кто? Ты что ли, Ангус?

- Я. Я тут тебе болотника принес, снеси в погреб, протухнет ведь до утра.

- Благодарствую. Давно тебя не было...

- Не сезон сейчас, сама знаешь. Только прилетели, тощие еще больно. Да и с гнезд поднимать не гоже. Вот, за весь день два только и попались. Я чего пришел-то... Лунку хочу взять погостить к себе. Рима моя давно просит.

- Что, неужли у вас на выселках уже жук появился?!

- Да вроде нет еще, сорняки только одолели.

- Забирай.

Мачеха взяла в руки тяжелую птичью тушку, покачала на руке, прикидывая вес и повторила:

- Забирай. Через три дня вернешь.

- Иди, Лунка, обувку возьми. Там на дороге-то понадобится. Да поторапливайся, и так задержался с тобой сколько.

Дядя Ангус отодвинулся в проходе и дал мне возможность пройти.

Больше всего это похоже было на сделку, но вопросов я не задавала. Поднялась на верх, оставила зеркальце и один обломок гребня, развесила на спинке кровати постиранное платье и оглядела чердак. Туфли, больше похожие на галоши, нашлись глубоко под кроватью.

Темп он сразу задал такой, что я еле поспевала.

- Ничего, потерпи. Каменный брод перейдем – дальше легче будет.

Каменный брод был широк и не слишком глубокий. Больше всего это походило на огромное опустевшее русло реки, выложенное гигантскими гладкими валунами. Я уже видела такие в своем мире. Многие тысячи лет назад здесь сошел ледник. Это его тонны спрессованного льда и снега притащили огромные каменные глыбы, выгладив их по дороге до состояния голышей у моря. Только вот размеры голышей не совпадали с приморской галькой. Некоторые глыбы были выше моего роста. Пожалуй, это было красиво.

От каменного брода, что мы перешли в последних лучах солнца, идти стало легче. Дороги не было, но под ногами пружинил упругий мох и какой-то совсем уж низкорослый кустарник, что-то вроде брусничника, казалось, что идешь по толстому слою поролонa. Только темно очень было. И чуть страшновато. Ветерок шумел ветками хвойника, запах леса, душистой смолки и терпких трав смешивался с запахом воды. Низко над острыми макушками елей

взошла луна. Шли мы молча, чтобы не сбивать дыхание, как мне показалось, уже часа два. Пожалуй, я обратную дорогу и не найду.

- Ну вот, уже меня и ждут.

- Где?

- Да вон же, смотри.

Дядя Ангус махнул рукой. Я присмотрелась. Далеко впереди мерцал за редкими стволами красноватый огонек.

Тетка Рима, невысокая, сдобная и живая, как шарик ртути, обрадовалась, увидев меня.

- Ой, хвала Силе! Сколь зазывали тебя, а ты все отнекивалась. Ну, пойдем, пойдем в дом. Есть хотите? Припозднился ты сегодня, Ангус. Я уж волноваться начала!

- Помыться бы, Рима...

- Да уж нагрела я воду, иди, намывайся.

Подхватив меня в одну руку, а снаряжение мужа и тушку птицы во вторую, тетя Рима втянула меня на высокое крыльцо дома, слегка подтолкнула в спину и я вошла в деревянную рубленую избу, совсем такую, как видела раньше на картинках.

Накрытый стол ожидал хозяина с поздним ужином.

- Не стой, не стой, к столу вон присаживайся. Не ждала я гостей-то сегодня, так надо добавить чего из еды.

Говоря это, она снова ласково подпихнула меня в спину к крепкой лавке, а сама захлопотала у странной плиты. Больше всего плита напоминала высокий прямоугольник из светлых округлых камней, с уложенной сверху чугунной толстой пластиной. У плиты не было отверстия для дров. Просто вот такая странная каменная колонна. Я с любопытством смотрела, как тетя Рима поднесла к чугунной пластине руку, остановив ладонь сантиметров за пятнадцать от листа, сосредоточилась и пар минут молчала. Угол железки стал на некоторое время тускло-красным. Она раскалилась!

- Ну, вот и ладно теперь, сейчас яишенку добавлю, оно и хорошо будет. А ты совсем отошала, детка, разве ж так можно! Был бы Торм живой – не похвалил бы тебя! Эко издеваться над дитем да голодом морить!

Под эту воркотню она кинула на плиту сковородку приличных размеров, бросила в нее несколько кусочков сала с тарелки, что стояла на столе, накрошила крупную луковицу и залила все чуть не десятком

яиц. Штук семь – точно вылила! Я почувствовала, как болезненно сжался желудок и заломило скулы – я очень хотела есть.

Глава 4

Возможно, это был какой-то кризис организма, но все три дня, отпущенные мне мачехой, я ела и спала. В промежутках разговаривала с хлопотливой теткой Римой, с дядей Ангусом. Задавала вопросы и получала ответы. Много расспрашивала о магии, о мире вокруг. Оба они отвечали охотно, охая над моей потерей памяти.

Очень быстро я уставала и снова шла спать. Почти все время лил дождь, иногда были сильные порывы ветра, но не часто. И под этот мерный стук я закрывала глаза и думала, прокручивала новые знания и погружалась в сон совершенно незаметно.

Тетя Рима только вздыхала да подкладывала мне еды. Сытной и вкусной, хотя и не блещущей изыском. Толстенные яичницы, хлеб, густая похлебка с мясом болотника, овощами и крупой, уха из свежей рыбы, пышные, жаренные на сале лепешки с припеком. Припек был разный – шкварки, кусочки какого-то фрукта, похожие на сушеный изюм, рубленое яйцо с пряными травками.

Пища вся была тяжелая, калорийная, но ела я просто непрерывно, хоть и не слишком большими порциями - голод затихал только на время еды, просыпалась я всегда оголодавшей. Она же, тетя Рима, на третий день завела разговор:

- Луночка, ты бы подумала, детка, может – ну его, этот дом? Ведь как себя извела!

- Я просто не знаю, что мне делать.

Она вздохнула, погладила меня по голове маленькой пухлой рукой и сказала:

- Я б тебя забрала хоть сейчас. Чай, не объела бы! Может, перейдешь к нам? Места хватит, лучше уж здесь, на высылке, чем так-то...

Я уже знала, что они не единожды приглашали девочку перебраться к ним, но Алуна всегда отказывалась, не желая оставлять дом мачехе. Я не испытывала к этому дому привязанности, но ведь и на шее у них сидеть тоже нельзя! Я отрицательно потрясла головой.

- Нет, тетя Рима, не пойду.

Она только вздохнула на мой отказ.

- И то верно. Это мы с Ангусом тут привыкли бирюками, без людей, да без разговоров. А тебе, вестимо, скучно станет.

- Не в скуке дело. А только сидеть у вас на шее я не стану. Лучше уж в город подамся.

- И то – дело!

Почему-то мои слова ее очень обрадовали. Она согласно закивала головой, поддерживая мое решение. Выскочила из дома, я слышала, как она зовет Ангуса с огорода. Он вошел, стряхивая воду с вымытых рук, неторопливо вытер их полотенцем и сел на табуретку напротив. Тетя Рима пристроилась рядышком, на небольшой лавке.

- Надумала, значит? Ну, оно и к лучшему. Надо порешать, как все по уму сделать, чтобы не вернули тебя. В городе, оно, конечно, тоже не мёд, но там хоть работу найдешь какую. Сперва – учеником, потом, глядишь, и мастерицей станешь. Сказывают, что швей не хватает всегда, да и вышивальщиц охотно берут. Не все могут руками-то. Это ж сколько терпения нужно – хоть бы вот рубаху сшить! Раньше то, конечно, с магией проще было. Ну, что уж теперь вспоминать... Не все ведь в войну разорились, кто-то и нажиться успел.

Разумеется, я не могла сказать, что прилично умею вязать. Да и не знала, какая здесь пряжа, какие нитки бывают, но точно знала – на кусок хлеба я себе заработаю. Не потребуется вязание – да хоть на кухню пойду работать. И готовить могу, и посуду мыть. Главное - не жить в этой давящей атмосфере зависти и ненависти.

К сожалению, по местным законам, мачеха была моим опекуном. Нравится мне или нет, а выкупиться из опеки я могу только переписав свою часть дома на нее. Тогда получу от нее официальное разрешение работать в городе. До двадцати четырех лет я – несовершеннолетняя. Именно из-за наличия Силы. У кого нет магии даже капли, те несовершеннолетними считаются до двадцати восьми лет. Если честно, это было одно из самых поразительных отличий от моего мира. Даже без Силы люди здесь жили почти до двухсот лет.

Возможно, именно по этому некоторые рассуждения Литы показались мне несколько детскими – она и была ребенком. Так же, как и прежняя Алуна. Вот только я-то – давным-давно уже взрослый человек. И жить четыре года в атмосфере ненависти – слишком высокая плата за половину сельского дома. Но и просто так я его не

отдам – мне нужно на что-то жить первое время в городе, платить за крышу над головой, за питание, за все.

А еще, когда я ходила в туалет в конце огорода – в ту самую, обычную, дачную будочку, я узнала о себе интересную вещь. Дорожка, выстеленная деревянными спилами, проходила мимо кустов крыжовника. Может дождем, а может и ветром, сломило ветку и она нависала над дорожкой. Обычная ветка, с мелкими белыми цветочками, с влажными после дождя листьями.

Вот об нее я и оцарапала запястье. Лизнула языком выступившие капельки крови, оборвала ветку, чтобы никто не поранился больше и увидела странное – свет опять начал струится по рукам, только усталости я не чувствовала.

Да и направление света было другим. Не от меня, а – ко мне. Руки как будто впитывали этот свет. Ветка в руках съеживалась, высыхала на глазах и когда я испуганно откинула ее, выглядела так, будто пролежала под снегом всю зиму – обычный сухой прут со сморщенными трухлявыми листьями. А у меня притупилось чувство голода. И кровоточащие мелкие ссадины просто исчезли на глазах. Вот тогда я и вспомнила, как крошилась в щепу спинка кровати у меня под рукой. Получается, я могу брать силу от органики? Или тут не важно, органика или нет?

Ветку я подхватила и выкинула в мусорную кучу недалеко от туалета. Узнавать о таком виде магии было страшновато. Какая-то она слишком хищная. Но ссылаясь на потерю памяти, я вывела тетю Риму на разговор.

- Теть Рима, а вот ты где Силу берешь, чтобы плитку разогреть?

- Так сама она собирается, Луночка. Медленно, конечно, но не так у меня и много ее – только на готовку и хватает. А уж тепло зимой – сама видишь, от печки обычной. Я зимой-то, признаться, и готовлю на ней частенько. Зимой Силы меньше, да и восстанавливается медленнее, как бы дремлет она.

- А раньше, ну, до войны, откуда бралась Сила?

- По-разному, детка. Природники и стихийники могли и от стихии своей получить. Ну, огненный – от огня, водник – от реки или озера. Только редко этим пользовались. Пока Источник за порталом работал – всем и так хватало. Сама она набиралась. А как портал запечатали, тут-то и началось...

Она горестно поджала губы и покачала головой.

- Многие ведь, детка, работать-то руками не захотели. Непривычно, вишь, им было... Особливо возле городов стаями сбивались мародеры. И-и-эх... Сколь людей-то невинных загубили... Ну, сейчас-то, конечно, спокойнее. И стража ездит по дорогам, и в городе охраны полно. А тогда, после войны-то, много хороших людей погибло. Вот и батя твой так же... Ангус-то лихорадку подхватил, так остался в лагере, с лекарем и второй сменой. А та половина отряда в засаду попала. Всех там и положили.

- Тетя Рима, а зачем же тогда портал запечатывали?! Ну, с магией-то ведь удобнее.

- Разное оттуда лезло детка, из портала-то. Первые сотни лет охраны хватало, а последние – уже и не справлялись войска. Даже у нас под Лесным нежить появляться стала, а уж говорят у портала и вовсе люди не жили, войска гибли и границу не успевали держать. А последний прорыв только Рыцарь ночи и смог остановить.

- Ой, тетя Рим, а кто это такой – рыцарь вот этот самый? Я уж который раз слышу, а вспомнить никак не могу.

- Это, детка, вот как Ангус с села придет – у него и спросишь. Не больно-то я разбираюсь во всем этом. Я и в школу-то только три года отходила. Когда я молодая была – магов вокруг великие тыщи были! Всех учить не успевали, только самых сильных магии-то обучали как следует. А таких как я – только основам, ну и заодно – читать-писать. А ты бы, пока дождя нет, прогулялась немного. Воздух-то чистый тебе тоже нужен. Природницы все на солнышке любят бывать.

Просто так «бывать» на солнышке мне было неловко. Сегодня я четвертый день гощу на выселках, Ангус ушел в Лесное, договариваться с моей мачехой. Тетя Рима хлопотала по дому, а я прихватила большую корзину и отправилась полоть огород за домом. От дождя и солнца он весь зарос какой-то нежно-зеленой травкой, похожей на мокрицу. Даже крошечные белоснежные звездочки цветов были такими же, как на моем огороде там, дома.

Любопытство оказалось сильнее разума. Очень уж мне хотелось понять, что это такое – магия. Почувствовать ее мощь или слабость, научиться управлять. Все же для меня магия это – чудо!

Я протянула руку к траве, закрыла глаза, сосредоточилась и... и долгое время ничего не происходило... А потом я «позвала» мокрицу.

Внутри себя позвала, а не голосом. И даже не открывая глаз почувствовала, как травка отзывается, как тянется ко мне, выдирая корни из земли. Точнее, тянулась она не ко мне, тянулась она к моей Силе. И Сила тоненьким ручейком потекла в траву, призывая ее, повелевая ей...

За своим состоянием я следила очень-очень бдительно – страшно было снова ослабеть. Как только теплый огонек внутри меня стал уменьшаться, я резко открыла глаза и машинально хлопнула в ладоши, желая прервать льющийся поток света, что стекал с моих кистей в кучку сложенной у ног травы. Обалдеть! Мокрица не только вылезла из земли, но и сама сложилась к моим ногам! Жаль, что я не увидела, как это происходит! Ну, ничего, еще будет время!

Присела на корточки, и как-то не слишком задумываясь потянула Силу из влажной свежей травы... Силу зелени и силу дождевых капель, силу крошечных комочков земли на корнях и силу нераспустившихся еще мелких бутончиков с семенами... Золотистый свет впитывался в руки. Я пила Силу и чувствовала насыщение. Мелькнула неловкая мысль: «Как вампир прямо!».

Скукоженная кучка «прошлогодней травы», сильно сжавшаяся в объеме, лежала у моих ног. Я оглядела бескрайний огород – вычистила от сорняка я, примерно, пятую или шестую часть. Получился этаким лысоватый полукруг, где трепетали на ветерке небольшие ростки картофеля. Молодые, всего два-три листочка.

Получается, если контролировать себя, я могу полоть без особого труда. Возможно, у девочки как раз с контролем и были проблемы. Я то, после общения с бывшим мужем, с невесткой и её мамой, научилась и лицо держать, и слов лишних не говорить. А это, по сути, и есть контроль над собой.

Опыты над растениями я продолжила и дальше. И выяснила не очень удачную подробность. Сил у меня действительно очень мало. И взять больше, чем позволяет какой-то внутренний резерв, я не могу. Но меня это не слишком и расстроило. Одно то, что я могла творить чудеса, пусть и мелкие, было совершенно необыкновенно! Так что, расчистив большую часть огорода и поняв, что устала и хочу есть, я вернулась в избу абсолютно довольная.

По дороге сняла с куста жучка, похоже, того самого страшноеда. Обычный колорадский жук, только маленький еще, молодой совсем.

Гоняла его по ладошке, не позволяя соскочить и думала, как мне, все же, повезло с этой Силой. Мне казалось, что она гораздо лучше огненной или, допустим, какой-нибудь каменной магии. И интереснее, и полезнее.

В доме уже сидел дядя Ангус, какой-то нахохленный и недовольный. Тетя Рима убирала его «добычу» - молоко, творог и мешочек муки, расставляла на столе посуду и прятала от меня глаза.

- Ты это, Лунка... Не расстраивайся сильно-то. Осенью болотники жирные будут, да и много их этот год. Мы тебя снова сможем забирать сюда. И отдохнешь, и так...

Говоря это все дядя Ангус хмурил косматые брови и так же отводил глаза, как и его жена.

- Не разрешила, значит, Суна, в город мне идти?

- Нет... Раскричалась, что договаривалась только на три дня, а сегодня уже четвертый...

- Дядя Ангус, а ты сможешь еще раз со мной сходить в Лесное? Я сама с ней поговорю.

- Да я то смогу, только чем поможет-то это тебе?!

- Я, дядя Ангус, думаю, что поможет.

Глава 5

В Лесное мы шли гораздо медленнее, чем когда дядя Ангус забирал меня на выселки. Дождя не было, чуть парила под лучами солнца земля, я с любопытством оглядывала места, где мы с ним проходили в темноте и с удовольствием разговаривала, задавая все вопросы, которые только пришли в голову.

- Дядя Ангус, я вот все спросить хотела...

- Хотела, так спрашивай, пичуга.

- Рыцарь ночи, он кто? Какой маг?

- Он, Лунка, самый-самый мощный боевик был. Маг ночного огня. Ты совсем не помнишь?

- Очень смутно, дядя Ангус. А чем ночной огонь от обычного отличается?

- Я тут не сильно разбираюсь, Луночка, но вроде как, силу он не только от источника брал, а еще и от ночи. Луна –покровительница этих магов считается. Да их и было то всего четверо.

- Дядя Ангус, получается... Ну, ночь – время нежити. Значит и рыцарь этот связан был с ними?!

- Конечно, Лунка. Только ночной огонь и имеет настоящую силу для нежити. Остальные маги могли затормозить нежить, ослабить могли... Потом рунными мечами нужно было добивать, кольями дерева сай, или вот вода еще от снежных магов помогала хорошо. Но мечом голову отсечь – вернее всего получалось. А ночной огонь их сжигал и силу пил, так что никто и не ожидал, что портал закрывать придется.

- Ну, закрыл он портал, а потом?

- А потом уснул.

- Умер?

- Да нет же, Лунка. Не умер он. Спит.

- Так ведь после войны уж сколько лет прошло!

- Ну и что? Как сравняются две силы в нем – так и очнется. Жалко его...

- Почему жалко?

- Человеком он очнется, а не магом. Столько сил он выплеснул, чтобы портал закрыть, столько чужой магии в себя принял, что... А после такой силищи пустышкой остаться – это тяжело, поверь мне.

Дядя Ангус нахмурился. Я понимала, что ему не приятно говорить о таком, потому замолчала. На время.

- А где он сейчас, этот рыцарь ночи?

- В Альенте, в своем замке родовом, что возле Лейна стоит. От этого замка и город пошел. Хотя, говорят, он там только в детстве и жил, а как магия проснулась в нем – так и отправился в Приграничье. Он сам-то из рода огненных, да вот такой уродился.

- А его родители – тоже маги?

- Конечно, и отец огненный был, и мать – вроде бы – земляная. Только они еще в первом прорыве погибли оба. Случайность, конечно, но, говорят, тогда и проснулась у него Сила такая. Редко она бывает, очень редко.

Перешли брод, сели передохнуть. Не по тому, что устали, а просто так славно было греться на солнышке, еще не жгучем, нежном и ласковом. Дядя Ангус отвязал с пояса флягу и протянул мне. История с рыцарем была мне ужасно интересна.

- На-ко, глотни. Рима моя хорошо научилась травки заваривать.

Мята, лимон, слабый привкус меда и земляники – прохладное питье пришлось очень кстати. Я опустила ноги в воду и немножко поболтала ими, просто так, от переполнявшего меня удовольствия, от того, что ничего не болит, нет ежедневных многоразовых уколов, не нужно таскать при себе инсулин и глюкометр. Я молодая, здоровая и очень красивая! В прошлой жизни я тоже была симпатичной, но все же – не такой. У меня есть даже настоящая магия!

Не знаю, захотела бы я прожить вторую жизнь в своем мире, со своей болячкой и никому ненужностью, но этот был удивительный, сказочный и красивый. Конечно – не без темных пятен, в виде моей мачехи, но ведь и я не беззащитный ребенок! Это дома, с сыном и невесткой, я была мягкой и покладистой. На работе же вполне могла постоять за себя. Хотя, признаться, и там меня надо было крепко вывести из себя. Терпение у меня всегда было.

Хотя, я пока слишком мало знаю о новом мире. И этот всплеск жизнелюбия, пожалуй, стоит отнести к тому, что я выпалась и

отдохнула, восстановила силы. А раз восстановила – значит, можно жить так, как я захочу. Не оглядываясь на мачеху.

- Дядя Ангус, а кто страной правит?

- Род сангира Эльгаро. Он верховный правитель и старший в своем роду.

- А как столица называется?

- Саульто. Говорят, на древнем языке это значило – город сангиров.

И тут я вспомнила это странное слово, что сказала тогда Лита – «санги».

- А моя мама... Она была санги?

- Да. Только ее род отказался от нее, когда она вышла замуж за Торма. Так бывает, пичуга.

О, как интересно. Значит, где-то есть моя родня по матери? Хотя, думаю, мне только на пользу, что отказались. Вряд ли местные высокородные чем-то отличаются от аристократов моего мира. Вряд ли мне бы понравилось презрительное фырканье в мою сторону. Впрочем, уже показалось Лесное, мы прошли по нескольким кривоватым переулочкам и вошли во двор моего дома. Дядя Ангус явно чувствовал себя неловко, зато уперев руки в бок, стояла на крыльце моя мачеха и явно наслаждалась ситуацией.

- Явилась, бездельница! – голос ее слышно было, наверное, на половину поселка.

- Явилась, Суна. – Я смотрела ей в глаза и ласково улыбалась.

Чуйка у нее явно была хорошая – она заметила и мое странное поведение, и улыбку. И как-то очень задумчиво сложила руки на груди. И гораздо спокойнее сказала:

- Пока ты по гостям шляешься, братовья на огороде надрываются. А тебя сегодня Паул на огород звал, так что прямо сейчас и ступай. Кормить бесплатно не буду.

- Суна, побойся Триола! Она же ребенок еще! У нее и так сил нет! – Ангус попытался задвинуть меня за свою спину.

Я ловко вывернула плечо у него из-под тяжелой ладони и молча пошла в огород. В свой огород. Отодвинула калитку в плетне и прошла внутрь по тропинке. Никакие «братовья» там не «пластались». Да и зачем же им пластаться – придет глупая Алуна и все сделает. А как сил

не будет, так можно ей в спину плевать и еду на ней экономить! Очень удобно, знаете ли! Меня просто распирали злость и раздражение.

Закрыла глаза и вслушалась в свою Силу. Она горела ровным теплым огоньком, пусть и не слишком мощным. Как звать я поняла еще на огороде тети Римы, потому сейчас с удовольствием наблюдала, как чуть шевелятся ростки на чисто выполотой земле, как тонкими ручейками стекаются с соседних участков полосатые жуки, как облепляют молодые побеги...

Я успела вовремя прекратить зов и даже не шаталась от слабости, хотя и выплеснула больше половины Силы. Ничего-ничего, я сейчас тут всем веселую жизнь устрою! Я взяла в руки ветку какого-то куста и стала восстанавливать огонек, даже не обрывая ее. Зачем? Так, с корнями, быстрее получится.

Все же я еще не слишком хорошо контролировала свою магию, потому что не услышала, как открылась калитка и в огород зашла Суна. Зато услышала за спиной полу-вздых, полу-всхлип:

- Светлая Сила! Ты что же делаешь, гадина такая?!

Я резко обернулась. Побледневшая Суна стояла, держась руками за щеки, от чего лицо её чуть перекосило. За спиной у нее молча, с вытаращенными глазами стояли братья. Самое смешное, я до сих пор так и не знала, как их зовут. Глядя в глаза мачехе, я спросила:

- Ну что, Суна? Поговорим спокойно?

Она торопливо закивала, глядя, как осыпаются к моим ногам темной трухой несколько веток куста.

- Ступай в дом, Суна, поставь чай, у нас гость. Я скоро буду.

Она опасливо покосилась на меня, но все же нашла достаточно сил, чтобы возразить:

- Какой чай?! Огород-то...

- Я разберусь с огородом. Ты... Да, вот ты – я невежливо ткнула пальцем в старшего из братьев. – Принеси лопату. А ты – я посмотрела на младшего – масла принеси и огня. Да пошевеливайтесь оба, если не хотите без урожая остаться. Понятно?

Глядя на мать ни один из них не осмелился возражать. Суна уходила с огорода оглядываясь и чуть не споткнулась, ее подхватил под локоть стоящий в открытой калитке дядя Ангус. Я видела, что он с трудом сдерживает улыбку. Я улыбнулась ему в ответ с благодарностью.

Жуков я призвала в небольшую ямку, которую выкопал старший из мальчишек. Плеснула сверху полкружки какого-то масла и кинула туда горящую щепку, что притащил с кухни младший.

- Дождитесь, пока догорят и прикопайте ямку.

Старший не слишком дружелюбно зыркнул исподлобья, но возражать не осмелился. А я отправилась на переговоры.

После этой маленькой демонстрации Суна была молчалива и задумчива. Нарезала хлеба и сыра, заварила какой-то травяной сбор, даже достала большой горшок, наполовину полный засахаренного меда и, с некоторым трудом отковыряв кусок и выложив в миску, села на табуретку.

- Мам, она пришла или нет?!

В дом влетела Лита.

- Там дядька Паул спрашивает, работать она будет или нет?! А ты вон чего... А ты тут расселась! – Это она уже увидела меня и решила показать, где мое место.

Суна встала, пошарила в кармане фартука, вынула несколько монет и сказала:

- Поди, отдай Паулу и скажи, что не будет она работать. Некогда ей, скажи, дома, мол, запонадобилась!

- Мам, ты ж мне обещала...

- Бегом давай! – прикрикнула Суна и мы так и не узнали, что именно потеряла сегодня Лита.

Она надулась, на глазах показались слезы, дернув плечом и шмыгнув носом сестра выскочила за дверь. Похоже, не слишком она привыкла к таким окрикам.

Договорились мы на удивление быстро. Мачеха дает мне бумагу-разрешение на работу в городе, я, через четыре года, возвращаюсь и отписываю ей свою половину дома. Самое забавное, что землю соседям она продавать не захотела. И деньги на выкуп у нее нашлись. Нет, конечно, торговаться она пыталась. Хотела за документ получить и землю, и полдома. Но для того я и просила дядю Ангуса пойти со мной. И в качестве человека, знающего местные цены, и в качестве свидетеля.

Конечно, я сейчас передать ей дом не могла – придется ей поверить мне на слово. Но и пакостить я не собиралась. Зачем? Жить я сюда совершенно точно не вернусь. За землю Суна выложила мне сто

девяносто мит. Дядя Ангус сказал, что это нормальная цена. Я с любопытством рассматривала желтые квадратные монетки с цифрами один, три и пять на аверсе. Реверс украшали скрещенные мечи на фоне какого-то раскидистого дерева, похожего на дуб. Чеканка была чуть грубовата, но вполне отчетливо читалась надпись по кругу «Да пребудет Сила вечно»

Все вместе сходили к старосте, я получила большой лист бумаги, куда вписали мое имя и место жительства, а так же - данные Суны. Вместо подписей поставили отпечатки пальцев. Староста, пожилой спокойный мужчина, приходу нашему не удивился, чуть укоризненно покачал головой, сказал:

- Что, Суна? Или я тебя не предупреждал? – Достал довольно большую печать, бережно подышал на нее и аккуратно поставил оттиск на оба экземпляра. Один оставался у него, второй забрала я.

Глава 6

Еще неделю дядя Ангус собирал меня в дорогу. Сразу после подписания документов был большой скандал, и дядя Ангус стряс с Суны еще девять мит. Поняв, что я теперь свободная, но бездомная, что мне больше не угрожает голод или побои, он весьма осмелел в разговоре с мачехой.

- Ты что же, Суна, совсем ума лишилась? Смотри, Сила накажет! И мебель, и посуда, и белье – все денег стоит! Струмент весь для огорода – все тебе остается! А ты девчонку голой хочешь выставить?! Не выйдет так! Сейчас к старосте вернемся – потребую раздела! И продам, хоть и за копейки.

Суна раздраженно швырнула на стол кучку монет. Знакомые уже мне миты – три и пять, и крупные бронзовые квадратики – гроны, как я потом узнала.

- Что хочешь делай, а более нет у меня!

Ангус пересчитал монеты, сгреб в руку и кивнул мне на выход.

- Ежели распродавать все по-честному – оно, конечно, поболее выйдет. Может даже и в половину поболее. Только жить тебе придется здесь и за каждый чугунок торговаться. Решай сама, Лунка, как оно лучше.

Я забрала у него монеты и пошла на верх, за своими вещами. Лишь бы побыстрее уйти отсюда. Спустившись вниз с кучей тряпья в руках, все, что нашла в ящике, застала еще один спор:

- Отдай, Суна! Нечестно этак-то!

Вымотанная Суна, плюнув, кинула мне под ноги какой-то шарик и, громко хлопнув дверью, скрылась в комнате. Ангус нагнулся, поднял с полу шарик и сунул в карман.

- Он, конечно, гаснет уже. Но мы дома Риму попросим подкормить его. У них еще три остается, чай не обеднеют. – как бы оправдываясь сказал дядя Ангус. Похоже, что все эти разборки и торговля надоели уже и ему самому. Провожать меня никто из бывшей семьи не вышел.

Я догадалась, что это, возможно, и был тот самый светящийся шарик, что Лита называла «светляком».

На обратном пути на выселки мы прошли половину села, до центра. Встречали разных людей, многие здоровались и с Ангусом и со мной. Я так же вежливо подносила правую руку к сердцу и кивала. Пусть я не знаю этих людей, но и грубиянкой выглядеть нечего. С одним из мужчин Ангус поговорил и довольный похвастался мне:

- Десять болотников заказал на осень – сына женить будет! А болотник к осени – жирный и тяжелый, это для почетных гостей он набирает. Так вот к осени и наберу заказов, а потом и муки будет на что купить, и молока-творога, когда захотим.

Чувствовалось, что заказом он доволен. А я больше рассматривала одежду встречаемых. Порадовало, что не все женщины были в платьях. Как минимум двое из них, пожилая полная и совсем юная, похоже, её внучка, были одеты в брюки и странные куртки из мешковины.

- Из лесу, Вига?

- Вестимо. Комарье жрет, не снимешь куртейки.

Пожилая остановилась, утерла рукавом пот со лба и, поставив на землю большую корзину, набитую разными пучками трав и связками корешков, немного поболтала с Ангусом, расспрашивая про Риму. Мы с ее сопровождающей несколько холодно разглядывали друг друга и молчали. Я – потому, что не представляла, что говорить. Она – похоже знала прежнюю Алуну и не слишком любила ее.

Я аккуратно рассматривала их одежду с некоторым даже облегчением. Можно будет сшить себе брюки в дорогу. Присмотрелась - в девушке дремала искра магии, еще меньше моей. Совсем уж крохотная и беспомощная. Природница, как и я. Теперь я уже видела выжженное нутро ее бабушки.

Смотреть на такое было очень неприятно, как, например, на человека, у которого оторвана нога и видны старые шрамы. Я невольно отвела глаза.

В центре поселка бок о бок стояли две небольших лавочки. В одной – все, что можно есть, от свежего молока и хлеба, до сушеных ягод и зерна для скотины. Во второй – инструмент, посуда, ткани.

Цена на ткани была двух видов. Высокая и очень-очень высокая! Два куса стоили запредельно дорого! Я присмотрелась и разницу увидела даже на глаз. Та, что дешевле – не слишком хорошего качества, грубоватая, с огрехами и непропрядами. Из такой шили повседневную одежду селян. Только здесь, в лавке, она была еще не

линялая, а синяя, коричневая и белая с желтоватым налетом. Та, что совсем уж запредельно стоила – хорошего качества, как машинная, только было в ней еще что-то странное. Я даже не сразу разобралась.

Заметив, что я щупаю и смотрю на свет эту дорогушую ткань, лавочник, мелкий лысоватый мужичек, сказал, как бы не мне, а просто в сторону:

- Из старых запасов еще, самогрейка и непромокайка. Больше-то такого и не делают! Думаю, у нас ее не продать будет, осенью в город повезу.

Я увидела, что на ткани есть магия! Просто увидела! Объяснить это сложно, ну, как будто тонкий слой прозрачной пленки приклеен сверху – так это выглядело для меня.

- Дядя Ангус, а сколько такая проносится? Ну, когда на ней магия кончится?

- Лунка, больно уж цена кусачая! А держаться магия будет, пока ткань не износится. Они все такие были.

Поколебавшись, я выбрала кусок простой синей на платье и несколько рубашек, что мне обошлось в три тинга и большой отрез синего мягкого сукна с магией. Ночи еще прохладные, обозом мне ехать от трех недель, так что хоть и жалко было денег, а тринадцать тингов я отдала под неодобрительным взглядом дяди Ангуса. И еще шесть тингов за зеленую светло-серую ткань, которая не промокала. В качестве бонуса Ангус выпросил у продавца тележку на неделю.

- Верну, как провожать Лунку пойду.

- Да бери, не жалко – продавец явно был доволен суммой.

В достаточно легкую конструкцию с плетеным коробом мы сгрузили то, что я прихватила из дома Алуны – пара комплектов белья, простеckие платья-хламиды, зимние сапоги, не слишком теплые, но целые, и немного продуктов, которые я купила. Не могу же я есть бесплатно у Ангуса и Римы. Им тоже деньги не просто достаются.

По дороге домой мы опять беседовали.

- ...вот сезон ливневый кончится, дней восемь-десять еще будет дождить, потом обоз в город выйдет. Значит, через семь дней мы с тобой должны выйти с утра и к вечеру будем в Придорожном. Там у знакомых моих переночуем, с купцами договоримся и все решим. А я прогуляюсь до города с тобой – сдам там шкуры, прикуплю того-

другого да и присмотрю, чтобы тебя не обобрали. А через недельку и домой соберусь.

- Дядя Ангус, как-то мне и неловко. Это ж вас дома, получается, пол-лета не будет. Как тетя Рима одна-то справится?!

- Лунка, неужели ты думаешь, Рима тебя одну отпустит? – он, кажется, искренне удивился.

Ближайшие дни мы с тетей Римой были заняты сборами в дорогу. Швея из меня была так себе, но, разумеется, какие-то основы я знала. Распоролла два самых ветхих платья, сшила куски в полотно, не слишком аккуратно, да это и не требовалось. И по образцу брюк Ангуса вырезала себе штаны и сметала на живую нитку. Надела, покрутилась в них, обсудила с тетей Римой, где и что подрезать. Распоролла, подрезала, сметала снова. Уже лучше, но все равно, далеко не идеально. Еще раз распустила наметку и снова подрезала в двух местах. Вот теперь они сели удобно и по фигуре.

Только после этого я распоролла их и аккуратно, экономя каждый сантиметр, разложила выкройку на магической ткани...

На шитье тонкой куртки-ветровки с капюшоном и этих самых брюк у меня ушло почти полностью пять дней. Швы я везде сделала двойные, как на джинсах. Конечно, они не были так аккуратны и красивы, как машинные, но все что я смогла – я сделала. С плащом было и еще проще. Легкую ткань я раскроила так, чтобы сшить полукруг. Этакое подобие накидки без рукавов. Тетя Рима, порывшись в сундуке, нашла очень красивое тонкое платье из старых запасов. Кремовый плотный шелк, белая вышивка по подолу и воротнику, юбка-полусолнце до середины икры, рукав три четверти. Чуть слежавшееся, но очень нежное и нарядное.

- Вот, Луночка... Берегла как память, взамуж я в нем выходила.

- Тетя Рима!

- И не спорь! Не добро это, в сундуке этакое гноить! А ты, случись что, все же нарядится сможешь!

Оттуда же появилась тонкая бежевая ткань на нижнее белье. Чуть тянущаяся, мягкая и приятная на ощупь. Не магическая, но явно из тех времен, когда станки работали на магии и ткани были на порядок лучше современных. Кроме того, выгнав Ангуса на огород, тетюшка сшила мне несколько забавных панталончиков, вполне, впрочем, удобных и не слишком длинных.

- Ткань эта ноская очень, Луночка. И стирается хорошо.

- Вот и сшили бы себе!

- У меня нашито так, что не на один год хватит! Я ведь раньше-то магичила и хорошо зарабатывала. И светляков сама делала, и горячие камни продавала. А сейчас, видишь, светляка зарядить могу, конечно, но он больше двух-трех недель и работать не будет.

Она, забросив все дела, кроме готовки, шила мне новое платье. К нему она добавила симпатичный кружевной воротничок из своих запасов. Простое, для селянки, возможно, даже вполне нарядное, но городские такое носят на каждый день, по утверждению Ангуса.

- Там, Лунка, конечно, побогаче живут. И одеваются наряднее. Так что слухай, что Рима тебе говорит!

Чехол от матраса, куда я складывала все свое добро, постепенно превращался в довольно большой тюк барахла. Пару отрезков простой ткани я везла в город для постельного белья – пригодится.

Через семь дней я прощалась с Риммой. Обе всплакнули.

- Ты, деточка, как устроишься – дай знать. Почта сейчас уже лучше работает. Конечно, не магическая, да и стоит дороже, но с почтой обозы охраняют хорошо. Так что отпишись, чтобы мы тут знали, что у тебя и как. И Луночка... Ежели вдруг что... Ты вертайся сюда. Не чужая ты нам, а в жизни, знаешь, всякое бывает...

Вернулись в Лесное, дядя Ангус отдал тележку лавочнику, взял у него заказ – передать письмо каким-то двум купцам, мы погрузили наши вещи в телегу и дядька Ранк повез нас в Придорожное.

Село было еще больше Лесного, тут даже трактиров было аж три, но ночевали мы на сеновале у знакомых дяди Ангуса. Это было бесплатно. Сразу после быстрого ужина дядя Ангус ушел на весь вечер – договариваться о месте в обозе, было уже темно, и я просто сидела на сеновале, где нам постелили толстые плетеные коврики, точно такие, какие вязали в моем мире бабушки из старых вещей, играя тусклым светляком – училась включать и выключать. Быстро научилась.

Утром хозяйка, полнотелая, пышущая здоровьем молодуха, накормила нас горячей кашей, хозяин, молчаливый Корт, помог дотащить наши вещи до площади и я поразилась, какого размера караван идет из таких глухих мест. Почти тридцать телег, с грузом и без, крытые, как кибитки, груженные какими-то тюками и просто с

ворохом сена. И охрана – полтора десятка лучников и мечников под предводительством гира Сорса, сорокалетнего, крепкого и жилистого мужчины. Все на конях.

Нам досталось место в открытой телеге, груженной товаром только до половины. Возница, суховатый дедок, чуть скрипучим голосом скомандовал:

- Полезайте! Но смотри, Ангус, как договорились – в горку ежели – вылазите и пешком идете! Не хочу животин надрывать.

- Помню я, Торт, помню...

Я улыбнулась – забавное имя у дедушки – Торт, хотя сразу чувствуется – характер-то не сахарный.

Тронулись...

Я лежала в телеге, смотрела в чистое, какое-то праздничное небо и размышляла о ценах города, о том, как там все устроено? Где я смогу жить и работать, быстро ли найду себе место? Хватит ли денег дожить до первой зарплаты? Или, может, снять комнату и начать вязать на продажу? Денег, после сборов и покупки одежды, оплаты продуктов и места в обозе осталось не так и много. Обоз – самый большой расход оказался. Осталось у меня всего сто пятьдесят четыре тинга и немного грон.

Глава 7

Дорога тянулась и тянулась. Как ни странно, через пять дней, уже ближе к городу, попалась выжженная деревня.

- Дядя Ангус! Что это?!

От этого места веяло какой-то странной жутью. Конечно, все это случилось не вчера, но обгоревшие каменные дома, полуразрушенные, покрытые вездесущим выюном, производили тяжелое впечатление. Кроме того, магическим зрением я видела некую липкую сероватую пленку, покрывающую равномерно и развалины, и растения.

- Так и не помнишь, пичуга? Война это... Прорыв большой тогда был... Думаешь, просто так взяли и портал с Источником запечатали? Я, конечно, сам туда не добирался, но говорят, что от старой границы на неделю пути – земли пустые. До сих пор боятся люди селиться. Не зря же предки сюда перешли...

- Предки? Наши предки?

И тут выяснилась интересная подробность. Мир, в котором мы живем – не родной для людей. Человеческая раса зародилась как раз возле Источника, заселила мир, который назывался Раймер и жила там долгие тысячи лет. Пока, однажды, в результате каких-то экспериментов у Источника не появились первые мутанты - гоблины, тролли, эльфы, сальдо. Я так и не выяснила, что за сальдо там еще были, но вцепилась расспрашивать Ангуса.

- А что за эксперименты-то были?

-Лунка, ну откуда я могу знать? В легендах наших говорят, что вроде бы пытались соединить Источник и человеческую сущность. Чтобы, значит, всемогущих людей получить. Только я ить даже не представляю, как это делали. А вот нечисть плодится начала. Да шустро так... Ну и предки решили покинуть тот мир – слишком много людей гибло. Кто уж знает, как оно на самом деле было, но сейчас у нас даже магии нет.

- А когда это все случилось?

- Ну, сейчас семьсот двенадцатый год от Исхода. Значит – семьсот двенадцать лет назад и произошло это.

- Дядя Ангус, а раз есть этот мир, и тот, за барьером, значит есть и еще миры? Ну, совсем другие?!

- Так кто знает-то? Наверное – есть. Только нам это без разницы, Лунка.

Настолько необычна для меня была история этого мира, что я пообещала себе, как только смогу – постараюсь добраться до книг. Ну, есть же всякие там записи и библиотеки? Конечно, читать сказки и жить в них, как вот я сейчас – это, безусловно, очень разное. Но все равно мне интересно! Гораздо интереснее, чем тоскливо ожидать смерти, сидя на своей даче. Может быть, это просто удача, что меня перекинуло в этот мир. Должно же мне было хоть в чем-то повезти?!

Дорога тянулась и тянулась, вечерами разводили костры, готовили горячее, днем остановка была совсем короткой. Только один раз попали под мелкий дождичек, из тех, что у нас называли грибным. Это когда солнышко и чуть поморосит с неба. Через шесть дней от начала пути вышли к широкому гладкому тракту. Я так и не смогла понять, что за покрытие на дороге, но катились по ней телеги ровно и мягко.

На тракте попадались люди. И отдельные всадники, и небольшие обозы из окрестных деревень. Попался и встречный большой обоз, купцы, что вели его, были знакомы с нашими и вечерний привал был общий. Дядька Ангус тоже встретил приятеля Свана – тот охранял встречный обоз и, сменившись с поста, пришел к нашему костру – поболтать. Они вспоминали каких-то общих знакомых и я, чтобы не смущать мужчин, ушла спать в телегу, оставив их у огня.

Еще днем, на привале, я надергала разной местной травы и несколько веток – мне хотелось почувствовать растительность поближе, понять, что я еще смогу делать с ней. Часть была похожа на земные растения, но мне казалось, что есть и некоторые отличия. Зажгла светляка и, закрыв глаза, попыталась «прочитать» ветку с острыми клейкими листочками. Сложно объяснить, как именно, но, через пару минут, я поняла, что это растение – нейтрально. Ни пользы мне от него, ни вреда. А вот мелкая темная травка, какой я не видела в деревне, оказалась гораздо интереснее! У меня в руках был довольно ядовитый отросток. Такой, если корова съест – может и помереть!

Подумала о том, что смогу собирать и продавать травы. Конечно – не сразу. Пока я слишком мало о них знаю. Просто это еще один из вариантов возможного заработка. Это меня так успокоило, что я уснула

среди разбросанных листьев и веток, узнав еще пару разных травок и найдя средство от комаров. В дороге они, надо сказать, донимали вечерами изрядно.

Утром дядя Ангус завел беседу:

- Лунка, через два дня будем в городе.
- Ой, хорошо как! Надоело в дороге-то.
- Сван вчера рассказывал, что в замок люди требуются.
- В какой замок, дядя Ангус?
- В замок спящего рыцаря.

Я несколько растерялась. Про рыцаря я уже слышала, но на кой ему люди? С боку на бок переворачивать?

- Дядя Ангус, так ему что, лекарь нужен? Или что?

- Слуги нужны, Лунка. После войны-то даже у рода Эльгаро денег не так уж и богато было. Конечно, без присмотра его не оставили, но и просто так целый замок содержать – дороговато будет. Кто-то там следил за все, это понятно, но... Сама понимаешь, не маленькая, чай. А на слуг рода Райхор, ежели тебя туда пристроить, вряд ли кто на смелится хвост задирать. И нам с Римой спокойнее будет знать, что ты под присмотром.

- Дядя Ангус, а что я там делать-то буду?

- Сад при замке знатный был, поди-ка, запустел весь. Я ведь вижу, что все равно колдуешь, так хоть кормить досыта станут. Пойдешь? Или хоть вон при кухне тебя устроить – всегда сыта будешь.

Я немного подумала. А что я теряю? Пусть дядя Ангус и тетя Рима спокойно живут, зная, что со мной все в порядке. Хорошие они люди, душевные. А если мне не понравится – всегда можно уйти и попробовать самой устроиться. А так, если платить нормально будут и кормить – я смогу и на домик себе заработать. А потом, будет же у меня свободное время – смогу вязать и подрабатывать.

- Пойду.

Последние два дня перед городом встречались симпатичные деревеньки и огромные поля, засеянные всем, что требуется для прокорма города.

Восьмой день дороги, начиная с полудня, шли пешком. Дорога неуклонно, хоть и медленно, поднималась в гору. Подъем закончился несколько неожиданно, за деревьями дорогу дальше видно не было, но вдруг, как то совсем внезапно, весь обоз оказался на большом и

достаточно ровном участке пути, откуда открывался вид на весь город, лежащий в ложбинке между трех старых, сглаженных временем гор.

- Ну, вот – с какой-то затаенной гордостью сказал старик Торт, тыча рукой. – Вот он и есть – Лейн. Теперь, значит, можно и в телегу сесть. – Практично добавил он.

Лейн, лежащий перед нами как на ладони, был достаточно велик. Не знаю, сколько тысяч народу в нем жило, но думаю, что больше десяти. Самым потрясающим были не четко проложенные улицы и кварталы, не трехэтажные особнячки и цветущие сады. Истоком города был Замок. Именно так – с большой буквы.

Замок поражал воображение не размерами, а удивительной гармоничностью и красотой. Несколько башен разной формы и разного размера, узкие, почти готические окна с витражами, темно-красные остроконечные крыши со шпилями и флюгерами, свьющимися на легком ветру цветными вымпелами. Черный камень искрился на солнце серебряной пылью на сломках и срезах, и все строение казалось сказочной картинкой.

Картинкой он казался еще и потому, что в городе кишели люди. Крошечные люди возились у своих крошечных домов, работали в садах и огородах, ходили по улицам, разговаривали, махали руками, что-то продавали и покупали на нескольких рынках и базарчиках. Город жил своей жизнью, весьма бурной и кипучей. Замок – спал.

Караван спустился в город, и начал рассыпаться на отдельные элементы. Нас старик Торт привез в довольно большую и крепкую корчму, выгрузил во дворе мешки с вещами и, пожелав удачи, растворился в сплетении улиц. Вывеска гласила – «Лунная крепость».

Дядя Ангус договорился со знакомым пузатым пожилым трактирщиком о комнатке для меня. Сам он предпочел спать в большой общей, только вещи свои оставил у меня в комнате.

- Дорого тут все, Лунка. Я уж лучше чуть ужмусь, зато денег домой побольше привезу. Глядишь, тогда осенью и не пойду в город второй раз. Зиму-то я и так пропустил, кашлял сильно, вот Рима и не позволила обозом идти, а сейчас, конечно, на меха не сезон. – Он был чуть озабочен предстоящими делами. – Завтра с утречка отдыхай, я добро свое пойду пристраивать – дядя небрежно пнул мягкий мешок со своим грузом. – А вот после обеда, ежели желаешь, сходим, поглядим, что да как.

Комнатенка была совсем крошечная – узкая кровать, стул, похожий на венский и окошко размером с альбомный лист. Наклонный потолок, так что стоять в полный рост можно было только у дверей. Умывалка и туалет – на этаж ниже. Вон там, как ни странно, не было. Чисто и сухо. Вместо унитаза – дырка в странном, светло-сером поддоне и два огромных выпуклых следа – на них нужно было вставать ногами. Каждые несколько минут поддон ополаскивался широкой струей воды. Такие туалеты я видела и в своем мире.

Под кровать сложили вещи и дядя Ангус посоветовал мне спросить, когда работает мыльня.

- Здесь хорошая она, чистая и теплая. Я раньше мылся пару раз. Да и стоит прямо рядом, вон, в окошко глянь – она и есть. Я-то завтра в городе схожу, оно малость подешевле будет. А ужинать будем здесь. Тровур хорошую поварику держит.

Наличие мыльни обрадовало меня необыкновенно. Я, если честно, раньше опасалась, что попаду в эталонный средневековый город, такой, который представляют себе все пользователи интернета – без канализации, с грязной зараженной водой и вонючими узкими улочками. Однако даже окраина города, по которой мы проехали, напоминала, скорее, старинные европейские городки, облагороженные современностью. Ни вон, ни мух, на луж, ни скотины на улице я не видела. Зато множество цветущих клумб и вазонов прямо у дверей, довольно нарядные люди, хоть и торопливые, и чистенькие дома.

Конечно, окраина не центр, но даже здесь встречались дома в два этажа. Нижний – камень, верх – что-то вроде фахверковых надстроек. Интересным было то, что камень домов – светло-серый и бежеватый. Нигде нет такого, как в замке. В разных карьерах, что ли, брали его?

За мыльней присматривали две женщины – огненный маг, явно сильнее меня, и просто горожанка, выжженная.

Таких людей я встречала уже много. Смотреть на них было тяжело, как на калек, которым ты не можешь помочь. В городе их было на порядок больше, чем в Лесном. Логично, конечно – маги выгоднее устраивались в городе. Тут всегда и возможностей больше и работы.

Женщины выдавали постояльцам чистые простыни –вытереться, они же накачивали воду примитивным насосом в огромные котлы, стоящие в жарко натопленной комнате. Под одним из котлов лежали бурые каменные плитки, которые, пока я мылась, огневица дважды

подогревала своей Силой. Была она мрачновата и неразговорчива. Выглядела очень уставшей. Вода по наклонному полу вытекала в какую-то общую канализацию.

Зря я так удивлялась. С магией или без, но люди живут здесь уже более семисот лет, было у них время обустроится.

В целом, это напоминало обычную общественную баню, и народу было довольно много. Мылись человек десять горожанок – завтра выходной день. Думаю, в будни здесь несколько тише. Конечно, никакой парилки или веников не было, но за четверть тинга – десять грон, мне выдали кроме простыни еще и большой деревянный ковш – зачерпывать и лить на себя воду и маленькую пластинку мыла. Вымывшись, остаток я чуть подсушила и забрала. В городе, действительно, все очень дорого! За доплату предлагали еще травяной отвар, но я отказалась. Обычные травы, просто для запаха. Такие я себе и сама насобираю, как только обустроюсь на месте. Уж что-что, а травку я чуяла хорошо. Не зря в дороге на привалах рассматривала местную растительность.

Что мы ели в общем зале на ужин – даже не вспомню. Уснула я сразу, как выпила кружку прохладного кисловатого взвар, поднялась к себе и ткнулась в чистую кровать. Даже платье не сняла. Последняя мысль была: «Надо срочно устраиваться на работу. Пол тинга в день, хоть и с едой, – я нищей через пару месяцев останусь!»

Спала я как убитая, утром, полусонная, отдала дяде Ангусу его мешок с мехом, сняла мягое платье и снова уснула – дорога, все же, изрядно вымотала меня. Проснувшись голодная, умылась и отправилась в нижний зал, где кормили постояльцев.

Никто не ворчал, что я проспала чуть не до полудня. На завтрак крупнотелая дочь трактирщика, Лесса, выдала мне большую лепешку с медом, чуть теплую кашу, похожую на пшеничную и кружку взвара.

- Есть еще варенье из сливы, из клубники, но за отдельные деньги. Можно мяса – тоже за доплату. – Она вопросительно посмотрела на меня.

- Нет, спасибо большое, но мне этого вот – я кивнула на накрытый стол – вполне хватит.

Эка здесь денежки считать умеют! Я даже улыбнулась про себя – прямо капитализм сплошной. Ну, ничего. Не пропаду!

Глава 8

Разросся парк. И старого дворца
Увил колонны виноград дичалый.
На статуях парадного крыльца
Иммортели, геральдика печали.
Растресканы цветные витражи
И заболочен пруд тоскою граций.
Гнездятся в кровле чёрные стрижи
И в залах призраки картин пылятся.

Невольно вспоминала эти завораживающие строчки, когда мы с дядей Ангусом шли по запущенному саду к замку. На широкой подъездной аллее, ведущей от удивительной красоты кованых ворот к парадному входу, жалкими кучками, сметенными ветерком, лежала прошлогодняя листва.

По обе стороны раскинулся сад, запущенный и заросший, виднелась беседка, вся в сухих плетях.

Цветущие деревья, похожие на наши липы, распространяли сладкий, медовый аромат, но так же нуждались в уходе, как и все, на что падал взор, начиная от тронутых ржавчиной ворот и низенькой оградки вдоль дороги, кончая сломанными зимними ветрами сухими ветками, нарушающими своими корявыми очертаниями нежную, голубоватую облачность цветущих крон.

Огромный мощный двор когда-то был окружен кольцом клумб. Сейчас цветов там не было – только подозрительно бодрые сорняки.

- Дядя Ангус, что-то мне даже боязно. Людей-то совсем нет.

Боязно мне не было, но замок немного подавлял своей опустошенностью.

- Да есть тут люди, Лунка. И охрана при замке есть. Просто... Ну, мало людей-то. Вот и подзапустело все.

Парадная дверь замка была приоткрыта, так никого и не встретив, мы, некоторое время, неуверенно потоптались на широкой полукруглой лестнице. Я с интересом рассматривала резные каменные вазоны, несколько обшарпанное полотно дверей, большие красивые ручки в виде львиных лап и широкий стрельчатый витраж над дверью.

Наконец Ангус не выдержал и пошире распахнув дверь прошел в огромный холл.

Шахматный рисунок мраморного пола, пыль по углам. Я повернулась к приоткрытой дверной створке и подняла глаза к потолку. Витраж не мыли уже много лет. Сейчас, когда сквозь него с трудом пробивались солнечные лучи, он казался почти жалким и уродливым – нижняя часть цветных стекол была так сильно затянута паутиной, что даже не получалось определить цвет. Люстры под потолком были, очевидно, для пущей сохранности, обернуты огромными полотнищами ткани. В тишине слышалось звонкое и надоедливое жужжание мух.

- Хозяева! Есть кто дома?! – совсем по-простецки позвал дядя Ангус.

Где-то вдали скрипнула дверь и раздались уверенные шаги. Мужчина был высок, даже выше Ангуса. Узкое, вытянутое лицо, брезгливо опущенные уголки крепко сомкнутых губ. Седые волосы подвиты и уложены в некое подобие нелепой прически со взбитым надо лбом коком. От этого он казался еще выше. Под тяжелыми, наплывающими веками цвет маленьких глаз не разобрать, но взгляд не слишком приятный, оценивающий. Белоснежная рубаша с высоким стоящим воротничком, подпирающая уши, серая жилетка и серые же брюки. Явно не простой работяга.

Здороваться он не стал. Зато дядя Ангус поклонился довольно низко, дернув меня за руку. Я повторила его жест, но ответного кивка мы так и не дождались. Он просто стоял и молча разглядывал нас. Ангус чувствовал себя так же неуверенно, как и я, немного потоптавшись, как бы размышляя, не уйти ли отсюда, не слишком ли мы мешаем столь важной особе, он, все же, решил заговорить:

- Почтенный сангир, я вот...

Договорить дядя Ангус не успел.

- Ко мне... следует обращаться... - ронс Каштер...

Говоря, он почти после каждого слова делал небольшую паузу, что придавало его словам весомость и рубленость.

- Ронс Каштер, я вот племянницу привел. Говорят, что вы прислугу в замок нанимаете, так вот, устроить бы девочку.

Ронс помолчал, все так же разглядывая нас, но теперь больше рассматривал меня.

- Посудомойка... Один тинг в месяц... Еда два раза... Одно платье в год... – посмотрел на меня с неким сомнением и добавил: – Два фартука... Общая спальня...

Признаться, на что-то очень уж хорошее я не могла рассчитывать, но один тинг! Это значит, в городе я смогу мыться раз в восемь дней. Все! Больше я не смогу позволить себе ничего. Даже простое платье стоит не меньше двух тингов. Ладно – ткани, они здесь дорогие, но еда, даже самая обычная, в городе тоже дороже, чем в деревне. На один тинг в неделю, пожалуй, можно прокормиться, если готовить самой и очень экономить. Чтобы обеспечить себе месяц вольной жизни я должна проработать год, не меньше!

Конечно, у меня были деньги, но работая здесь я ничего не скоплю. Может быть, горничным платят больше?

- Почтенный ронс Каштер, может быть у горничных условия лучше?

Опять неприязненный взгляд и ответ:

- Горничная должна... быть почтительна и любезна...

Он повернулся к нам спиной и ушел в тот же коридор, из которого вышел ранее. Обескураженные, мы переглянулись с дядей Ангусом и молча вышли в так и не закрытую дверь. Постояли минуту на крыльце, пытаюсь сообразить, что именно делать дальше.

- Ты, Лунка, не расстраивайся! Ну, не приглянулась ты ему, бывает. Найдем тебе другую работу.

- Дядя Ангус, я и не расстраиваюсь. Просто один тинг в месяц – совсем уж мало. Так я на ноги никогда не встану.

Мы побрели по аллее назад, к воротам.

- Дядя Ангус, а давай немного сад посмотрим? Все равно ведь нет никого вокруг.

Он немного колебался, а потом, перешагнув вместе со мной низкую оградку, прошел по старой листве, сквозь которую местами пробивалась сизоватая короткая травка. Я смотрела на планировку и понимала – раньше здесь было красиво. От аллеи мы отошли не так и далеко, когда услышали голоса.

- Пойдем назад, дядя Ангус.

- Наоборот – надо идти на голос!

- Это зачем еще? Вдруг заругают нас!

- Узнать, может быть есть другая работа. Ну, этот вот, который ронс-то – он ведь не самый главный в замке. Глядишь, может в другое какое место тебя возьмут. Всякое бывает, а раз уж пришли – надо все испробовать!

Я осознала его правоту, но этот замороженный ронс, который вполне мог стать моим начальником, меня, признаться, пугал. Уж не знаю, чем я ему не приглянулась, но работать с ним не хотелось. Однако дядя Ангус шел вперед, на голоса, и я еле поспевала за ним.

Мы дошли почти до самого забора сада, когда у обшарпанного деревянного павильона увидели людей. Невысокий старичок гневно распекал двух крепких мужчин:

- И всего на день оставил вас, оборотов! И напоминал ведь тебе, Бартос, что обязательно полить нужно! Ничего вам доверить...

Мужики тоскливо переминались и, скучая, ждали, когда же начальство выговорится.

Договорить он не успел.

- Уважаемый, а где бы нам садовника главного найти, не подскажете?

- А зачем это вам, любезный, садовник понадобился?

Старичок выглядел забавно. Лицо его покраснело от гнева, на лысине блестели капли пота, а вокруг, венчиком, завивались легкомысленные седые кудряшки. Он вытащил из кармана жилетки сероватый мятый платок, вытер пот и, отвлекшись от нас, снова с горечью посмотрел на ящики с засохшей рассадой. Ящиков было много.

- Уволены, оба. Идите к ронсу Каштеру, получите расчет.

- Ронс Ингар! Да неужели из-за этого увольняют?! – тот, что заговорил, явно страдал от похмелья. И нездоровая краснота глаз, и привычка облизывать пересохшие губы, все говорило о том, что вчера он изрядно набрался. Второй, такой-же крепкий и такой же неряшливый, даже не стал спорить. Просто безнадежно махнул рукой и побрел в ту сторону, откуда мы пришли. Приятель посмотрел на него, потом на разгневанного старичка, потом снова на уходящего и пошел след в след за ним.

- Так зачем вам, почтенный, садовник понадобился?

- Работа нужна, ронс Ингар.

Пожалуй, пришли мы сильно не вовремя, потому что разгневанный ронс Ингар кажется даже стал выше ростом:

- Еще один работничек на мою голову?! Нет уж, любезный! Мне таких не нужно!

- Ронс Ингар, а если я рассаду поправлю вам – меня возьмете? – я вмешалась до того, как дядя Ангус ответил.

Старичок еще раз утер пот, присмотрелся ко мне и с сомнением спросил:

- Маг что ли? Силы-то хватит?

Сам он был обычным человеком, даже не бывшим магом, потому видеть мою Силу не мог.

- Хватит, может и не на все сразу, но хватит. Только полить сперва нужно.

- Ну, погоди, рона, сейчас кликну кого, накачают и принесут воды. – Он испытующе смотрел на меня.

- Нет, так нельзя. Накачают – она холодная будет. А по такой жаре поливать нужно теплой.

- Ишь ты, разбираешься, значит... Ну, славно, славно... Давай-ка попробуем, рона... Как зовут-то тебя?

- Алуна.

- Ишь ты, из сангиров, значит...

Вечером я прощалась с дядей Ангусом – он принес мои вещи и собирался с утра домой.

- Дядя Ангус, а я вот спросить хотела... Как ронс Ингар определил, что я из сангиров?

- Так по имени и определил. Первая, если, гласная идет – значит в роду сангиры были. Селянин или, скажем, горожанин, такое имя ребенку дать не сможет.

- Подожди, но вот ты – Ангус. Значит...

- Так то и значит, что отец у меня сангиром был. Он и именовал.

- Понятно.

Постояли, помолчали. Наконец он крепко обнял меня и прижал к груди, я заревела. Мне было и страшно вато прощаться с ним, и я не знала, как отблагодарить человека, сделавшего для меня так много. А дядя Ангус гладил меня по голове и приговаривал:

- Ну, будет уже, будет... Рима-то порадует, что ты так хорошо устроена!

Устроена я, и в самом деле, была совсем не плохо. Пять тингов в месяц, еда, комната в садовом павильоне и одежда для работы. По местным меркам – очень даже хорошие условия. Их я обозначила сама и сразу, как только рассада в лотках напилась воды и поднялась ровными рядами.

И с ронсом Каштером ронс Ингар сам разговаривал. Я в это время просто стояла у него за спиной.

- За магию, почтенный ронс Каштер, всегда доплачивают! Так что меньше пяти она не согласна, а мне работники нужны! Сад без рук сколько лет стоял, а вы хотите чтобы он сам собой обрабатывался?!

- Вы берете ее... вам и отвечать... А денег лишних нет... Три тинга...

- А вот вернется ронс Венсен, я ему расскажу, что вы магичку брать не захотели! Можно подумать, каждый день к нам маги ломаются на работу! А ваши бездельники по три тинга мне всю рассаду загубили!

Он насккивал на длинного ронса Каштера как бойцовый петух и клевал ему мозги до тех пор, пока не выбил неохотное согласие.

Стихотворение Леонида Чернышова

Глава 9

Ронс Ингар вел меня по запущенному саду второй раз, теперь – в другую сторону, показывая дорогу к месту жительства и лично толкая тележку с моими вещами. Заодно объяснял, где и что нужно восстанавливать, рассказывал, что именно от меня потребуется.

- Магия – штука ценная, уж на что я простец, а и то понимаю! Ежели вот жука сможешь убирать – очень это хорошо будет!

- Смогу, собирала уже, так что умею. Только кормить меня нужно сытно, а то долго восстанавливаться буду.

- Ну, деликатесов не ожидай, а готовит кухарка у нас ладно, не жалуемся. Она хоть и из простецов, но училась еще с молоду. Конечно, позднее-то ее в замок заберут, ну, вот пока – к нам приставили.

Так я услышала впервые слово «простец». Оказывается, раньше таким образом называли тех, кто родился без магической Силы. На их долю, обычно, доставалась простая и примитивная работа – готовить, стирать, убирать. И – творческая. Та, где магия заключалась не в наличии Силы, а в умении нестандартно думать и смотреть.

Я ни сколь не жалела, что переехала в город – мои знания о мире пополнялись с огромной скоростью. Даже болтовня ронса способствовала этому.

Простецы в городе сбивались в небольшие бригады или организовывали что-то вроде семейного подряда. Например, один человек в семье – маг воды. Остальные, значит, помогали ему. Собирали грязную одежду у клиентов, сортировали, раскладывали по котлам, грели воду и так далее. Они же гладили все и разносили по домам. Или, например, маг огня работал с пятью-шестью пекарями или маги воды и огня - при огромной кухне, где все остальные были простецы.

Это простецы мыли посуду и чистили овощи, настирывали полотенца и фартуки и отбивали мясо. Маг грел плиты и поставлял тепло и свет в дом или из кучи ниток ткал удивительную по красоте ткань. Сильные – изготавливали артефакты. Слабые их покупали и потом всю жизнь заряжали энергией, работая как батарейки. Конечно, многое зависело от уровня Силы мага, но, в целом, жизнь их, даже

слабых, была посытнее, чем у простецов. Хотя, были и простецы, которые, благодаря непрерывному обучению и таланту, достигали высот.

Больше всего таких простецов было среди поваров, парикмахеров, художников и музыкантов. Пожалуй, все это можно было отнести к искусству. Так что раньше существовал некий баланс, при котором простецы были так же востребованы, как и маги. Ну, почти так же. Далеко не все умела магия.

Более того, были вещи, магии просто не доступные. Например – написать картину мог и простец, и маг. И Сила не могла влиять на суть изображения, на талант человека. То есть, сама по себе магия – не талант, а некая особенность. Ну, как черная, белая, или желтая кожа человека, как кудрявые или прямые волосы.

Думаю, я не зря сразу сравнила Силу с электричеством моего мира. Именно движущей силой, энергией мира и была магия. Ну, что ж... Пожалуй, дальше этот мир, Атлантиос, пойдет по пути технического прогресса. Если, разумеется, не сможет восстановить магию. Признаться, я в этом не видела ничего плохого, так как сама прожила жизнь в мире без Силы. А между тем, перебивая мои размышления, ронс Ингар продолжал делиться с провинциалкой историями из прежнего времени:

- ... и вот она, ронса Лейва эта самая, готовила так, что в ее трактир даже санги и сангиры не брезговали заглянуть! Эх, я бы сейчас ее пирожка поел! До сих пор вспоминаю! Конечно, после нее трактир дочери перешел, и готовит Лейва-младшая неплохо, зря жаловаться не буду, только уже не то, совсем не то! Да, вот сюда смотрите, ронса Алуна – вот здесь нужно будет очень много Силы приложить...

Дом, в который привел меня ронс Ингар, был в самом дальнем углу сада, за красивой каменной оградой, увитый какими-то лианами, почти скрытый от глаз тех, кто будет гулять в парке.

- Вот тут и живут те, кто за садом присматривает. Комнат пустых несколько, выбирайте, ронса, которая вам по душе будет.

У старика явно сохранилось почтение к магии, но я чувствовала себя совсем неловко, что такой пожилой человек обращается ко мне на «вы».

- Ронс Ингар, зовите меня Луной, так проще будет. Вы тут начальник, а я просто работаю. Нехорошо выйдет, если всех по имени звать будете, а меня – ронсой...

Он немного помялся, а потом сказал:

- Вот тут ты, пожалуй что, и права, девочка. Ты не думай, я ведь заметил, что ты не все растения знаешь, не слишком в цветах разбираешься, хоть и из деревни приехала. Ну, оно и не удивительно, откуда в деревне «снежные шапки», например, или голубая аруния? Но ты, Луночка, не бойся, я ничего таить не стану, все расскажу и научу всему, лишь бы ты старалась.

- Спасибо, ронс Ингар! Я, и правда, не так много знаю, а за науку буду очень благодарна.

- Ты, главное, старайся! А там уж разберемся. Иди, устраивайся, завтра пойдем смотреть, как тебя лучше приспособить. Первые три двери – заняты комнаты. Первая - моя, во второй кухарка, Верта, живет и Рейга – работница, так им вдвоем удобнее. В третьей эти обормоты жили, туда я новых поселю, кто работать хорошо будет. А остальные пока свободные. Как рыцарь проснется – так и в них рабочих поселят, а пока – ну, сколько разрешили людей нанять, столько и есть. Ступай уже.

Здание было несколько вытянуто в длину. Сразу у крошечных сеней – подобие кухни. Плита, мойка с одним краном, какие-то мешочки на полках, пузатый древний буфет содержал запасы еды, прикрытые крышками и еще - большой стеллаж с посудой. Общий коридор был метра полтора шириной. Заканчивался он подобием душевой и туалета. В центре коридора – длинный узкий стол и скамейки – похоже, здесь кормили рабочих.

Первые три двери я пропустила, как и советовал ронс Ингар. Следующую открыла – вдоль стен четыре кровати с тюфяками и подушками, но без белья. У каждой что-то вроде маленького комода, стол у окна с парой табуреток. По стенам – несколько полок. В комнате некое запустение и тонкий слой пыли. Видно, что иногда убирают, но не слишком часто. Очень напоминает комнату общежития в летние каникулы – даже матрасы свернуты точно так же.

Пятая комната – копия предыдущей. А вот шестая – совсем узкая, на одного человека. Кровать стоит под небольшим окном, не вдоль комнаты, а поперек, ровно от стенки до стенки. Такой же комодик, стол

крошечный и одна табуретка. Места свободного мало, но все же оно есть. Если надумаю вязать в свободное время – мне нужно будет удобное кресло. Пожалуй, вот сюда оно и встанет – между комодом и столом.

Просто из любопытства заглянула в последнюю дверь – стеллажи по обеим стенам, стойки, а на них – инструменты. Лопаты, грабли, стопки небольших горшочков и лотков под рассаду, какие-то мешки, пыльные стеклянные колпаки и прочий инвентарь. Из этой комнаты есть еще выход на задний двор рабочего домика. Пожалуй, стоит глянуть, что там.

Двор узкий, тянется вдоль самого дома, мощеная дорожка к большому столу под раскидистым деревом. Лавки – облезшие, нуждаются в покраске. У низенького крыльца – две бывшие клумбы. И совсем близко к ограде – что-то вроде огородика маленького. Думаю, раньше здесь выращивали часть овощей для рабочих.

Замок отсюда было видно с тыльной части. Если не обращать внимание на грязные окна – он все равно удивительно красивый, хоть и мрачноватый. Солнце уже садится и сейчас, под красноватыми лучами заката, кажется, что по стенам пробегают крошечные язычки пламени.

Совершенно машинально влила немного силы в знакомые росточки картошки и зелени. Легкую слабость заглушила большим, пышным и раскидистым кустом сорняка, но все равно есть захотелось. Пошла устраиваться и тут же познакомилась с поварихой.

Физических сил у меня было не так и много, слишком долго недоедала Алуна, потому мешок с барахлом, что сгрузил с тачки у входа ронс Ингар, я пыталась тянуть волоком. Получалось не очень. Даже три ступеньки крыльца преодолеть не удавалось.

Дверь за моей спиной распахнулась, кто-то охнул, а потом мешок рывком взлетел на крыльцо. Я обернулась:

- Благодарю вас!

- Больно ты тощенькая! Как это тебя Ингвар взял? Тут работы-то непочатый край!

Женщина была чуть выше меня ростом, но такая округло-плотная, румяная, налитая, что я сразу же поняла:

- Вы – ронса Верта? Повариха?

- Она самая и есть! – как-то напевно произнесла женщина. С любопытством глянула на меня и спросила:

- Новенькая? Как зовут-то?

- Луна.

- Ну и ладно, раз Луна, пойдем-ка – она подхватила мой мешок и поволокла его в дом. Затащила в открытую комнату, спросила:

- Есть-то, поди-ка, хочешь?

Я засмеялась. Настолько добродушной и теплой показалась мне эта ронса Верта, что страхи о том, что я не приживусь на новом месте, немного отпустили:

- Вы, ронса, не смотрите, что я такая худая! Есть я почти всегда хочу!

- Эвон как... Маг, значит?

- Маг. Сил мало, конечно, но растения чувствую.

- Ну, раз так – пойдем. Покажу, где и что лежит, что брать можно, ежели меня нет. У вас, у магов, все не как у людей простых. Наколдуетесь, а потом и мучаетесь без сил. А потому, что есть надобно! – строго сказала она.

Тарелка пшенной каши с мясной подливой, большая кружка горячего взвара – он был приготовлен раньше и стоял, укутанный в старое одеяло – сохранял тепло, свернутая улиткой белая булка – я ела как не в себя под воркотню ронсы Верты:

- Раньше-то, оно, конечно, удобнее было – не сравнить. Теперь вот плиту нужно дровами топить, без дров – это только кто богатеи – мага, например, огненного наймут. Только не больно теперь маги-то нанимаются. Всяк норовит сам зарабатывать. А уж чтобы, например, лекаря – так только ежели наместник наймет или вот верховный правитель во дворец наймет. Остальным-то и денег не хватит. Потому как огненную можно дровами заменить, водяную – натаскать той воды, а лекарь, оно что... Оно, конечно, болеть никому не охота! Вот и дерут они, сколь могут.

Я ела и кивала, не слишком понимая, почему ронсу понесло рассуждать о лекарях. Глотнула взвару и спросила:

- Ронса Верта, у вас болезнь какая-то есть?

- Да нет у меня болезни! А этот кровопивец дерет так, что ронс Горзо на людях экономить должен!

Я вопросительно смотрела на нее, ничего не понимая. Она досадливо махнула рукой и пустилась в объяснения:

- Ронс Горзо приехал, к наместнику он с отчетом ездил, каждый месяц он туда катается. Привез лекаря с собой. Раньше-то возил раз в три-четыре месяца, а сейчас – чаще приходится. С прошлого раза еще и месяца не прошло! А лекарь этот за каждый визит денег дерет столько, что к пробуждению мы и замок в порядок не приведем, да еще и задолжаем.

Помолчали, наконец, я рискнула спросить:

- А кто болеет в замке?

- Да не болеет он! Сколько раз говорить – не болеет! Спит он! Только проверять все равно нужно. И чем ближе к пробуждению – тем чаще. Я в этих делах не больно разбираюсь, а только надобно момент не пропустить, а то ведь не проснется и помрет!

- Это вы про рыцаря говорите, ронса Верта?

- Про него. Хороший он человек, и родители у него золотые были, а только вот так не свезло – она как-то безнадежно махнула рукой.

- Ронса, я ведь из деревни приехала. И про рыцаря ничего толком не знаю. Расскажите?

Она с сомнением посмотрела на меня:

- Ну, пожалуй, что и нужно тебе рассказать-то. Ты, в войну-то, совсем еще малая была, да ежели с деревни – так и больше ерунды наслушалась. Ты пей взвар-то, пей, а я расскажу, раз уж ты теперь тут работать будешь...

Глава 10

Я работала в замке Альенте уже третий месяц и радовалась, что нашла для себя эту тихую гавань. После смерти и пробуждения, мерзких отношений в семье, осознания себя попаданкой и обнаружения магии... Пожалуй, слишком много свалилось на меня всего и сразу. Храни Сила Риму и Ангуса, им я благодарна, как никому, но здесь, где я могла сама зарабатывать себе на жизнь, я чувствовала себя гораздо увереннее.

В замке ко мне относились уважительно, мой дар ценили, меня учили и обо мне заботились. Это, конечно, не семья, но люди, которым было не все равно, ела я или нет, не слишком ли устала, здорова ли. Я была благодарна за такое теплое отношение.

День начинался так – я просыпалась с рассветом, умывалась-завтракала. Завтрак подавали в два захода. Первый – это я, ронс Ингар и Рейга. С нами, обычно, завтракал Кастин, один из новых рабочих. Потом мы уходили, а ронса Верта накрывала второй раз для рабочих. Пища была одинаковая, просто они выходили на работу чуть позже.

На завтрак обычно подавали пышный омлет, пирожки с разными начинками и горячий взвар. Иногда мне хотелось молока и творога, об этом нужно было предупреждать заранее – своей живности при замке не держали сейчас, потому молочку привозили с городского рынка.

- Это раньше тут неподалеку скотный двор был. Эх, какие пирожные со сливками делали на кухне! Нежные, воздушные! Ронс Тринкт большой умелец по сладостям был! Погиб в войну, здесь же, в ополчение под городом пошел и погиб. Тогда много кто полег... А тебе, Луночка, ежели нужно творога – так ты не забывай предупреждать заранее! Я на рынок через два дня на третий езжу, так всегда можно купить.

В замке воспоминания о войне преследовали почти всех. Даже в спокойный будний день нет-нет, да и всплывала она в разговорах.

Пока смена ела, мы обходили тот участок сада, где сегодня предстояли работы. Ронс Ингар много рассказывал мне за этот поход, объяснял, где и что растет, что можно сажать вместе, что не стоит.

- Вот, Луночка, смотри! Ежели к этой травке-донги подсадить риль, то получится красивая клумба. А ежели подсадить пинтулу серебристую, то ничего толкового и не выйдет!

- Почему? Она, пинтула, тоже ведь с крупными листьями, яркая.

- Потому, дорогая моя, что пинтула и донге рядом не растут! Не любят они друг друга совсем. Потому твоя задача сегодня – приживить риль. Кастин, слышал? Вот там, где колышки вбиты – выкопаешь ямки в ладонь, рассаду возьмешь у павильона и расставишь, а Луночка нам тут все оживит. Оно, конечно, середина лета уже, и поздновато, зато на будущий год меньше работы. А потом – так же с другой стороны беседки. Поняли меня? Это вам до обеда работа, а потом другая будет.

После этого Кастин начинал работать, а я шла в свою комнату – у меня свободное время. Я садилась довязывать теплый кардиган для ронсы Верты. Нитки мы купили с ней вместе еще в самом начале, но первую свою работу, жилетку, я сделала для ронса Игара. Просто в благодарность за то, что он столько возился со мной и обучал правильному планированию сада и клумб, щедро делился знаниями о том, что, куда и сколько нужно высаживать, какие растения любят друг друга, а какие лучше не сажать рядом.

Ближе к обеду за мной заходил Кастин и я шла «приживлять» риль. Одну меня никогда не оставляли в это время, поэтому Кастин, работающий и молчаливый, чем-то смахивающий на медведя, всегда дожидался, когда я закончу работу и следил, чтобы я не «перебрала» с магией. Сразу после этого шли обедать. Потом у меня был небольшой отдых – часа два, а вот ближе к закату солнца я выходила еще раз в сад.

- Тут, Луночка, все просто. Ежели ты на ночь растения приживишь – так они за эту ночь еще и сами сколько-то сил наберутся. Потому самые капризные – лучше вечером. Магия – штука ценная, вот и надо ее с умом использовать! – Ронс Ингар был очень практичен, да и с магами ему уже приходилось работать.

Вообще, конечно, мне повезло. Был ронс фанатиком своего дела, безо всякой магии точно знающим, как сделать сад красивым и цветущим всегда. Опадали цветы с раулии – начинали цвести маринтусы, декоративные кустики кронтуса радовали глаз бордовыми листьями даже без цветения, зато их нужно было вовремя подстригать. И все это я узнавала в процессе.

Часть магии я, конечно, восстанавливала сорняками, но полностью напитаться силой от них было мало – есть все равно нужно, иначе наступало странное состояние, похожее на опьянение. Первый раз я столкнулась с этим еще в начале работы и изрядно перепугала тогда ронса Ингара – я глупо хихикала и любила весь мир, заставила расцвести тюльпаны, чем, как потом выяснилось, погубила почти все луковицы – вместо того, чтобы набраться сил к весне, они выкинули стрелку, расцвели и умерли за следующие три дня.

Ронс даже бегал в замок и притащил оттуда огненного мага, для консультации.

Огневик Гуран работал при кухне уже давно, маг был опытный, даже когда его сила после закрытия портала скатилась в ноль – ухитрился сохранить в себе искру. Именно он прочитал мне тогда лекцию о том, как правильно распределять Силу.

- То, что ты от травы сорной питаться можешь, оно, конечно, хорошо! Только ежели одной Силой жить – так и с ума сойти можно быстро. Она, Сила, тогда вроде как привыкание вызывает. И вроде ее больше становится, только вот человек от еды отвыкает и потом уже нормально не может жить, так на одной Силе и будет сидеть. А долго так – не получится. Выгорает магия. Ну, вроде как угли под порывом ветра. Понимаешь? Раздует ветер угли, они красным загорятся, и так красиво и тепло! Раз угли вспыхнули, два вспыхнули... Только если дров не подкинуть – они прогорят и все! Вот еда – это и есть дрова! Понятно тебе, мелочь бестолковая?! Эх, что с тебя взять, сейчас вас в деревнях даже и не учат...

Этот урок я запомнила крепко и от травы силу восстанавливала аккуратно. Стать магическим наркоманом сейчас, когда у меня столько интересного впереди – это было бы совсем обидно! Вот тогда-то, отлежавшись денек, я напросилась с ронсой Вертой в город, на рынок. Там и купила ниток на теплую жилетку для ронса Игвара. Просто в благодарность за то, что он столько он со мной возился.

Довольно большая часть растений была мне известна. Здесь росли и обычные сосны-ели, и липы, и каштаны. Такие же были и в моем прежнем мире. Только вот в саду я видела множество декоративных растений, которые не были похожи ни на что. Со временем я узнала, что это разновидности садовых, над которыми долго работали маги-природники. Они выводили новые сорта скрещиванием, совершенно

невозможным в моем мире. Прививали растениям необычную окраску и свойства и закрепляли все это магией.

С моей крошечной силой я вряд ли смогу так, но я не жалела. На мой век хватит учебы даже на тех цветах, что уже существуют. Я была нужна в этом замке, я жила полной жизнью, у меня замечательная магия, молодость и здоровье. Может ли человек желать большего?!

Жизнь текла спокойно и размеренно, но вся она строилась вокруг того самого, неведомого мне, рыцаря ночи. Каждый раз, когда местные вспоминали его в разговоре, я прямо слышала, как они выделяют голосом эти слова. Не просто рыцарь ночи, а – Рыцарь Ночи. И, в целом, я понимала, почему.

За эти месяцы я успела наслушаться рассказов о прорывах. Прорыв - это когда с той стороны портала созревала критическая масса нечисти и ее Силой вдавливали в портал. Далеко не всех успевали упокоить сразу, часть оказывалась достаточно хитра чтобы спрятаться, найти тихое место и размножиться.

Воспоминания ронсы Верты, ронса Игвара, пережившей войну и нападение молчаливой Рейги, потерявшей всю семью еще в юном возрасте, навевали ужас. Вспоминали все это редко, как бы невольно, но даже те крохи, которые мне удалось услышать, объясняли, почему так благоговеют перед Черным рыцарем люди.

Черным его прозвали вовсе не за черные дела, а за цвет магических доспехов. Изготовлены доспехи были из лунного серебра и чернили их в крови нежити – это давало дополнительный слой защиты.

- Это еще отец его придумал, Луночка. Говорят, доспехи эти ажно четыре года ковали! Не для него, разумеется, это просто такой опыт сангир ставил. Я-то тогда молоденькая была, посудомойкой только устроилась на кухню. Это сейчас тут запустение эдакое, а раньше – кипела жизнь. Гостей много принимали, ученики были у сангира, так они здесь же, при замке жили. К рыцарю тогда друзья молодые приезжали часто, такие же шалопаи, как и он. – Тут ронса Верта добродушно усмехнулась. - Кроме того, санги Ольвия, мать-то Ольгерда, она подруг постоянно приглашала, и у нее под патронажем три девицы благородных было, из бедных. И школу магов она постоянно посещала – сама-то сильная была, так два раза в неделю ездила, детишек обучала колдовать.

Так я первый раз услышала имя рыцаря. Ольгерд... Так странно и певуче оно звучало, но в то же время была в нем и мужская сила и некоторая резкость. Красивое, мощное имя. В этот момент он стал для меня немного больше походить на человека, а не на легенду. А ронса Верта продолжала:

- И праздники часто были, да и купцы дорогу в замок хорошо знали. Эх, какие тогда в небе картины устраивали!

- В небе?!

- Вечером, как стемнеет, то бабочки огненные летали, то цветы распускались в пламени, то просто расходились из горящего шара круги разных цветов – белые, розовые, алые, бирюзовые, разные-разные! Этакой-то красоты нигде больше не увидеть было! В Саульто, говорят, в столице-то, и то не лучше наших были, вот как! Ну, а потом старший сангир с женой погибли, тут-то у младшего его дар-то и проснулся полностью... Помню я ту ночь, помню... Связь родителей-магов и ребенка – сильная штука! Знать никто не знал, что они в прорыв погибли, их ведь понесло зачем-то к порталу... Вот ведь, как бывает-то... А он, Ольгерд-то, здесь был, в замке... Отец ведь и не узнал, что доспехи-то эти колдовские сыну его же в пору пришлось! Уж не понимаю я магии, а сказывают – не доспехи эти – не выжил бы парень...

Она печально покивала головой, вздохнула и снова занялась тестом. В словах ронсы Верты чувствовалось, что вспоминать те времена ей приятно, но немного грустно. Думаю, если бы ее обижали, она бы не жмурила глаза от удовольствия, рассказывая про фейерверки и гостей. Похоже, его родители были славные люди.

Я по-прежнему не слишком понимала, чем магия сына отличалась от магии отца-огневика и спросить это было не у кого. В городе существовала школа магии, но туда брали магов посильнее, чем я. Видела я эту школу. Пустое трехэтажное здание, огромный мощный двор, несколько качелей и клумб. Во дворе, под надзором трех человек в форме, вяло играли полтора десятка детей. И это все, все маги, на такой огромный город!

В середине лета отмечали Коронный день – это такой общекоролевский праздник, в этот день семьсот с лишним лет назад первую корону водрузили на голову легендарного сангира Ригора. Про него тоже много болтали за столом, но особой трепетности в рассказах

я не заметила. Бытовало мнение, что этот самый сангир Ригор и был причастен к тому, что пришлось переселяться в другой мир.

Так что праздник был официальный, все с удовольствием пользовались лишним выходным, но трепета от события никто не испытывал. По такому случаю все получили небольшую денежную премию, даже мне выдали десять грон, и разных вкусняшек к столу на завтрак. Нам, например, ронса Верта приготовила пирог с малиной и со взбитыми сливками.

Часть людей ушла на ярмарку в город, часть просто отдыхала в свое удовольствие, а вечером был накрыт роскошный длинный стол, прямо во дворе замка. Так я первый раз увидела, что в самом замке служит больше пятидесяти человек. И вино, мерцающее золотистыми искрами розовое вино, которое там выставили, было вкусным, но коварным.

Я, понимая, что понятия не имею, сколько могу себе позволить выпить, ограничилась буквально двумя глотками и налегла на сладости, а вот не рассчитавшая свои силы Рейга выпила несколько бокалов. В результате, заметив, что она явно перебрала, я решила отвести ее спать – ни к чему портить праздник другим.

Сперва Рейга чуть повозмущалась, но, под строгим взглядом ронсы Верты, тяжело оперлась на мое плечо и согласилась идти к себе в комнату. Так что всю дорогу я слушала ее рассказ, сбивчивый, не всегда логичный, сумбурный...

Зато я поняла, почему у сорокалетней женщины голова просто белая, почему Рейга всегда носит платок и почему она так молчалива.

- ...а я же тогда маленькая была еще, испугалась очень... а глаза у него горели, прямо вот зеленый такой огонек... А потом он взял за руки Ланку, и она сразу кричать перестала... А он ее по головке гладит и что-то напевает... а от песни этой у Ланки зеленоватый такой огонек в глазах, как у него... и все ярче и ярче... а кожа, наоборот, серая стала... и улыбается Ланка, а у нее зубы длиннее в два раза и острые... а я лежу под кроватью и думаю, что она сейчас на меня пальцем покажет... а она не показывает, только смотрит не на него, а мне в глаза прямо и улыбается... и страх мой пьет, вот как алкоголик вино! Пьет и пьет... я описалась тогда... а он песню допел и когтем по шее Ланке провел... а там не кровь, а серый такой пепел посыпался...

Рейга замолчала, а меня охватила жуть, навалилась тяжелой тушей, шевельнула невидимые волоски на руках, холодными мурашками пробежала по спине. Я просто не знала что делать, что сказать...

- Рейга, не нужно это вспоминать...

-... само оно... я бы рада, только оно само... А потом, когда горн затрубил, он в окно вылетел, а на полу кучка пепла... а мне все казалось, что эта кучка на меня смотрит... Потом-то, конечно, гнездо нашли и выжгли... Только деревни моей больше нет... И трава там плохо растет, где гнездо раньше было, прям голая земля и есть. Так что рыцарь-то нас не от смерти спас, когда портал закрыл, не-е-ет, не от смерти... Ежели бы не рыцарь, мы бы сейчас все были такие... с огоньком в глазах... храни его Сила...

Мы уже дошли до нашего дома и я уложила Рейгу спать. Посидела, дождавшись, когда она перестанет метаться по кровати и всхлипывать, принесла на всякий случай тазик и оставила дверь в ее комнату открытой. Мало ли что, вдруг помощь понадобится.

Сейчас я гораздо более четко понимала, почему все так трепетно вспоминают подвиг Черного рыцаря.

Глава 11

Лето тянулось и тянулось, медлительное, ласковое и жаркое. Редко-редко где в кронах мелькал желтый листок. Я работала здесь уже полгода.

Черный замок все так же спал, слуг больше не набирали, работы велись не слишком торопливо, только участвовавшие визиты лекаря разбивали сонную тишину. Иногда лекарь оставался ночевать, тогда поднимался переполох на кухне, к ронсу Ингару присылали горничную – срезать свежий букет в опочивальню.

Похоже, лекарь чувствовал себя очень важной персоной. Пару раз я наблюдала его приезд. Четверка отличных коней, два здоровенных лакея на запятках вычурной кареты, суматоха среди горничных и слуг.

Сам лекарь был невысоким, округлым мужчиной средних лет. Лицо его, какое-то детское, с расплывающимися чертами и носом-кнопкой, всегда вздернутым в верх, было не слишком симпатично. Визгливым голосом он приказывал лакеям и однажды замахнулся тростью на своего кучера.

Не знаю, чем провинился кучер, но смотреть, как пригибается высокий, статный мужик было неприятно. Я радовалась, что мне не придется с лекарем общаться. Обращались к нему – ронс Сафт. Он не был высокородным, но держал себя очень надменно. Не мне судить, сколь велико его лекарское искусство, но к такому врачу я бы обратилась в последнюю очередь.

Дни мои протекали почти одинаково, я немного поправилась и чувствовала себя очень хорошо в спокойной атмосфере рабочего флигеля, среди дружелюбно настроенных людей. Мечты о маленьком домике меня не покидали и я успела не только отложить всю зарплату за это время, но еще и заработать на вязании. Ничего сложного и роскошного здесь не требовалось, обычные жилетки с узорами-косами.

Когда ронс Игвар в дождливый прохладный день первый раз появился в моей жилетке, такие же точно мне заказали многие. Узор был мне знаком до последней петельки, мне даже не нужно было смотреть на спицы, и все свободное время я тратила на работу. Так что

сейчас к моим сбереженным деньгам добавилось уже пятьдесят два тинга.

Несколько раз я выезжала в город вместе с ронсой Вертой, бродила с ней по рынку, беседовала с продавцами, закупала пряжу для работы и узнавала цены. Меня интересовали дома. Не имея своего собственного, личного жилья, я немного беспокоилась. Все же крыша над головой – основа спокойной жизни.

Городские цены кусались, да еще как! Даже простенький домик на окраине стоил не менее четырехсот тингов. Все, что дешевле или находилось в не самых благополучных районах, где в соседях были бы проститутки, алкоголики и прочие маргиналы, или же это были совсем уж убогие хижины, не приспособленные для жизни и готовые рухнуть при малейшем ветре. Там, скорее, деньги просили не за жилье, а за кусок земли.

Впрочем, я не считала это чем-то совсем уж страшным. Откладывая по сто-сто десять тингов в год, я вполне могла года через три уже присмотреть и купить себе дом. А пока – все было совершенно замечательно и так.

И продолжалась эта спокойная жизнь до самых первых заморозков.

Работы в парке почти не осталось, самые капризные растения уже были укрыты на зиму, и рабочих, и ронсу Верту перевели в замок, но меня ронс Ингар оставил при себе. Мы занимались оранжереей. Как ни странно, но там была весьма своеобразная система отопления, трубы с паром проходили почти по земле, а на стеллажах и полках росли различные цветы, которые потом, когда понадобятся, перенесут в зимний сад при замке, расставят на окнах и столах.

Конечно, раньше оранжерея отапливалась магией, но этим летом, пока мы восстанавливали парк, управляющий замка, ронс Гонза, нанимал людей в городе, которые что-то там мудрили, перестраивали и теперь теплицу можно было отапливать дровами.

Тут, в оранжерее, мне приходилось работать не только магией, но и ручками, но я совсем не жалела об этом. Ронс Ингар меня берег и большую часть старался делать сам. Впрочем, я от работы никогда не отлынивала. Так что все у нас было тихо и спокойно.

Я даже начала мечтать, что через несколько лет накоплю на дом, потом поработаю, отложу денег и съезжу в небольшое путешествие.

Например – в Анрино, город-порт десяти дней пути отсюда. Туда заходили корабли из Орландии, которая славилась своей шерстью. Они привозили на продажу роскошную пряжу, которую так и называли – орландская.

Ронса Дейма, у которой я обычно закупала шерсть для вязания, говорила, что прядут эту нить только молоденькие девочки лет до тринадцати-четырнадцати. Только у них достаточно тонкая кожа на кончиках пальцев, чтобы чувствовать малейшую неровность нити. И уж больше девочек не заставляют делать ничего – ни в огороде копать, ни готовить дома, ни стирать – руки их берегут.

Здесь, на местном рынке, моток такой шерсти стоил совершенно неприлично. Зато качество у нее было фантастическое. Больше всего пряжа напоминала мне королевский мохер – такой длинный и пушистый ворс был у нее. Я, разумеется, с любопытством смотрела, что носят местные модницы, не стеснялась спросить у торговок на рынке и вообще, старалась больше разговаривать с незнакомыми людьми. Это давало мне новые и новые знания об устройстве мира, о нравах города.

Так вот, эту нитку брали только на отделку – пасма, примерно на четверть большой кофты или свитера, стоила пятнадцать-семнадцать тингов. На такие деньги, если есть свой дом, можно было пару-тройку месяцев прожить безбедно. Зато и отделка получалась роскошной. Больше всего воротник связанный из орландской шерсти напоминал красивый дорогой мех. И кофты с таким воротником стоили очень-очень дорого – были еще и технологические тонкости в вязании, не каждая мастерица возьмется за работу.

Одежду с такой отделкой могли себе позволить только сангиры, санги и несколько жен самых богатых купцов в городе. Слышала, что существовала даже пара целиком вязаных из орландской шерсти шалей, но сама не видала.

Шел месяц англем, второй месяц осени, когда ночью кто-то сильно начал стучать в дверь павильона. Признаться, я немного испугалась – ронс Ингар сегодня вечером уехал в город, навестить семью, так что в павильоне я ночевала одна. Но просто так слушать громкий стук и крики: - Открывайте, открывайте сейчас же! – было невыносимо и как-то страшновато.

Я накинула на ночнушку халат, крепко сжала в руке тусклого светляка и подойдя к двери спросила:

- Кто там?

- Луна! Это ты, Луна? Меня ронс Гонза послал! Срочно требует!

Я выдохнула и открыла дверь, голос Кастина, с которым я больше всего работала летом, я узнала сразу же.

- Что случилось? – я щурилась на яркий свет довольно большого магического светляка в руках Кастина.

- Не знаю, а только велел тебя немедленно к нему доставить. Там какой-то переполох наверху.

- Где?

- Ну, в замке, бегают там, шумят чего-то...

Ронса Гонзу я раньше видела всего пару раз, мельком, потому не слишком понимала, зачем я могла понадобиться ему среди ночи, но и спорить тоже не могла себе позволить. Велев Кастину ждать, вернулась в комнату, надела платье и прихватила теплую кофту. В замок Кастин провел меня через боковой вход – он находился ближе, чем парадный, потом мы долго шли какими-то переходами и коридорами для слуг. Я никогда тут не бывала и понимала, что назад дороги не найду.

Комната, куда привел меня Кастин, вовсе не была пустой. Первый, кого я узнала, был маг-огневик, ронс Гуран, тот самый, который учил меня пользоваться Силой. Кроме него было еще пятеро, трое мужчин и две женщины. Все – маги. Две водницы, второй огневик, еще один мужчина, чью магию я просто не смогла определить и воздушник. Все обладали небольшими силами. Все были заспанные и хмурые. Спросить, зачем нас здесь собрали я не успела.

Ронс Гонза зашел в комнату из какой-то боковой двери, мрачно посмотрел на нас и сказал:

- Сангир Ольгерд просыпается. Лекарь не может справиться сам – требует подпитку от магов. Так что все идемте за мной.

Новость, как мне показалось, обрадовала всех, ну, почти всех. Я, правда, совершенно не представляла, как я смогу помочь, но раз зовут на помощь – надо идти. Там уж скажут, что делать.

- Ронс Гонза – Гуран, в отличии от остальных загомонивших магов, остался спокоен. – Ронс Гонза, а ежели, допустим, выгорим?

Ронс Гонза нахмурил брови еще сильнее:

- Заплатим. Хорошо заплатим. Кроме того, Гуран, ежели в городе узнают, что ты мог помочь и отказался... Сам понимаешь.

Эти слова заставили магов примолкнуть – остаться простецом никто не хотел. Все же магия, пусть и в минимальном количестве, давала людям больше возможностей для заработка. И еще... Мне, пожалуй, сложно было это понять, но люди родились с магией и прожили с ней всю жизнь. Для них лишится даже маленького огонька Силы – как добровольно отказаться от ноги или руки. Всем стало страшно и неудобно. Посыпались вопросы, сколько силы нужно и не пригласить ли магов помощнее – никто не хотел рисковать.

Однако ронс Гонза, похоже, предвидел такую реакцию людей. Потому он не стал ругаться или угрожать, а просто сказал:

- Ежели кто выгорит – три тысячи тингов платим!

По местным меркам это – огромная сумма! Гул в толпе магов стих, да и выбора, особенно, ни у кого не было. При таком трепетном отношении жителей города к сангиру Ольгерду магов, отказавших ему в помощи просто... Черт, да им просто не дали бы спокойно жить дальше! Ни работы у них не было бы, ни человеческого отношения.

Мы долго поднимались по довольно крутой лестнице одной из башен, я уже совсем плохо представляла, где мы находимся. Все запыхались, переговаривались изредка отрывистыми фразами – берегли дыхание.

Перед входом в комнату ронс Гонза велел всем погасить светляков:

- Лунный свет перебьете!

Все понятливо закивали, только я не сообразила, зачем нужен лунный свет, но спрашивать не рискнула.

Покои сангира располагались на самом верху – огромная круглая комната, с окнами на все стороны света. Сейчас она выглядела достаточно мрачной, хотя света от трех распахнутых окон было достаточно. Лунного света. Резкого и не дающего рассмотреть детали.

В центре комнаты, в потоках лунного света, стояла кровать, на которой кто-то метался и тихо постанывал. Рассмотреть кто именно и что там делает просто не получалась – от нас кровать загораживала невысокая, но широкая фигура человека, отбрасывающая четкую тень на всю комнату.

Он обернулся на шум входящих в двери людей и я с трудом узнала ронса лекаря. Он только усилил общее впечатление жути, этот ронс Сафт. Был он белым, как покойник, по лицу стекали крупные капли пота, воротник рубахи распахнут почти до середины округлого брюшка. У него заметно тряслись руки. И говорить он начал сразу:

- Быстрее давайте, быстрее! Там облако! Скроет луну – не успеем!

Первый к нему подошел маг огневик. Ронс лекарь схватил его за руку и тут я увидела, как Сила начала вливаться в полуобнаженную фигуру на кровати. Нам видно было только спину с двумя рваными шрамами и понятно было, что на кровати – мужчина. Его лицо было обращено к луне.

Это было, пожалуй, даже красиво – тонкие алые нити, сплетаясь в воздухе во что-то, похожее на кружево, на сильно рваное кружево, с большими дырами, накрыли фигуру на кровати, мгновенно затихшую и впитавшую эту Силу. Маг-огневик осел на пол, но на смену ему встал Гонза...

Я смотрела на игру Сил, на голубоватую магию воды, на золотую магию земли и серебряные нити воздуха. Все кружева были рваные, но все равно – удивительно красивые. Лекарь просто перенаправлял Силу от магов в мужчину, сейчас тихо лежащего на кровати. Я оглядела фигуры лежащих магов – они все были обессилены, но магия тлела в них под пеплом усталости. Страх мой почти прошел, да и изначально был он не так уж велик. Я подошла последней и удостоилась замечания:

- Природница? Отлично! – он как-то хищно оскалился и схватил меня за запястье. Я была готова – мне было жаль и рыцаря, который мог погибнуть, и уставшего лекаря, потому я дала ему доступ к своей Силе даже не сопротивляясь.

То, что дальше сделал лекарь, меня поразило, но я слишком мало понимала, что именно он делает. Из моей Силы он начал вить два кружевных покрывала. Одно из них было почти цельным и нарядным, вот его то он и впитал в себя! Я вскрикнула – мой огонек не просто тускнел, он мигал на грани исчезновения! А лекарь все тянул из меня Силу и я уже не могла остановить его! А потом на меня опустилась тьма...

Очнулась я в незнакомой комнате, чувствуя сильную слабость. Рядом сидела горничная, которую я пару раз раньше видела в замке.

Кажется – Дельва. Она сразу подскочила ко мне и подала кружку холодного отвара:

- Пей! Это лекарь велел тебе давать. Он-то сам, на своих ногах вышел, а вас всех вынесли! Только ты еще в себя не пришла.

- А остальные?

- Ну, слабые еще, да, но уже лучше.

- Давно я тут?

- Двое суток. А ведь сангир Ольгерд-то – очнулся! Представляешь?!

Я вяло улыбнулась. Я, конечно, рада за этого рыцаря, но вот мне-то что теперь делать? Слабость была почти такая, как в первый миг пробуждения в этом мире. Я напилась и откинулась на тощую подушку, а Дельва выскочила из комнаты.

У меня больше не было ни сил, ни Силы. Слезы полились сами – мне было ужасно жаль моих нереализованных возможностей и планов. Конечно, без магии я не пропаду, но все равно – обидно, она уже стала частью меня и сейчас я так же чувствовала себя калекой, лишенной чего-то очень важного в жизни. Уснула я незаметно для себя.

Очередное пробуждение было необычно тем, что вместо горничной в комнате сидел ронс Каштер, Он вольготно расположился в удобном кресле, закинув ногу на ногу и недовольно покачивая ногой. Смотрел он не на меня, а на блестящую пряжку на своих туфлях. Я завозилась и он вскинул голову:

- Очнулась? Вставай, тебе нужно поесть!

Я испытывала неловкость – не могла же я при нем встать с кровати! Он, как мне казалось, все понял и вышел со словами:

- Сейчас пришлю Дельву. Но поторопись, у меня еще много дел!

Через минуту в комнату вбежала Дельва с кувшином горячей воды, молча, пряча глаза и не отвечая на мои вопросы, помогла мне обтереться, надеть чистое новое платье, такое же, как у всех горничных замка. Похоже, меня переведут на работу сюда. Пока я не знала, радоваться ли этому или огорчаться. Дельва принесла мне сытный завтрак и вышла.

Я еще не успела доесть кашу, как стремительно вошел ронс Каштер с большой книгой подмышкой.

- Вот, смотри – здесь расписаться нужно. Давай, живее, не задерживай меня!

Он кинул на стол звякнувший мешочек с монетами. Я, очень неуверенно, поставила корявыми буквами подпись в этой книге.

- Слушай меня внимательно! Твои вещи уже собраны, деньги ты получила, повозка ждет. На обустройство в городе тебе здесь хватит, так что не советую проявлять недовольство – это для тебя плохо кончится! Все поняла? Пошли, я провожу тебя сам.

Он подхватил меня под локоть и лично довел до дверей замка.

Через несколько минут я, зябко ежась в тонкой накидке горничной, сидела в коляске, в которой раньше ездила в город с ронсой Вертой. Кучер был другой, незнакомый мне. На мои вопросы он не отвечал, только погонял коней. Высадил он меня у ворот городского рынка, сам выложил тюк с вещами к моим ногам, тут же развернулся и уехал.

Я с сомнением посмотрела на тюк – поднять его и тащить без тележки куда-то далеко я не могла – меня все еще пошатывало от слабости. Но и стоять здесь с мешком денег в руках было не лучшей идеей. Рынок еще только просыпался, большая часть прилавков была пустой. Волоком, обливаясь потом и понимая, что надо что-то решать с жильем, просто срочно, иначе – простыну, я доволокла мешок до крайнего прилавка.

Меня чуть знобило, и я порадовалась, что уже начались заморозки и, хотя бы, нет дождя. Передохнула и сообразила - нужно достать несколько монет и снять комнату на первое время, пока я не куплю себе дом. Заодно отлежусь и отъемся. Нагнулась под прилавок, села на тюк с одеждой и развязала мешочек с тингами.

Глава 12

Плакала я не только от обиды, но и от слабости – голова кружилась, меня знобило, тошнило и очень хотелось лечь. Я совершенно не представляла, где и как найти жилье.

Нет, безусловно, я уже знала районы, где есть недорогие дома. Однажды я даже специально ходила и рассматривала их. Просто чтобы понимать, на какое жилище я смогу рассчитывать в будущем. Там почти всегда можно снять комнату или пристройку к дому – после войны количество населения еще не успело восстановиться. Жилье сдавали охотно и не слишком дорого. Только вот сил заниматься этим всем у меня не было.

- Эй, слышь... Ты не припадочная ли, девка?! Чо тут расселась?!

- погоди, Жарма, не шуми. Что ты кричишь-то сразу? Видишь, вон вещи у нее! Да и одежда справная.

- Дак мне ставить товар нужно! А она тута расселась, эвон, как санги какая!

- Не шуми, сейчас узнаем... Девонька – кто-то потряс меня за плечо.

Я подняла лицо от коленей, торопливо, прямо рукавом, утерлась и задрала голову. Тюк с вещами, на котором я сидела, хоть и был большим, но напоминал, скорее, длинный валик, чем нормальное сидение. Это был тот самый чехол от тюфяка, на котором я очнулась в доме Алуны. Так что смотреть мне приходилось в верх.

Две крепких женщины, чем-то неуловимо схожих между собой. Среднего роста, плотно сбитые, круглолицые. Это пришли торговки на рынок, а я заняла их место. Надо было что-то сказать, попросить помощи, но у меня так кружилась голова, что я боялась упасть в обморок.

- Что, милая, худо тебе?

Я часто дышала и боялась говорить – тошнота подбиралась к горлу. На открытой ладони я протянула женщине две серебряные монеты и несколько бронзовых – столько я оставила в карманах. Там была еще какая-то мелочь, горсть гронов, но они были крупнее и

серебрушки оказались сверху. Вот как вынула из кармана часть – так и протянула. Женщины переглянулись между собой.

- Дак чо тебе надобно-то?! – спросила та, что кричала.

Вторая покачала головой и присела на корточки. Теперь наши лица были на одном уровне.

- Худо тебе, милая?

Я кивнула, судорожно сглотнув.

- Жилье есть у тебя? Помочь тебе добраться надобно? Дак давай извозчика скличу.

Я помотала головой.

- Денег-то у тебя только на седмицу, ну, край – дней на десять хватит... - она хмурилась, но не зло, а как-то озабоченно, словно прикидывая, как на эту сумму протянуть подольше.

Я, наконец-то, сглотнула тяжелый ком в горле и смогла ответить:

- Потом... потом еще будут... деньги будут еще.

- Ну, дак ежели хочешь – сними у меня жилье! Только вот у меня не дешево! – с какой-то даже затаенной гордостью сказала она -Восемь... - она посмотрела на меня и махнула рукой – Ладно! Семь грин за четыре седмицы. Ежели с едой хочешь – дак дороже будет!

Это была не самая низкая цена. Комнату можно было снять и за шесть грин в месяц, но, признаться, мысли поторговаться у меня даже не возникло – мне было уже все равно куда, лишь бы лечь побыстрее. Торговка сгребла у меня с руки монеты, о чем-то пошептала с подругой, вызвав у нее громогласные возмущения:

-... а ежели помрет?! ... вот вечно ты подбираешь, чо не надобно!

Потом она помогла мне подняться, вынула из своей тележки с товаром раздвижную табуреточку, усадила меня у соседнего прилавка и куда-то ушла. Шумная Жарма, недовольно косясь на меня, разложила на своем прилавке зелень, какие-то кучки овощей, и несколько мешочков с цветными порошками – похоже, что пряности.

Затем снова полезла в тележку и начала выставлять товары на соседний прилавок – несколько плетеных лотков с фруктами – обычные яблоки-груши и что-то похожее на поздние персики, только с непривычной окраской – в густо-зеленых полосах. Таких я еще даже не видела. Достала и расставила несколько небольших горшочков с молочным – сметана, творог, еще какая-то белая масса, возможно – простокваша.

Вернулась та, что поспокойнее и сказала:

- Пойдем, милая. Я возчика наняла. Жарма, бери мешок-то, видишь же – не дойдет она сама!

Жарма заворчала, но исправно доволокла мешок до ворот рынка, где уже ждал нас сговоренный возчик. В коляске, куда меня почти втащили, я выдохнула и немного успокоилась. Главное, что на ближайшие дни у меня есть крыша над головой.

- Как зовут то тебя, милая?

- Лунка.

- А меня – тетушка Вайра. Ты не думай, жилье у меня ладное, с отдельным входом и с умывальником!

Сказано это было с немалой гордостью, а я начала соображать – с отдельным входом, значит это не комната, а пристройка к дому. Тогда мне и вообще грех жаловаться на дороговизну, наоборот – повезло. Отдельное жилье стоило дороже, от восьми грин, а тут – за семь сдали. Вообще, пока ехали в коляске, первый приступ отчаяния и дурноты у меня поутих.

В дороге меня немного растрясло, поэтому я не рассматривала ни жилье тетушки Вайры, ни, толком, свое жилье. Главное, что там была кровать и было тепло. Тетушка Вайра торопливо усадила меня на стул, распотрошила мой тюк с вещами, достала постельное белье и застелила плотный тюфяк.

- Все, милая, ложись-ка и отдохни, а я вечером приду и проведу тебя. А сейчас бежать мне нужно – утром то самая торговля и есть!

Я даже не стала раздеваться, только скинула накидку и обувь...

Очнулась я ближе к обеду. Села на кровати, посидела, пережидая головокружение. Немного осмотрелась.

Просторная беленая комната, как в обычном сельском доме. Довольно высокая кровать – когда я сидела, то ноги чуть не доставали до пола. У кровати – самодельный коврик из лоскутков, пестрый и наивный. Узкое, но довольно высокое окно из шести стеклянных квадратов. Между рам – большое расстояние и там, внутри, что-то лежит. С кровати мне не видно – что именно.

Встала, прошла по прохладному деревянному полу. Просто дерево, без краски, но чем-то пропитанное. Пожалуй, даже красиво смотрится. У окна – стол и два стула с высокой удобной спинкой. А между рам... Тут у меня даже слеза навернулась от умиления. Очень

похоже украшали хаты деревенские и дачи в моем детстве. Даже на моей старой даче в далекие годы клали между рам на зиму большие куски белой ваты и посыпали конфетти. Так и тут - для утепления напихано какое-то тряпье, покрытое белой тканью, а на ткани – маленькие разноцветные камушки.

Комната действительно не маленькая. Я прикинула – примерно четыре на пять, потолок, конечно, чуть низковат. У дверей – вбитые в стену кованые крюки для одежды и умывальник дачный с маленькой раковиной. Красивый умывальник, медный, с каким-то черненным орнаментом. Надо же – прямо произведение дачного искусства. В углу – несколько полок с посудой. Самой простой. Два горшка, две больших глубоких миски и три маленьких. В глиняном тяжелом стаканчике с полосками – три ложки, ножик и деревянная поварешка.

Тепло шло от стены, смежной с хозяйской половиной. Здесь, в стене, была сделана странная ниша с таким непонятным уступочком, что я на минуту зависла, не понимая, что это такое. Потом сообразила, и то, только потому сообразила, что на уступке лежал толстый лист чугуна – плита. Когда хозяйка топит у себя – на этом уступочке можно готовить. Надо же, как придумали!

Еще в комнате стоял большой, немного неуклюжий шкаф-буфет. Пустой, и верхние дверцы глухие, без стекол. Зато на всех полках постелена чистая бумага. Я распахнула нижнюю часть – пожалуй, тут можно будет сложить белье.

Но мне срочно пришлось одеваться – требовался туалет, а он, скорее всего, на улице.

Вечером ко мне с большой миской каши и молоком заглянула вернувшаяся с рынка тетушка Вайра. Была она вдовой – сын и муж погибли на войне. Воспитывала дочку, довольно балованную девицу пятнадцати лет, которая, почему-то, довольно надменно фыркнула на меня при знакомстве, за что заработала символический подзатыльник от матери и больше не обращала внимания. Девушка, носящая платье горничной, не показала ей достойной внимания.

- Ой, сегодня в городе-то шуму было! Герольды объявили, что рыцарь-то наш очнулся! Говорят, что уже и встает сам и поправляется после сна-то! Ну, такая радость, такая радость! Сейчас порядок наведет в городе! Раньше-то, при его родителях, разве ж такое

безобразие было? – с этой новостью хозяйка навестила меня через три дня.

- Какое безобразие, тетушка Вайда?

- Дак ведь стражу-то ночную вдвое сократили, ночью из дома не выйдешь – как страшно! А налоги-то напротив за последние несколько лет ажно в два раза увеличили! А с купцов как дерут?! Энтот год к нам даже половины не приехало, супротив прежних лет. А ведь подорожало из-за этого многое, сладость ребенку и не укупишь!

Мы обо всем договорились, деньги я вносила вперед каждую неделю и с хозяйкой виделась не часто. В благодарность за помощь я связала ей теплую жилетку. Она поохала и предложила мне забирать весь товар и вывешивать на рынке.

- А чего? И мне деньга малая, и тебе подспорье! Сама-то ты больно худая, на ветру простынешь да и сляжешь. И опять же – за место платить отдельно нужно. А у меня тама все обустроено давно.

Слабость у меня прошла через неделю и я, поговорив с добродушной Вайрой решила готовить сама – так выходило экономнее. Пока я отлеживалась в кровати у меня было достаточно времени, чтобы определиться, как и на что я буду жить дальше. Я даже перестала пилить себя за то, что позволила так кинуть. Просто перешагнула этот эпизод и пошла дальше.

Хотя, изредка, он все же, пусть и невольно, вспоминался и тогда я чувствовала жгучую обиду – не ожидала я такой подлости ни от лекаря, что выжрал меня не хуже вампира, ни от ронса Каштера. До этого он всегда платил аккуратно и зарплату я, да и остальные, получали день в день.

Я купила себе еще одного светляка, дорого купила, но старые магические вещи и стоили дорого. Кроме того, их раз в седмицу нужно было таскать к соседке-огневику на зарядку и каждый раз платить. Но тут у меня даже выбора не было – я много вязала, собираясь, как минимум, окупать свою нынешнюю жизнь, чтобы не лезть в денежный запас. А зрение нужно беречь. Даже лекарь-маг, чьи услуги всегда будут стоить дорого, может не справиться с катарактой или близорукостью.

Вязала я, в основном, всякую мелочь. Теплые гольфы, гетры, носки. Уходили они быстро и денег мне хватало на все, даже мелочь оставалась каждую неделю.

Жить в этом городе я не планировала – слишком мерзкие воспоминания были у меня. Так что ближе к весне я стала присматривать себе обоз. Разумеется - с помощью тетушки Вайды. Она, хоть и жалела, что теряет тихую и спокойную жиличку, но обещала помочь. Вот как раз ей я доверяла – не раз за зиму убедилась, что человек она честный. Да и купцов многих она знала, пусть и понаслышке. Сплетни на рынке разлетались мгновенно и если кто-то их людей вел себя непорядочно – об этом тут же узнавали все. Репутация честного торговца здесь ценилась очень и очень.

- Ой, Луночка! Нашла я обоз хороший, нашла... Но так мне жалко, дорогая, что уходишь ты! Зато там и охрана отличная идет. Сам Ровер, со всем своим отрядом будет. На него и не нападают никогда – знают, что он потом жизни не даст никому! После войны он, сказывают, два месяца за одними такими охотился – всех вдоль дороги развесил! Боятся его, вона как! Вот завтрава пойдем со мной, и поговоришь с ронсом Цинтом. Он обоз большой всегда ведет, глядишь, и будет место лишнее.

С ронсом я договорилась не совсем обычным образом. Он долго сомневался, стоит ли брать девушку без сопровождения. Но когда я сказала, что готова накинуть десять процентов сверх обычной цены – сдался, но с условием:

- Ты, девица, с возчиками договаривайся. Ежели кто тебя повезет – так тому и быть. Нет, деньги приberi пока. Как договоришься – так и заплатишь. Не знаю уж, кто и возьмется. Почти все груженные едут. Так что приходи к отправке через три дня – там и договаривайся.

Отправлялись с окраины города, от постоянного двора «Ветка дуба». И весь двор, и площадь перед таверной были заставлены телегами, сновали и шумели люди, паковали багаж и ругались, торопились выйти пораньше.

Я выбирала полупустые телеги и просилась, но даже не смотря на предложенные деньги договорится не удавалось – почти все собирались добирать товар по деревням вдоль дороги.

- Нет, девка, нет... До Веселок доберемся – там загрузят так, что и самому места не станет. Ступай-ка, пока не зашибли чем – вишь, торопятся люди...

Поняв, что я не уеду сегодня, я расстроилась до слез. Ведь и в следующем обозе для меня может не найтись места! Я смотрела, как

здоровущий ронс Цинт взбирается на массивного каурого коня с мохнатыми ногами, понимая, все... шанс упущен!

- Чего ревешь, девица? Кто-то обидел?

Я резко обернулась. Мужчина. Высокий, сутуловатый. Не старый, но какой-то... Как пылью присыпанный. Внешность и не запомнишь с первого раза, одет в серое, не новое, хоть и аккуратное. Серые волосы собраны в короткий хвостик. На боку, в ножнах – сабля или меч – торчит оплетенная кожей рукоять...

Глава 13

Спасибо всем, кто остался со мной и моей новой книгой))

Обоз шел уже четвертый день. Я вполне успокоилась. Понимала – теперь не выгонят. Деньги ронс Цинт взял, посопел не слишком довольно, но – взял. Похоже, что он был уверен – никто не примет на себя такую обузу как я.

Возчик, с которым я договорилась, получил свою плату вперед в его же, ронса, присутствии, так что до места меня довезут, не бросят. Тогда мне показалось, что деньги его не слишком и интересуют – он даже не пытался торговаться, хотя я-то, готовая к торгу, назвала минимальную цену. Он просто сказал:

- Ладно, не реви только. Пошли к ронсу, ему еще заплатишь и грузится нужно.

Мне кажется, он просто пожалел девушку, с трудом сдерживающую слезы. Как бы то ни было, а меня взяли в хороший и надежный обоз. Охраны было много, капитан лично проверял ночью посты и воинов своих держал в строгости – некоторые возчики по вечерам у костров выпивали, но ни один солдат такого себе не позволял, так что можно было надеяться доехать без приключений.

Через день ночевки были в селах, но уже дважды ночевали под открытым небом, на оборудованных каменными кострищами стоянках, с легкими навесами от дождя для коней. Возчик сказал, что до войны здесь были села. Сейчас, под тающим на весеннем солнце снегом, видны были только бугры и черные печные трубы, редко и одиноко торчащие среди серых комковатых сугробов.

Возчика звали Харт, молчаливый, непонятный мужчина, который все больше вызывал мое любопытство – он обо мне заботился. Сперва я даже опасалась, что вызываю его интерес как девушка. Все же от Алуны в наследство мне досталась необычная и яркая внешность. Однако ничего такого не происходило. Харт не пытался до меня дотронуться, сказать любезность, дарить подарки или что либо похожее делать. Даже когда останавливались в Веселках на ночь, и он принес свежих теплых булок к ужину – это не было подарком. Он

совершенно спокойно взял деньги за половину, а булки мы с ним честно разделили – по одной каждому на ужин и по одной на завтрак.

Так что дурные мысли из головы я выкинула. В то же время я наблюдала за другими людьми, кто ехал с нами в обозе рядом и понимала – его поведение отличается. Не так сильно, чтобы бросаться в глаза всем, но – отличается. Для него нормой было подать мне руку и помочь слезть с телеги, перехватить тяжесть, помочь в чем-то на привале.

Его манеры не слишком вязались с его внешностью – это меня и удивляло. Лицо с незначительными, незапоминающимися чертами, мутноватые глаза, нескладная костистая фигура.

В обозе я была не единственной женщиной и видела, что мне повезло. Когда останавливались на ночь – он, первым делом, доставал ведра и приносил мне воды – смыть дорожную усталость с лица и на готовку. Остальные женщины таскали воду сами. Заметив в первый день, как неумело я развожу костер, он что-то нечленораздельно буркнул и, с тех пор, разводил его сам.

Более того, каждый вечер он собирал сушняк и хворост в еще заснеженном лесу, кидал охапку в телегу и вечером, сразу после остановки обоза, мгновенно разводил костерок, чтобы я погрелась. Женщины же ползали по снегу сами, иногда проваливаясь по пояс и, выходя на место стоянки с охапками хвороста и веток за спиной, стянутых веревкой, распрямлялись с трудом. Потом уже Харт приносил воду и шел заниматься конями – выгуливал, чистил, кормил, укрывал на ночь попонами – заморозки хоть и были не слишком сильные, но к утру пар изо рта немного шел.

Готовила я, так как-то само собой сложилось, хотя этот момент мы с ним не оговаривали. Ничего сложного – кашу, в которую крошила окорок, похлебку с сушеными грибами и пряностями. Маленький мешочек пряностей мне подарила на прощание тетушка Вайда.

- Ты, Луночка, в суп щепотку кинешь, этак минут за десять до готовности – они такой вкус и аромат дадут – чудный просто! Я всегда у Жармы покупаю – умеет она сушить правильно. А за носки – спасибо тебе, детка. Сохрани тебя Сила в пути и дай она тебе жениха красивого и богатого!

Тогда я подумала, что раз магия в мире пропадает – следующие поколения начнут упоминать Силу так, как в моем мире упоминают

бога. Хотя мысли о том мире посещали меня все реже и реже – я вживалась в этот, странный, непривычный, но все же – интересный.

За день в телеге я успевала изрядно подмерзнуть, хоть и надевала на себя кучу тряпок. Но лежать все время, укрывшись большим покрывалом из слегка облезшей овчины было совершенно невозможно – тело затекало, требовало движения. Да, под овчинами было тепло, но ужасно скучно. До тех пор, пока Харт, не заметив, что я бесконечно елзю в телеге, то садясь, то вновь забираясь под шкуры и ворочаясь там, хмыкнул и достал из своего мешка с вещами две книги.

- Грамотная? – говорил он мало и отрывисто, как бы сберегая слова. И голос был такой-же невыразительный, как он сам. Нет, не противный, но совершенно незапоминающийся.

Я растерялась и даже не знала, что сказать. Кто знает, смогу ли я разбирать местные буквы? Неуверенно кивнула головой и получила в руки чуть потрепанный томик. После этого он как-то ловко сложил свои и мои вещи на телеге, покрыл их овчиной и получилось что-то вроде удобного сидения с мешком за спиной, на который можно было опираться. Так я и ехала – как в кресле, только вытянув ноги, закутанная в овчины и читала, с удовольствием разбирая чуть непривычные речевые обороты.

Одна из книг называлась «Жизнеописание Жилон-водника в землях Орландии». Конечно, мне бы гораздо полезнее было прочитать про добычу шерсти и способы окраски нитей, но и забавные приключения любвеобильного нахального мага тоже хорошо. Я уже и забыла, какое удовольствие может приносить чтение. Единственная проблема была в том, что я не могла понять – художественная это литература или реальное жизнеописание. А спросить – побаивалась.

К концу первой седмицы путешествия мы с возчиком почти подружились.

Ужинать, обычно, садились немного раньше остальных, потом я мыла посуду, а Харт собирал топливо для завтрашнего костра, а вот уже потом, закончив возиться с делами, устраивались поближе к небольшому костерку и разговаривали. Первые дни мало и только по делу. Последующие – все больше и больше. Он оказался неожиданно интересным собеседником – много, где бывал, многие земли посещал лично, знал разные обычаи и законы других стран.

Потрескивали сучья в костре, терпко пахло дымком и летними травами – Харт заваривал какой-то замечательный травяной сбор – в больших глиняных кружках слегка парил чай. Я жмурилась, глядя на взлетающие над костром искры и как бы небрежно задавала очередной вопрос:

- Харт, а вот ты вчера говорил, что нежить вы встретили не сразу. Дальше-то что было?!

Мне все это было интересно, я заворуженно слушала рассказ о том, как он до войны был магом, как путешествовал с парой друзей, как они вляпались в довольно опасное приключение, когда из любопытства остались ночевать недалеко от уже выжженной нечистью деревни и чуть не погибли, потому как совсем рядом с ночлегом обнаружилось свежее гнездовье, а у трех не слишком умных подростков не хватило сообразительности даже сторожа поставить – их всех спас Ринг, пес, который путешествовал с ними.

Это напоминало фильм ужасов с хорошим сюжетом и мне несколько трудновато было принять, что таковы реалии моего нового мира и это не рассказы из книжки, а воспоминания очевидца. С ума сойти от такого можно! В процессе всех этих разговоров я даже не сразу заметила, что Харт аккуратно выпрашивает меня. Вопросы он задавал как-то осторожно, вскользь, так что и подозрение, что он что-то пытается узнать, появилось у меня не сразу.

Сперва я спокойно отвечала, что родителей не помню, что с мачехой не ужилась и устроилась работать в замок, что недавно уволилась и надумала переехать поближе к источнику шерсти. И, если повезет, там найду купца, который будет увозить уже готовые изделия из орландской пряжи в другие города, на продажу. Что вязать умела всегда, так что не пропаду. Про то, что я имела Силу и выгорела я не сказала – слишком это было личное и болезненное.

Харт после закрытия портала стал простецом – сам мне сказал. Впрочем, как и я теперь, так что увидеть во мне выжженную магию он не сможет. Значит и не будет вопросов куда делась моя магия. Это меня радовало. Ведь во время войны я была слишком мала и магию иметь не могла еще, а маг может разглядеть во мне источник мертвой Силы. Вопросы о том, как я потеряла свою магию были бы мне неприятны.

Насторожило меня только то, что Харт начал выспрашивать о жизни в замке. Начал с самых простых вопросов – как устроилась, сколько платили, как там жилось. А смутили меня такой вопрос:

- А когда сангир Ольгерд просыпался, ты в это время где была? Интересно ведь узнать, как и что проходило там!

И врать ему было неудобно, но и правду сказать я не хотела. Потому я довольно обтекаемо ответила, что я же, мол, в сад на работу нанималась, а что там и как было в замке – мне никто не рассказывал.

Он как-то странно хмыкнул, а потом перевел разговор на другое.

Следующий вечер прошел в беседах о магии. Пусть я и стала простецом, но все же мне было интересно знать о том, какая она бывает, как проявляется, чем отличается. Рассказывал Харт хоть и не слишком охотно, но весьма содержательно. Я даже заподозрила, что сила у него была не маленькая, раз учился он в городской школе. Из его рассказов я не только узнала подробности, но и выхватила новое слово:

- Подожди, Харт... Ты вот сейчас слово такое сказал непонятное. Подлунные – это кто?

- Ты что, никогда не слышала?! Ну, вот сангир Ольгерд – он как раз подлунный.

- А что это значит-то?

- Неужели не слышала никогда? – он удивленно поднял брови.

- Я же в деревне жила всю жизнь почти. Школы там не было, да и магов не осталось. Я магов-то настоящих только в городе и увидела.

- В некоторых магах, в основном – в природниках, сочетались две Силы. Они могли не только растениями и животными управлять, но и силой луны. Они не так от портала зависели. Споров по поводу таких магов было много. Некоторые ученые считали, что в этом мире есть своя, родная ему магия. И дарит Силу здесь Луна. Так вот, когда было большое заселение земель, иногда появлялись дети, которые владели двумя Силами. Правда, как правило и той, и другой – слабо.

- Почему?

- Ну, Лунка, я-то откуда знаю?! А несколько раз бывало так, что вторая Сила пробуждалась у мощного мага. Всегда – у огненного. И тогда он становился непобедим. Правда, очень уж это редко было. Всего таких случаев за все годы три и было. Таким был сангир Неркос. Слышала о таком?

- Нет, никогда не слышала. Расскажешь?

- Ну, могла и не слышать, конечно. Он лет через сто после переселения восстание поднимал, так что когда поймали его – казнили.

- Ох ты! Как же его поймали?

- Вот второй такой же маг его и ловил. Санги Рагина.

- Женщина?!

- Владычица правящего дома!

- Ого! Она сама воевала?!

- Сама. Только после этого боя умерла от ран через неделю после казни Неркоса.

Помолчали. Мне все это казалось совершенно удивительной и чуть страшноватой сказкой. Харт думал о чем-то своем и даже чуть хмурился.

- Скажи, Харт, это у сангира Ольгерда такая сила была?

- Ну... кто его знает... Говорят, что такая. Потому, мол, и жив остался.

- А что они могли этой Силой делать? Ну, огневики – огнем управляют, земляные – камнями и почвой... А подлунные эти?

- А никто точно не знает! Вроде как они могли иллюзии творить. Ну, вот горит костер – а руку сунешь – нет никакого огня. Обманка сплошная. И магия их Силу набирала по ночам, от Луны. Слышал, что могли они ночью зверьем и птицами управлять. Ну, врать не стану, не знаю, правда или нет. Много чего про них говорят, только непонятно, что правда, а что – так... - он небрежно махнул рукой.

- А еще...?

- Считалось, что они нечисть лучше чувствуют. Так что в войну их всех к порталу забрали. Кто знает, есть ли сейчас живые такие.

- Харт, ну, магия иллюзии, это, конечно, здорово. Только я не понимаю, какие это преимущества в бою дает...

- Да никаких. Только когда есть две силы – они друг друга поддерживают и питают. Потому и возрастает мощь такого мага. Давай-ка спать ложится, завтра вставать рано. - Он завожился в телеге, взбивая тощий тюфяк и устраивая там на ночь лежбище.

Пришлось бросить раздумывать о странной магии и идти помогать.

Спали мы в телеге, каждый под своим одеялом, но сверху укрытые общим пледом из овечьих шкур, так что тепло было. Однако

в эту ночь сон ко мне не шел. Сперва я обдумывала, как мне лучше будет на новом месте – сразу искать комнату или сперва в таверне остановится. Город портовый, там, наверное, жилье еще дороже, чем в Лейне было. Так что денег моих на дом не хватит, даже на маленький. Хотя, если поискать по окраинам, подальше от порта...

Харт уже тихонечко постанывал во сне, я слушала шаги караульных, поскрипывание снега, чужа запах дымка от костра солдат и смотрела на тонкий полумесяц. Сон так и не шел, зато вспомнился рассказ возчика о том, что силу маги брали ночами у луны. Кто знает, что во мне вдруг заговорило, но я, глядя на серебристый серп, всей душой потянулась к нему и попыталась зачерпнуть силы... Раз... и второй... и третий...

Совершенно безнадежное занятие...

Слезы навернулись на глаза сами собой, но я резко вытерла их. Нечего тут раскисать. Жила всю жизнь без магии и дальше проживу. Жалко только было этой несостоявшейся сказки, удивительной власти над растениями, новых умений... Ужасно жалко!

- Ну, что случилось? – голос у Харта был такой, как будто он и не спал. – Болит что-то? Да не молчи уж!

- Ничего не болит. Прости, что разбудила. Просто дурной сон.

Харт как-то странно хмыкнул, накинул на меня овчину так, что на воздухе остался один нос и ворчливо сказал:

- Раз ничего не случилось – спи тогда.

Уснула я только под утро, когда уже появилась розоватая полоска рассвета. Во сне, суматошном и беспокойном, я разговаривала с луной и она смеялась и звала меня к себе, манила яркими лучами Силы, обещая сказку...

Вплетались в сон странные выющиеся тени, вызывающие омерзение и страх, и лунный свет коконом отгораживал меня от порождений тьмы... Иногда я видела себя во сне как бы со стороны – худенькая девушка с серебряными волосами, которые стекали по плечам и смешивались с лунными лучами. А еще я танцевала в потоке холодного света и купалась в Силе...

Проснувшись, как ни странно, когда обоз уже был на ходу - Харт не стал меня будить. Я испытывала чувство неловкости – из-за меня, наверное, он не успел позавтракать. А до обеда остановок не будет.

Однако, заметив, что я начала возиться и приводить себя в порядок после сна, Харт обернулся и сказал:

- Там в углу, под тюком, сверток. Достань.

В свертке оказались два огромных бутерброда с ветчиной и сыром на чуть зачерствевшем хлебе. Мне стало совсем уж стыдно – хлеб мы доели вчера, значит с утра он бегал вдоль обоза и у кого-то покупал его. Надо взять себя в руки и больше таких неудобств не доставлять. Я мысленно грызла себя и не забывала бутерброд. Харт повернулся еще раз и буркнул:

- Сегодня в Больших ручьях дневка, приготовь себе одежду на смену – там помыться можно будет. Засветло доедем, а на обед остановки не будет.

О, это точно была отличная новость! Сразу, как доела бутерброд и запила из фляги чуть теплым отваром, я завожилась в телеге, раскладывая по стопкам одежду и полотенце. Чтобы было удобнее – встала на колени. Поэтому сам момент нападения на обоз я пропустила.

Глава 14

Совершенно неожиданно у меня резко и сильно заболела голова, казалось, что в виски вбили два раскаленных гвоздя и продолжали вколачивать огромным молотом... Боль была такой сильной, что на мгновение я ослепла и оглохла...

Схватившись руками за голову со стоном рухнула на кучу тряпья, а боль всё увеличивалась и в какой-то момент я догадалась, что умираю.

Это было очень четкое понимание – все, конец, приплыли... Зачем я открыла глаза, я не так и не смогла себе объяснить никогда.

Это было больно, свет резал глаза, текли слезы, во рту отчетливо стоял металлический привкус крови, вились какие-то черные полупрозрачные полотнища...

Это было страшно...

Звуков я не слышала вообще, все происходило в полной тишине, добавляя жути нереалистичной картине – Харт стоял у меня в ногах, прямо в телеге, и с диким напряжением на лице полосовал колышущееся полотнище странным черным мечом, узким и, как мне показалось – гибким...

Бредовость картины была столь велика, что я, оторвав руки от висков, попыталась отползти в угол телеги – полотнище внушало отвращение. В нем было что-то отталкивающее и, одновременно – притягательное. Хотелось сунуть руку туда, в это сплетение складок и растворится там... Отталкивал только слабый запах гниения, сладковатый и душный даже на легком морозе.

Оно, это сплетение полос, лент и изгибов как бы звало меня к себе, обещая отсутствие боли, обещая все, что я захочу, обещая покой...

Гвозди в висках начали пульсировать с какой-то чудовищной силой, а потом вдруг у меня хлынула кровь носом, гвозди пропали и, частично, вернулся звук.

Кричали люди, дико, страшно... Казалось, что все это происходит где-то далеко - визжал конь. Сложно объяснить этот визг, но он именно визжал! Однако самый страшный звук шел именно от этой кучи

лоскутов и лент, что полупрозрачной черной стеной пыталась заключить Харта в кокон. Шепот черного существа сливался из тысяч голосов, звал к себе, манил...

Меч Харта и в самом деле был гибким, как хлыст и тьма отступала перед резкими ударами. Слух улучшался и я слышала какие-то чавкающие звуки, когда его меч касался черноты. Все это долго только рассказывать, а на самом деле прошли считанные секунды, но уже то, что Харт защищал меня, не оставило мне выбора. Я не могла пойти на зов этого существа. Однако оно рвалось ко мне с какой-то омерзительной гибкостью, стараясь дотянуться хоть одним щупальцем...

Совершенно неосознанным движением я вытянула навстречу черной дряни ладони, просто защищаясь. Моя магия ринулась наружу и она совсем ни чем не напоминала уютную и теплую Силу природника! Оттуда, изнутри, из выжженного нутра, поднялась Сила совсем другого рода - жутковатая в своей непонятности, мощная, злая, боевая...

Вернувшимся магическим зрением я видела, как пульсирующие концентрические круги цвета чистого серебра ласково огибают Харта, ставя щит между ним и черным существом, как круги сливаются в тонкий щит и как бессильно бьются о него лоскутья и щупальца тьмы, тая прямо на глазах.

Слышала я еще не очень хорошо, но Харт замедлил движение, поняв, что тварь исчезла, резко повернулся и кинулся ко мне:

- Шшшшаааа...

- Что?!

Он протянул руку и провел мне по лицу, как бы смывая с некую пленку. Звук вернулся полностью, но я все еще мало что понимала. Подняла руку и не столько вытерла текущую из носа кровь, сколько, похоже, размазала ее по лицу.

- Ты в порядке?!

- Да, но там люди кричат...

- Матка погибла, так что гнездо выжжено... Это лунный маг... Нам просто повезло! Но ты права, надо пойти посмотреть, что там. Сможешь идти?

- Да, конечно!

Он подал мне руку, помогая встать. Кружилась голова, но мир вернулся на место, с прежними цветами, звуками и запахами. Пахло гнилью, гарью и смертью, но вонь эта уже исчезала, заменяясь запахами крови, коней, морозного воздуха и, почему-то – печеного хлеба.

Часть обоза пострадала. Несколько человек погибли, я их видела раньше в середине обоза. Плакала женщина над телом мужа. Тело выглядело просто чудовищно – оно было на половину разложившимся! Но гораздо страшнее выглядели мертвые, расползающиеся слизью твари, которых скидывали с дороги солдаты. Не руками скидывали – кольями. Харт подошел к отдающему приказ Роверу и о чем-то разговаривал.

Потом вернулся, взял меня за руку и повел назад.

- Харт, подожди, а помочь?!

- Не нужна помощь пока. Ровер вояка старый, лучше знает. Велел телеги с дороги сгонять – тела сжечь нужно, ночевать здесь сегодня будем.

- Харт, а если рядом есть еще одна такая тварь?!

- Они не терпят соперников рядом с гнездовьем. Так что – нет. На день-два пути точно нет.

Дошли до телеги и Харт, оставив меня отлеживаться, прихватил топорик и пошел рубить дрова. В этот раз не хворост был нужен. Вскоре ему на помощь подоспело еще несколько мужчин. Другие расчищали снег на большом пятачке перед лесом – подальше от деревьев.

Я еще немного бездумно постояла, отходя от всего этого, набрала горсть снега и протерла лицо от крови. А потом еще несколько раз, до тех пор, пока снег не перестал розоветь. Было дико думать о том, что нужно делать какие-то обычные дела. Например – готовить еду. Только что, почти у нас на глазах погибли люди, погибли страшно...

Однако вот жизнь на этом не кончилась. Завершив работу Харт вернется не только уставший, но и голодный. Я вздохнула, помотала головой, отгоняя дурноту, и пошла присматривать место под костер. Не слишком понимала, почему собираются хоронить людей именно здесь, а не довести тела до села и похоронить там, но не мне об этом рассуждать.

Лезть сейчас с расспросами – совсем неуместно. Так что я занялась костром и едой.

Думать о своей магии я, пока еще, не могла. Если честно, то она скорее пугала меня, эта странная сила. Так что привычными делами я старалась занять не только руки, но и голову.

К вечеру снег на одной из полян частично расчистили, частично вытоптали. Сложили огромную поленницу и тела двух погибших мужчин и одной женщины уложили в некое подобие гнезда из бревен. Солнце еще только собиралось садиться, когда ронс Цинт факелом поджег этот чудовищный костер с нескольких сторон. Глядя, как разгорается пламя, он звучно произнес:

- Да станут они частью Силы!

И люди, до того молча стоящие кольцом вокруг, почти хором повторили:

- Да станут они частью Силы!

Больше ничего не было, все разошлись по своим местам, к наспех оборудованным стоянкам. У костра остались только ронс Ровер и двое солдат. Солнце садилось и огромный костер, полыхавший недалеко от темнеющего леса, становился все ярче и ярче с каждой минутой.

- Садись, Харт. Ты устал. Хлеба вот только нет, но я кашу заправила...

Тарелку Харт принял молча и так же молча принялся есть. Я заметила, что у него мелко дрожат руки от напряжения. Это не удивительно – такая нагрузка не каждый день бывает.

Сегодня мы не разговаривали и не сидели у костра. Вымотанный Харт уснул сразу же, как только лег. А у меня, наконец-то, появилась возможность обдумать все.

Сила, которая пробудилась во мне, пугала меня. В ней была странная двойственность. Да, она спасла мне жизнь, она спасла Харта и, наверное, всех остальных людей в обозе. Только вот именно она, Сила, откликалась на зов этого порождения тьмы. Что же она такое?! Откуда во мне эта двойственность, это желание растворится в Тьме, получить дарованный ею покой?

Я пыталась мыслить логически, стараясь понять эти противоречия. Если бы не Харт – я бы пошла на зов? Стала бы частью нежити?! Мысль об этом пугала, я не могла объяснить себе самой свое желание откликнуться на зов. А потом, совершенно неожиданно, я

вспомнила стих, что поразил меня давным-давно, еще там, в моем мире:

Однажды появилась тьма:
Возникло вдруг из ниоткуда
Гигантской мощи анти-чудо,
Давно сошедшее с ума.
И всё, что жаждала она,
О чём ей грезилось, так это
Миры и океаны света
Собою высушить до дна.
И гас очередной предел,
Что было ей ничтожно мало —
Она пространство поглощала,
А свет безудержно редел.
И чтоб его не извести,
Случилось тьму рассеять богу:
Во всех живущих, понемногу,
Он эту бездну поместил.

И все встало на свои места! Последний катрен стиха, самый парадоксальный, давал абсолютно четкое объяснение. Удивительно, как человек, никогда не видевший Тьмы воочию, смог родить эти строки, но он был прав, совершенно прав, этот сумасшедший или гениальный творец! В душе каждого из нас есть и Свет, и Тьма. И та и другая Сила вложены всевышним. И только мы сами решаем, за какой из них следовать...

Странно, наверное, но это стихотворение успокоило меня и примирило с новой Силой. Я стала понимать и истоки зова, и свое сопротивление им — я не хочу быть частью Тьмы. Удержаться и не пойти на этот зов — трудно. Сейчас меня остановило то, что Харт, человек, который был добр ко мне, защищал меня от Тьмы. Он послужил для меня якорем и на зов я не откликнулась.

Неужели каждый раз, призывая новую Силу, мне придется делать выбор между Светом и Тьмой?! Может быть, лучше бы я жила простецом? Это намного проще и спокойнее. Только вот судьба не спрашивает, хочешь ли ты принимать решение. Она ставит перед выбором и отсидеться в стороне не получится.

Утром Харт выглядел совершенно больным. Бледный, с испариной на лбу, с трясущимися руками и какими-то скованными движениями. Мне даже показалось, что он боится полностью разогнуться. За завтраком он с трудом проглотил несколько ложек каши и, нервно отбросив миску, ушел запрягать коней.

- Харт, я вижу, что ты болен. Давай поищем кого-нибудь в обозе? Ну, доплатим, если что. А ты поедешь в телеге...

- Садись – сиплым голосом каркнул Харт – надо ехать...

Спорить я не стала, ему виднее. Продержался он почти до обеда, а потом просто слез с козел и плавно осел на землю. Из идущей сзади телеги подбежал возница:

- Ну, чего встали? Случилось что?

Я уже стояла рядом со свернувшимся клубком прямо на снегу Хартom и тянула его за руку, пытаюсь поднять. Возчик, дядя Клат, невнятно выругался и побежал догонять телеги уходящего обоза. Вернулся он минут через десять с самим ронсом Цинтом и ронсом Ровером, парой вояк и еще двумя мужчинами.

Харта быстро подняли со снега и переложили в телегу, меня просто отодвинули и ронс Ровер, склонился над телом Харта. Расстегнул одежду, что-то там рассматривал и делал – я разглядеть не могла. Потом повернулся к ронсу Цинту и сказал:

- Да.

- Ты не ошибаешься?

- Сами смотрите, ронс – он сдвинулся, освобождая место для купца. Тот чуть склонился, нахмурясь, что-то разглядывал, потом неприязненно передернул плечами и буркнул:

- Ты прав. Жаль... добрый воин был, если бы не он... - повернулся и пошел в голове обоза.

Дядька Клат, тоже что-то успевший рассмотреть, тяжело вздохнул и почему-то снял шапку, скомкав и прижав ее к груди. Ронс Ровер кивнул своим людям и что-то коротко приказал. На место Харта уселся один из солдат, неприязненно зыркнул на меня:

- Ну, чего стоишь? Садись, ехать нужно.

Я растерялась – все расходились по своим местам, но никто не счел нужным хоть что-то объяснить мне.

- Ронс Ровер... Ронс Ровер!

Я догнала уходящего капитана стражи и потянула за рукав:

- А что с Хартом случилось? Он чем боллен-то?

Ронс хмуро посмотрел на меня, помолчал и нехотя объяснил:

- Ранили его вчера... Так-то не видно, а на животе – рана.

Я не понимала!

- Так и что? Ну, промыть нужно, мазь положить, может быть – зашить...

- Не помогут тут мази, девица. От нечисти раны гноятся долго, потом сами заживают. Или не заживают...

- Почему вы думаете, что эта рана не заживет?!

- Большая слишком... не жилец он... дня два еще... ну, может – три... - как-то виновато сказал капитан.

Вздыхнул, повернулся и пошел дальше по своим делам. А я стояла совершенно ошалевшая, не понимая – как это?! Даже лечить не попробуют?! Это смирение и равнодушие меня просто потрясло!

Бегом вернулась к саням, впрыгнула, не слушая недовольное бурчание солдата и откинула с Харта покрывало. Подняла рубаху и обомлела – поперек живота, чуть наискосок, шла совсем неглубокая царапина.

Только вот края этой неглубокой царапины были покрыты довольно странными черными пятнами, чем-то смахивающими на синяки, только – черными. Омерзительные пятна расплзались по коже, норовя слиться в единое. Почему-то я сразу поняла – как только сольются – так и все...

Сердце забухало прямо в горле...

Я не готова была принять эту смерть! Это ведь меня защищал Харт, когда стоял со своим странным мечом против полотнища Тьмы... Частично и я буду виновна в этой смерти! Но что, что я могла сделать?!

Я не управляла этой чертовой Силой, ко мне даже не вернулось еще полностью магическое зрение! Я готова отдать за его жизнь все деньги лекарю, только откуда в деревне будет сильный лекарь? Да даже до деревни мы еще не доехали!

Автор стихотворения Леонид Чернышов

Глава 15

Деревня показалась часа через два. На ночлег в местный постоянный двор помещались не все, некоторые остались ночевать в телегах и на огромном сеновале, но для нас с Хартом выделили комнату. Ронс Цинта лично позаботился, чтобы Харта аккуратно перенесли на одну из двух узких кроватей и сказал мне:

- Ты, девица, раз уж так случилось - позаботься о нем... Не долго уже... А я позабочусь, что бы ты спокойно до Анрино добралась. Завтра все равно день проведем здесь – у нас еще трое ранены, но там, спасибо Силе, подживает все. Так что ты присмотришь за Хартом. Договорились?

- Договорились.

Крошечный убогий номер напоминал провинциальную гостиницу, разве что тараканов в нем не было. Зато был теплый душ, кровати и чуть колченогий стол с двумя табуретками. После стольких дней пути я и этим была более, чем довольна.

Вымылась и простирнула вещи, развесив на железной спинке кровати. Ужин попросила принести в номер. От оплаты горничная отказалась – сказала, что номер на два дня вместе с едой оплатил ронс Цинт. Ну и ладно, видать гложет купца то, что больше они ничем помочь не может.

Поела – силы мне будут нужны. Оставила себе на ночь большой ломоть хлеба с ветчиной и кружку взвара. Подумала, что вполне может понадобится – я помню, как хотелось есть после магического истощения. Горничная унесла посуду, а я осталась ждать восхода луны.

Харт все так же без сознания лежал на койке, изредка тихо постанывая. Я попыталась посмотреть на него магическим зрением, но так и не смогла определить, простец он или сохранил искру – вместо него видела какое-то странное серое пятно.

Я терпеливо ждала, пока повыше взойдет луна – благо, что тоненький серп было видно в окно. Он только-только поднимался над крышами села. Почему-то мне важно было, что луна – растущая. Чувствовала некоторую нервную дрожь внутри – я ничего толком не

знала о своей новой магии, только надеялась, что эта Сила поможет мне залечить рану Харта. Очень надеялась, но уверена – не была.

Шум за дверями стихал, за эти дни все устали и, после ужина в общем зале, поспешили устроиться на ночлег. Луна поднималась.

Намочила чистую тряпку в горячей воде, разрежала на Харте рубаху и протерла костлявую грудь. Рана стала больше, черные пятна норовили слиться, от нее шел резкий и въедливый сладковатый запах гниения. Погасила свечи – они мне не нужны, пожалуй – только отвлекают. Закрыла глаза и попыталась позвать свою Силу. Отклик был так слаб, что я в очередной раз засомневалась – смогу ли помочь. Позвала Силу еще раз...

Держа руку над раной почувствовала горечь во рту, слабый зов Тьмы, боль... Потом все резко прервалось – мне не хватало Силы! Я чуть не заплакала – понимала, что помочь могу, точнее, теперь уже – точно знала, а не предполагала. Только вот Сила... Где, как её взять?! Луна? Луна еще только растет! Даже свет в комнате от нее совсем слабый, еле видный.

Размышляя, постояла у окна и, наконец-то, сообразила – нужно распахнуть створки! Как я выдирала куски пакли из щелей рамы и отковыривала заржавевший крючок – отдельная история. Но когда мутное стекло перестало быть преградой и в комнату ворвался ледяной воздух, вместе с ним тонкой струйкой в меня начала вливаться Сила!

Морозило сегодня сильно – изо рта у меня шел пар, но я тянула открытые ладони к Луне и терпела, даже когда пальцы начали леденеть – мне нужно все, что мой источник сможет мне дать! Через несколько минут я осторожно подошла к койке и поднесла руку к ране.

Это было одновременно как очень громкий внутренний крик, взрыв боли и световая вспышка! И какая-то странная помеха! Я открыла глаза – тускло светилось кольцо на руке Харта. Обычное серебряное кольцо, гладкое и скучное, которое так хорошо вязалось с его невзрачным обликом. Сняла я его с трудом – это был какой-то артефакт, который не слишком хотел подчиняться. Но кольцо мне мешало! Потому я упорно крутила его на пальце Харта, стягивая, буквально, по миллиметру.

Передохнула – я уже понимала, что легко не будет. Еще раз распахнула створки и постояла в лунных лучах. Мне даже показалось,

что луна стала чуть ближе к нашему окну. Ну, или просто я теперь лучше видела её.

Дальше все пошло так, как я предполагала – на мой зов Тьма откликнулась, понемногу, причиняя мне боль, она тянулась к моим рукам, нехотя покидая тело Харта... Мне казалось, что на мои кисти льется кислота, сжигая плоть... Я терпела, терпела, терпела...

- Лунка!! Лунка, очнись!

- М-м-м...

- Лунка! Очнись, говорю!

Кто-то тербил меня и пытался куда-то тащить...

Глаза я открыть не могла – просто не было сил. Я так и не заметила, когда обморок перешел в сон.

Проснувшись я затемно – очень хотелось пить. Ярko горели обе свечи в небольшом трех рожковом шандале на столе, свет даже немного резал глаза. Я с трудом повернула голову и сквозь полусомкнутые ресницы увидела, что у стола стоит крепкий здоровый мужик и чуть ли не урча пожирает мой бутерброд, не забывая отпивать из кружки остывший взвар.

Страх я, как ни странно, не почувствовала. Скорее – возмущение. Не для всяких тут я еду оставила!

Провела языком по пересохшим губам, попыталась сглотнуть, но сухость во рту была просто чудовищной. Говорить я не могла, потому просто злобно прошипела:

- Эй, ты... Это все моё! – и закашлялась, давясь сухостью.

Мужик как-то очень пластично, как балерина, развернулся ко мне, непонятно хмыкнул и, прихватив со стола кружку, в два шага пересек маленькую комнату. Даже не спрашивая меня ни о чем, одной рукой приподнял мою голову, а другой поднес к губам восхитительно пахнущий холодный напиток.

Я сделала несколько глотков, заперхалась от жадности, отдышалась и попила еще, придерживая кружку рукой – чтобы не отняли! Особого доверия у меня ночной гость не вызывал. Наконец поняла, что сил хватит на то, чтобы сесть. Оперлась руками посильнее и постаралась подтянуть тело в сидячее положение. Получилось плохо – теперь я упиралась макушкой в спинку кровати и голова была чуть ли не свернута под прямым углом к телу.

Мужчина снова хмыкнул, глядя на мои трепыхания, поставил кружку на пол и, подхватив меня подмышки, легко вздернул на кровати в сидячее положение. Взбил подушку, подсунул мне под спину, уселся у меня в ногах и сказал:

- Ну, что, лунный маг Лунка... Поговорим?

Сейчас он сидел так, что лицо мне было видно хорошо. Совершенно незнакомое лицо, надо сказать. Темные волосы до плеч, чуть резковатые черты, карие глаза. По щеке тянется тонкий как ниточка старый шрам до левого уголка губ. Впрочем, он особо не портит внешность. Чем-то этот Харт смахивает на киношного индейца времен моей первой юности. Этакий молодой Гойко Митич. Кожа, правда, не такая смуглая. На вскидку – лет двадцать пять-двадцать семь.

- Ты – Харт?

- Что, не похож? – он забавно сморщился и улыбнулся.

- Не слишком.

У него изменился даже голос – сейчас он ничем не напоминал прежний, монотонный и незапоминающийся. Мужчина понятиливо кивнул головой и сказал:

- Ладно, сообразила – это хорошо. Только рассказывать никому не нужно.

- Я и не собиралась, в общем-то...

- Вот и ладно. А теперь, Лунка, расскажи мне, как приводили в чувства сангира Ольгерда.

Я так удивилась, что даже не стала это скрывать.

- А тебе-то какая разница?

- Когда я спрашиваю – надо отвечать!

Ого, как заговорил! Теперь его лицо стало строгим и даже чуть надменным. Он смотрел мне в глаза и даже взглядом требовал подчинения. Я поджала губы – рассказывать о собственной глупости и слабости не хотелось. Кроме того, я, на минуточку, только что спасла его от смерти. Так что не думаю, что чем-то обязана этому Харту. Или как там его зовут на самом деле?

- Почему я должна отвечать на твой вопрос? С какого перепугу?

Его лицо по-прежнему оставалось строгим, но на некоторое время он задумался – подбирал слова, похоже. Но я решила не давать ему шанса командовать мной.

- Кстати, раз ты не Харт, то как тебя зовут?

Он снова улыбнулся, но теперь уже – почти ехидно, вскочил с кровати, сложил обе руки на груди – крест на крест, слегка поклонился и заявил:

- Позвольте представится, прекрасная санги! Сангир Ольгерд Альентский.

Я почувствовала себя несколько неловко. А если врет? А если – нет?! Разница в нашем социальном статусе – колоссальная, если он действительно сангир Ольгерд.

В общем-то, я ему верила, хотя и не слишком понимала сама – почему. Он смотрел на меня, очевидно ожидая какой-то реакции, но я, хоть и чувствовала привычную слабость, но все же не была так магически истощена, как раньше. Кроме того, особого пиетета перед титулом я все же не чувствовала. Что поделать, издержки демократического мира. Потому я скептически вздернула бровь и спросила:

- А чем докажете, что вы сангир Ольгерд?!

Не слишком понятно, откуда у меня взялась этакая вредность, но я, признаться, чувствовала себя в его присутствии неловко. Возможно, что это у меня защитная реакция такая – не стоит подпускать его слишком близко, не стоит верить всему, что он говорит.

Сангир хмыкнул, подошел к своей кровати, немного порылся в вещах и вернулся ко мне. Требовательно протянул руку. Не слишком понимая, зачем, я, все же, вложила свою в его ладонь. И вопросительно уставилась на мужчину. А он, тем временем, слегка отогнув мой палец, одел мне перстень.

- Это... Это зачем такое нужно?!

Кольцо тем временем мягко обхватило палец, хотя сперва было явно велико.

- Да не пугайся ты так! Смотри, да не на меня смотри, а на камень смотри! Что видишь?

Я невольно перевела глаза на кольцо. Интересная работа. Черное серебро и молочно-белый камешек в форме пирамидки. Похоже, магическая штучка. Что-то такое идет от него, непонятная какая-то магия, я с такой не сталкивалась раньше.

- А теперь соври что-нибудь.

- Что сделать? – я совсем растерялась.

- Соври. Все равно что!

- Э-эм...

- Да пребудет со мной Сила! – потерял он терпение – Ну, скажи, что у тебя черные волосы!

- У меня черные волосы – послушно повторила я.

- Смотри на камень!

Камень вспыхнул алым и начал медленно тускнеть.

- Поняла? Так он реагирует на ложь. Давай сюда.

Кольцо он так же надел на правую руку и протянув так, чтобы я могла лучше видеть белую пирамидку камня, повторил:

- Меня зовут Ольгерд Альенский.

Камень ярко вспыхнул зеленым цветом и так же начал затухать. Сангир снял кольцо, небрежно сунул в карман, снова уселся у меня в ногах и потребовал:

- Рассказывай. С самого начала рассказывай. Как позвали, кто позвал, кто был с тобой еще.

Спорить я не стала, что уж теперь. Этот мужчина действительно тот самый обожаемый людьми рыцарь. Слушал он очень внимательно, одобрительно кивая головой. Мне показалось, что все это он слышал уже не раз, просто сравнивал мой рассказ с другими. Вопросы стал задавать только тогда, когда я добралась до момента потери магии.

- Стоп! Ты раньше чужую магию видела в работе?

- Да, даже лучше, чем сейчас.

- Сколько лекарь потянул с тебя?

- Он плел два полотна. Одно, посильнее, забрал себе. А на вас кинул то, что осталось.

Резкий жест рукой заставил меня замолчать – сангир что-то обдумывал и это что-то ему не слишком нравилось. Потом он строго посмотрел на меня и сказал:

- Дальше поедem так же. Я – Харт. Ты сегодня ночью спала и ничего не видела. Понятно?

- Да. А можно...

- Что?

- Ну, можно посмотреть, как вы в Харта превращаетесь?

Он снова заулыбался и кивнул головой:

- Смотри. Только не обращай к Харту на «вы». Договорились?

- Договорились.

Самое странное, что суть магии кольца я так и не поняла. Хотя, я и так в ней не слишком много понимала. Но прямо у меня на глазах, надев на палец кольцо, сангир начал меняться, потекли и смазались черты лица, изменились параметры фигуры, все заняло буквально несколько мгновений и передо мной уже стоял старый знакомый Харт. Невыразительным, тусклым голосом он спросил:

- Есть хочешь?

- Очень!

- Ладно, в конце концов это я твой ужин съел. Прогуляюсь на кухню, спрошу что-нибудь. Лежи пока, у тебя истощение, но скоро должно пройти – вечером луна встанет – полегчает.

- Сангир Оль...

- Харт!

- Ладно, пусть так. Харт, а не догадаются, что я магию применила, чтобы спасти тебя?

- Нет. Ты выглядишь как простец. Почти выгоревший простец. Силу луны обычный маг не видит.

Я зацепилась за его слова:

- Что значит – почти выгоревший?! Природная... Она что, она у меня еще есть?!

- Совсем крошечная искра. И до весны так и будет – где же ты зимой питаешься Силой? Уж это-то ты даже без школы должна знать.

- Ну, я, разумеется, знаю... Только думала, что лекарь меня всю высосал, до дна.

- Кстати, а почему ты из замка ушла? Что, работу не смогли тебе по силам подобрать?

Мне нужно было подумать и решить, что говорить. Правду? Или что? Сознаться в собственной глупости было как-то стыдно и неловко. Поэтому я жалобно посмотрела ему в глаза и сказала:

- Я так есть хочу!

- Ладно, потом поговорим.

Он открыл тихо скрипнувшую дверь и забрав шандал со свечами ушел.

Глава 16

Вернулся он не так и скоро, зато следом зашла сонная горничная с огромным подносом в руках, да и сам Харт тащил в руках каравай хлеба и кувшин с чем-то горячим. Я усердно «спала», не открывая глаз и делая вид, что ничего не слышу. Харт что-то сунул горничной, она поклонилась и, зевнув, исчезла.

- Вставай. Хотя, подожди, сейчас помогу.

Помощь была не лишней – голова кружилась. Он довел меня до стола и усадил на колченогий табурет. Подвинул миску и, совершенно не чинясь, принялся есть сам.

За то время, что Харт отсутствовал, я обдумала кое-что и решила – информация в обмен на информацию.

Раньше я считала, что с закрытием портала черный рыцарь уничтожил всю нечисть. Об этом, вроде как, сто раз сообщали поклонники рыцаря, благословлявшие его на разные лады. Мне нужно знать, даже для собственного выживания, что сейчас творится в мире. Стоит ли ожидать, что нечисть расплодится и начнет наведываться в города? Почему о нечисти после войны говорили исключительно в прошедшем времени?! Тогда что это было за нападение?!

Ели молча из одной огромной миски. Похоже, чтобы не думали, что я вылечила возчика и вообще знаю, что он проснулся, Харт заказал все на одного человека. Просто этого всего было очень-очень много. Огромная миска тушеных в сливках овощей. Пол головки сыра со слезой и резким ароматом, удивительно вкусного и нежного, целый каравай свежего хлеба, приличный, килограмма на полтора, ломоть ветчины с дивным запахом дымка и тонкой прослойкой сала. Миска жаренных пирожков с повидлом. Даже небольшая мисочка творога со сливками и мутноватой лужицей меда. Ну, что не съедим – заберем в дорогу.

Наконец, слегка отдуваясь, он отвалился от стола, держа в руках кружку горячего взвара. Мне он налил в ту, что стояла в номере.

- Ну, так скажи, чего тебе не жилось в замке.

- Скажу. Только объясни мне, Харт... Если рыцарь запечатал портал и нежить сдохла, то кто напал на нас? И почему я смогла это

уничтожить? Почему я слышала эту Тьму и она звала меня?

Даже на невыразительном лице Харта я легко прочитала раздражение.

- Это тебя не касается – буркнул он.

- Забавно... Вообще-то, это меня чуть не убили. И погибло несколько человек. И осталась вдова, а дома ее ждут двое детей. И ты действительно считаешь, что меня это не касается?

Я даже спорить не стала – такое раздражение он у меня вызвал. Что за дикий шовинизм?! Нашелся тут самый умный! Я улеглась в кровать, лицом к стене и попросила:

- Потуши, пожалуйста, свечи. Я решила еще поспать.

Тяжелый вздох и ответ:

- Ты плохо понимаешь, с кем споришь! Встань и ответь мне!

- Это ты, Харт, пытаешься одновременно одной ...опой на двух стульях сидеть. Я не твоя служанка или служащая, ты – всего лишь возчик, которому я заплатила за доставку. А если ты сангир Ольгерд, тогда я тебе тем более ничего не должна – я, как ты сам заметил – уволилась из замка. Через два дня ты довезешь меня до Анрино и мы расстанемся.

Молчание за спиной и опять тяжелый вздох:

- Лунка, пойми... Я не могу об этом говорить.

- Да не хочу я ничего понимать! – я уселась на кровати по-турецки, лицом к нему. – Что я должна понять?! Что у тебя какие-то магические важные дела?! Так я и не лезу спрашивать об этом. И не пытаюсь понять, почему герой путешествует под личиной. Но неужели ты думаешь, что все люди из обоза, попав в Анрино, будут молчать?! Сразу же об этом будет знать весь город. Ты представляешь, что начнут думать люди?! А ведь ты явно что-то знаешь об этом нападении. И хочешь об этом умолчать?!

- Хорошо! Только подожди немного. Знаешь ли, никто не думал, что появится лунный маг, так что я связан клятвой на крови.

Поняла я мало что, но решила не торопиться и подождать, как он и просил.

Дальнейшие действия Харта были достаточно странными. Он вытащил из-под рубахи висящий на витом шнуре у него на груди диск, что-то очень красивое, напоминающее плоскую компактную

пудреницу из золота с черненными узорами, открыл ее, подождал, и, вроде бы, начал говорить.

Однако слов я не слышала. Вообще ни звука. Зато показалось, что вокруг сидящей мосластой фигуры слегка мерцает воздух. Ну, вот как над водой в жаркий день. Продолжалось это довольно долго, он с кем-то спорил, судя по выражению лица, хмурился, улыбался, но мелкая рябь воздуха не давала даже возможности прочесть хоть пару слов по его губам.

Потом он захлопнул на мгновение пудреницу и спросил:

- Полное имя твое какое?

- Алуна, дочь Торма из Лесного.

Он удивленно вскинул бровь, потом вновь открыл пудреницу и продолжил беседу. Наконец все закончилось, сложив инструмент, он сунул его за пазуху и сказал:

- Пожалуй, нам стоит серьезно поговорить, Алуна из семьи Лаидо.

- Я... Мой отец –Торм...

- Да, а вот мать из Лаидов. И лунные маги уже, оказывается, дважды встречались в вашей семье. На мой запрос ответили быстро – лунных всегда было слишком мало.

- Ну, ладно, встречались и встречались, мне-то что? Насколько я знаю, родственники матери отказались от нее. И я ее совсем не помню. А их всех – просто не знаю.

Харт подошел к дверям, задвинул мощный засов, который остался открытым после визита горничной, с натугой снял с пальца кольцо – я опять с любопытством пронаблюдала, как меняется его внешность и приглашающе кивнул мне:

- Садись к столу, Алуна. Это надолго и очень серьезно.

Он удивленно покачал головой:

- Все же, я до сих пор не могу поверить в такое совпадение.

- Это ты о чем?

- О том, что мы попали в один обоз.

- Подожди, ты, когда брал меня, уже знал, что я Лунка, которая уволилась?

- Догадался, потому и взял тебя. Больно описали тебя хорошо – волосы такие редко встречаются. Тебя даже искали в городе, ронс Каштер лично поисками руководил. А тут увидел тебя – стоишь, чуть

не плачешь, ну и решил все сам выяснить. Беспокоила меня история с моим пробуждением. Да и не одного меня беспокоила. Садись уже...

Спорить я не стала, только хмыкнула - уж ронсу-то Каштеру поручить искать меня – самое то! Он бы сто лет меня искал и не нашел!

Сангир начал говорить и первое время я растерялась от такого обилия информации, но потом просто старалась все запомнить и хоть как-то уложить в голове.

За окном уже слегка светало – появилась тонкая розовая полоса над крышами домов, сангир чуть охрип, мы допили давно остывший взвар, но я все еще никак не могла сообразить – вот это вот все сейчас серьезно и по-настоящему?! Я же не воин! Я ничего такого не умею!

Много лет назад, когда сангир Ольгерд закрыл портал – нечисть погибла. Ну, практически – вся. Его тело торжественно перевезли в его замок, в честь знаменательного события отчеканили медаль, менестрели сложили кучу баллад и государство принялось восстанавливаться после войны. Такова была официальная версия.

Неофициальную знали только несколько первых лиц государства и сам сангир Ольгерд. Знал до того, как пошел во главе отряда смертников к portalу. Простые воины и маги понимали одно - их цель довести сангира до портала, даже если по пути погибнут все они. Ставки были слишком высоки – войска уже не справлялись с прорывами. Отбирали добровольцев и в отряд шли в основном те, чьи семьи погибли при нападениях Тьмы.

Ольгерд знал несколько больше. Он тоже умрет. Не сразу умрет, в отличии от тех сопровождающих, кого убьют у него на глазах, постепенно. Но тревожило его это не слишком – он будет без сознания, погружен в сон, потому – какая разница... За месяц до этого у него на глазах Тьма поглотила тех самых его друзей детства, про которых Харт рассказывал мне раньше. За несколько лет до этого погибли во время прорыва отец и мать. У него был свой счет к Тьме и останавливаться он не собирался.

Нет, фанатиком он не был. Но и лунных магов его силы больше не было.

- Так что, Лунка, сама понимаешь... - во время рассказа он даже не смотрел мне в глаза – вспоминать все это ему было тяжело даже сейчас.

Все прошло по тому плану, что разработали маги во дворце сангира Эльгаро, Верховного правителя мира. Сам Эльгаро, много лет знавший Ольгерда, сказал ему сразу:

- Ученые так рассчитали... Ты все понимаешь, Ольгерд... Только и выбора у нас нет – еще несколько прорывов и Тьма завоюет мир. Врать тебе я не стану, да это и бесполезно – он хмыкнул и покосился на кольца лжи, что отсвечивали зеленым на руках у обоих собеседников – сон будет длинным и перейдет в смерть. Объявить тебя сразу погибшим мы сможем только если погибнут все, кто пойдет с тобой. Ну, а если будут живые... Конечно, людям такого не скажем, пусть ждут, пока проснешься, пусть верят в лучшее, но... Лунных магов больше нет, последняя погибла еще полгода назад. А пробудить тебя сможет только лунный. Так что решай сам...

И все получилось так, как получилось. Если бы не жадный лекарь, что решил вытянуть из крестьянки всю Силу на поправку своего здоровья – сангир Ольгерд просто не проснулся бы. Объявили бы всемирный траур, похоронили бы героя с почестями и тем бы все и закончилось.

Только вытянув из меня всю Силу природника, лекарь потянул вторую – лунную. Обычные маги ее не видят, только во время работы лунного она заметна. Да никто и заподозрить не мог, что я лунник.

Все это было сказочно интересно, только вот Темная Сила, которой набрался Ольгерд через портал, так же, как и он сам, все это время тихо и мирно спала в нем. А после пробуждения – очнулась.

- И что? Она теперь пойдет по миру?!

- Нет, если ты поможешь – не пойдет.

- Я помогу?!

- Да, Лунка. Ты. Я... Прости, но я не могу использовать тебя просто как наживку. Сангир Эльгаро дал мне право решать самому, потому мы и говорим сейчас.

- То есть, ты ожидал нападения на обоз?

- Нет. Да и не напала бы Тьма, если бы не чужала тебя. Во дворце Верховного до сих пор гадают, почему я пробудился, если все данные говорили, что должен помереть – он невесело усмехнулся.

Помолчали. Он – терпеливо, я – ошарашено. Потом Ольгерд продолжил:

- Темная Сила, проснувшись вместе со мной, пока еще слаба. У нее не было времени восстановиться и размножиться.

Понимаешь, есть такое понятие – темная триада. Вот одну треть ты уже убила. Сейчас Тьма боится и будет прятаться, но твой зов услышит и пойдет на него. Она мечтает заполучить тебя.

- Но почему ты хочешь молчать?! Ведь есть и еще маги пусть не слишком сильные, но они есть. И многие придут на помощь, обязательно придут!

Он как-то тоскливо глянул на меня и отвернувшись сказал:

- Слава Силе, что в обозе не было магов кроме тебя. Ты была еще мала в войну и не видела нечисти. Это... Это не только те твари, что нападали на нас...

- А что еще?!

- Выпив мага Тьма не просто растворяет его силу в себе. Она берет и его сущность, его душу. А потом, обезображенный Тьмой, они вступают в бой с нами.

- Подожди, я не понимаю...

Он как-то резко тряхнул головой и сказал, глядя мне прямо в глаза:

- Последний, кого я убил у портала, была моя мать... Её темная ипостась...

Меня передернуло... Что-то такое мелькнуло в голове и вдруг я вспомнила! Вспомнила этот жутковатый стих. Теперь это звучало для меня почти как пророчество!

Я к вам из мест, откуда нет возврата.
Где никого — нет ни зверей, ни птиц,
А только тьма, и этой тьмой объята
Во все края пустыня без границ.
Там не найти ни рек, ни горных пиков,
Одна лишь пыль, чернее, чем агат.
И душ заблудших горестные крики
Хоронит под собой вселенский хлад.
Я был там эры или же минуты -
В аду и время изменяет суть.
Однако, вдруг, всеильному кому-то
Измыслилось на свет меня вернуть.
И я опять пришёл под это небо,

Неся с собой свой ледяной сон,
Наполненный дыханием Эреба.
Я — ваш Господь. Мне имя — Легион.

- Ты хочешь сказать...

- Да. Из Тьмы выйдут все мертвые маги, которых ты знала в этом мире. И нам придется убивать их. Я разговаривал сейчас с Верховным сангиром. Мне собирают людей, обычных людей, но лучших воинов. В мире, оказывается, осталось еще несколько действующих порталов, и один из них ведет из столицы в Анрино. Потому Харт — он усмехнулся — и держит сейчас путь туда. Если ты пойдешь с нами... — он не договорил.

Я и так понимала, что тогда шансы на победу сильно увеличатся. Раз уж я смогу призвать Тьму — хоть бегать искать ее не придется. Мертвые маги пугали меня, как ни странно, меньше всего. Я не представляла их, не знала никогда и для меня они будут просто порождениями Тьмы.

- Подожди, но ведь ты сам говорил, что тогда на прорыв к portalу шли маги и воины.

- Да. Только это были боевые маги, которые сражались не один год и знали, что их ожидает. Ты еще почти ребенок, Алуна. И я... Я не могу тебя заставить... Просто не могу... И ты можешь погибнуть. Но сейчас, как это ни странно звучит — ты можешь спасти мир. Вот этот самый, где мы живем.

Еще помолчали.

- Скажи, Харт. А сейчас ты маг? Я не вижу.

- Нет. Я выгорел у портала полностью. Но я воин, Алуна. И не из худших. Так что я буду защищать твою спину. Если ты пойдешь со мной.

Стихотворение Леонида Чернышова.

Глава 17

За окном посветлело, в коридоре слышались шаги первых проснувшихся людей. Я лежала лицом к стене и думала. Вопросов у меня было значительно больше, чем ответов, только задать их было некому. Похоже, ответы мне суждено узнать самой.

Харт ушел объясняться с ронсом Цинтом. Последнее, что он мне сказал, было:

- У тебя есть два дня на принятие решения. Уговаривать не буду, ты и сама понимаешь, если сейчас не выжечь Тьму, она спрячется и расплодится. Да, на это нужно время. До реальной угрозы миру может пройти еще лет восемь-десять... Отсыпайся сегодня, я скажу, что ты просидела около меня всю ночь.

Я трусила. Совершенно отчетливо – трусила. Я боялась. Вспоминала и мерзкое колыхающееся полотнище Тьмы, и тварей, что растекались прямо на глазах по обочинам дороги смердящими лужами, и изуродованные тела погибших.

Я честно пыталась ответить себе на вопрос – есть ли у меня выбор? Десять лет жизни – не так уж и мало! Почему я должна рисковать ими ради неведомых мне людей?! Нельзя сказать, что этот мир встретил меня радостно и ласково. Да и люди... Мачеха и ронс Каштер, мои названные братья и лекарь, «высушивший» меня. Кто они мне такие, что ради их спокойствия я должна рисковать?!

А так же – дядя Ангус и тетя Рима, ронса Верта, что бесконечно подкармливала меня в замке, и ронс Ингар, и тетушка Вайра, да даже ворчунья Жарма, которая передала с рынка для меня траву для лекарственного отвара – думала, что я простывшая. Они, конечно, хорошие люди и были добры ко мне. Только вот жизнь у меня одна!

Я лежала, со злостью пялилась на яркий прямоугольник утреннего солнца на стене и пыталась принять честное решение.

Харт все еще не возвращался и в какой-то момент я поняла – нет, ни за какие блага мира я в эту историю не полезу! Пусть сами разбираются. Какое ко мне имеет отношение этот отряд бойцов? Они военные, они за это деньги получают, вот пусть они и воюют!

А я сделаю все так, как и хотела раньше – устроюсь в большом портовом городе, буду вязать и просто наслаждаться жизнью. В конце концов, вояки вполне могут справиться и без меня. Тогда и вообще все будет отлично. Конечно, наверное, их погибнет больше, чем если я буду рядом. Но они мне вообще чужие и незнакомые!

И внутри меня ласково запела Тьма...

Прямо днем, при свете солнца, спрятанная в глубинах моей души Тьма давала мне обещания.

Тихий, но отчетливый шепот рассказывал мне о Силе, которую я приобрету в момент слияния, о праве жить так, как мне удобно и делать все, что захочу, о праве сильного. А я, слившись, буду очень-очень сильны!

О том, что я ничего и никому не должна в этом мире, который был ко мне несправедлив, о том, какая я умная и красивая, о том, что мои желания будут исполняться немедленно, все желания, любые...

О том, что больше мне не будут угрожать всякие там лекари и ронсы Каштеры – они просто умрут, зачем такие калеки нужны Тьме?! Тьма берет только сильных, самых-самых, избранных! Я - избранная и Тьма меня любит...

Она знала про меня много, даже то, что я из другого мира, она видела все черные пятна в моей душе и в каждое из них кинула свое семя.

Я лежала, замерев и сдерживала дыхание – смерть стояла за этим словами...

Пожалуй, решение я приняла именно в тот миг, когда «увидела» внутри себя бесславную смерть ронса Каштера. Я – Владычица этого мира и он – грязный червь у меня под туфелькой...

Когда распахнулась дверь и вошел Харт, я резко села на кровати и сказала:

- Я иду с тобой.

Он внимательно посмотрел на меня и спросил:

- Она с тобой говорит?

Я поняла без слов. Неужели, когда он был магом, он слышал этот голос постоянно?! Нежный, сладкий шепот с запахом гниющей плоти.

- Харт, а как ты с этим... Как ты справлялся?

- С трудом – он криво ухмыльнулся. – Просто я всегда знал, что я не самый лучший.

- В каком смысле?

- Во всех, Лунка. Не самый умный – есть люди умнее. Не самый красивый – есть и получше. Не самый добрый и не самый великодушный. И даже не самый злой.

- Не понимаю.

- Знаешь, я тоже не слишком это понимаю. Просто знаю, что это – так и есть. И когда Она говорит о твоей исключительности – она врет. Просто и незатейливо – врет. Ей нельзя верить.

Харт прошелся по комнате, потом вернулся и сел у меня в ногах.

- Понимаешь, Лунка, совершенных людей не бывает. У всех у нас есть в душе ростки Тьмы. Помнишь, я рассказывал тебе про своих друзей? Крайт... Он был сильный маг и умный парень, щедрый, добрый, но немного – сноб. Тьма долго звала его. Сперва он смеялся над ее зовом. Зов тогда слышали почти все маги, кто часто бывал у портала. Потом он стал презрительно отзываться о простецах. Мы с Вином были как слепые, просто не понимали... Спорили, доказывали, иногда немного ругались... Потом Крайт ударил лекаря – тот немного не вовремя зашел в палатку, обозвал лекаря глупцом. Мы даже поссорились тогда.

Харт помолчал. Заметно было, что эти воспоминания даются ему нелегко. Я не торопила, мне казалось, что где-то в его рассказе будет ответ на мой вопрос. Харт тряхнул головой, как будто отгоняя какие-то мысли и продолжил:

- Вин первый заметил неладное – слишком Крайт стал надменным и нетерпимым к чужому мнению. Я же все не видел непоправимого... А потом Крайт ушел в нее добровольно. Просто он ей поверил. Вин погиб от его руки, когда старался его задержать. Так что не верь ей.

- Харт, я боюсь.

- Я понимаю. Когда она будет звать – говори со мной. Все равно о чем. Это помогает, я точно знаю. А главное – никогда не верь ей.

- Но как я буду жить, зная, что она все время у меня в голове?! Все знает обо мне и не даст мне даже спать – будет шептать.

- Нет, все время она не сможет быть с тобой – только в минуты слабости. Твоей слабости, Лунка. Когда ты жалеешь себя. Когда ты думаешь, что ты лучше остальных. Достойнее. Сильнее. Умнее. Избранная... Да, вот тогда она и может говорить с тобой. А сейчас спи, я побуду в комнате.

Я спала и мне снились лунный свет и полет... Ночью я полностью восстановила силы – луна росла и я даже не успела замерзнуть у окна. Харт смотрел с любопытством и легкой завистью.

- Харт, прости... А ты... Ну, ты сгорел полностью? Магия не вернется никогда?

- Думаю, что не вернется – там просто нечему возвращаться. Сила огня вся ушла на портал. А Сила луны – на обмен.

- Ты хочешь сказать, что ты выпустил Силу луны в тот мир?

- Да. Я ее обменял на силу Тьмы. Как бы установил временное равновесие между мирами. В это время я и смог закрыть портал.

- Интересно, а вдруг кто-то там получил твою силу?! Что с ним будет?

Похоже, Харт растерялся. Он помолчал с минуту и сказал:

- Никогда не думал об этом. Но вообще-то, вопрос интересный. Надо будет поговорить с учеными. Ложись уже спать – вставать рано.

Утром мы тронулись в путь. До Анрино оставалось двое суток пути.

За эти дни Тьма больше не пыталась говорить со мной, а у меня было время обдумать, что же она такое. Конечно, мой опыт в магии и владении Силой мизерный, но зато я не скованна предрассудками и догматами. Скажем так, в отношении выводов я более свободна и даже более нахальна.

Мне странно одно, а именно, то, что Тьма здесь – разумна, что у нее есть голос. Но вот это как раз и можно объяснить магией. А так, если подумать, то Тьма существует в любом мире и в любой душе. Она изначально есть там. Ты позавидовал в детстве чужой игрушке, подростком – приятелю, который симпатичнее, сильнее или умнее, взрослым – чужим деньгам или здоровью, любви или выигрышу. Не помог, хотя имел возможность. Не пожалел, когда нужно было. Ну, и так далее.

Тьма не оставит тебя – она расцветет в каждом пятнышке на твоей душе. И выжигать эти пятна можно и без всякой магии. Одергивать себя, не позволять зависти, жадности, злобе прорасти в душе. В общем-то – ничего сложного. А с другой стороны никто из нас не свят. Просто редко задумываемся о прополке собственных мыслей, охотно прощаем себе маленькие слабости, иногда – излишне жалеем.

В общем-то, именно об этом и говорил кто-то из поэтов:

Не позволяй душе лениться!
Чтоб в ступе воду не толочь,
Душа обязана трудиться
И день и ночь, и день и ночь!

Конечно, королевские ученые могут и высмеять столь примитивную теорию, но я, хотя бы, смогла объяснить самой себе все происходящее со мной.

Возможно, Тьма чувствовала, что я ей враг, но говорить со мной больше не пыталась.

В Анрино мы прибыли ближе к вечеру. Останавливаться в таверне Харт не стал – сразу направил телегу куда-то вглубь мощеных улочек города.

Особнячок, к которому мы подкатили, был явно не из самых шикарных. Скорее – просто средних размеров дом, чуть запущенный, но не обветшалый.

Откуда-то из дома выскочил среднего роста мужчина, поклонился и подхватив под уздцы коней, повез нашу телегу куда-то за дом. На крыльцо вышел седой высокий старик, прямой, как шпага, коротко, но внимательно оглядел нас с Хартон и приглашающе кивнул головой.

- Иди, не бойся, видишь – нас ждут. – Харт аккуратно подтолкнул меня в спину.

Как только дверь за нами закрылась, отрезая от внешнего мира, старик и снявший кольцо Ольгерд обнялись. Потом старик строго глянул на меня и вздернув левую кустистую бровь спросил у сангира:

- Ты привез с собой подружку? Или без горничной теперь не можешь путешествовать?

Ольгерд рассмеялся:

- Ты все так же ворчлив и ехиден? Спасибо Силе, что хоть что-то в мире осталось неизменным! Знакомься, Зорт, эта девочка – лунный маг.

- Ах, вот оно что! – протянул вредный старик.

Теперь он смотрел на меня с интересом, как бы оценивая, насколько я пригодна для его целей. А я чувствовала себя очень неловко – судя по дорогой одежде старик был не последним человеком в этом мире. Ольгерд взглянул на меня и довольно официально добавил:

- Санги Алуна, позвольте представить вам Зорта Эртийского. Он дядя Верховного правителя и самый сильный воздушник.

Старик поморщился:

- Был самым сильным – скрипуче поправил он. – Теперь меня не хватает даже на приличный сквозняк. Впрочем, это все не важно. Комната ждет тебя, мой мальчик. А для санги, увы, ничего не приготовлено. Посему я предлагаю ей выпить со мной взвара, пока приготовят покои.

Двое слуг внесли наш багаж и мне стало совсем уж неловко за огромный мешок с тряпьем. Один из лакеев повел Ольгерда вглубь дома, второй подхватил мой мешок, выслушал распоряжение сангира – приготовить комнату, и тоже куда-то поспешил.

Сангир Зорт не предлагал, скорее – командовал, потому я только послушно кивнула головой, положила ладонь на предложенный мне локоть и пошла с ним туда, куда он зашагал – в небольшую столовую. Три плотно занавешенных окна в пол, большой овальный стол под простой белой скатертью, окруженный десятком стульев, в углу – пузатый резной буфет.

Комната производила странноватое впечатление. Казалось, что дом так долго был без хозяев, что весь выцвел, покрылся трещинами и морщинами, и теперь, когда вновь появились люди, старался тщательно спрятать следы времени и разрухи. Только вот у него не слишком хорошо получалось.

Буфет прятал за собой пятно на полосатых обоях, но краешек все равно был виден, огромный цветной ковер, почти во всю комнату, все же не скрывал обшарпанные плинтуса с трещинами. На блестящей хрусталем люстре недоставало пары подвесок. Да и светильников вместо шести было только три.

Старик обвел комнату недовольным взглядом, отодвинул мне стул и предложил сесть. Все это время мы молчали. Молчали даже тогда, когда средних лет горничная, в темно-сером платье и длинном белоснежном фартуке, ловко накрывала стол к чаю.

Плотная, невысокая, с гладко зачесанными волосами и круглым добродушным лицом. Нос кнопочкой и пухлые губки бантиком делали ее миловидной, вот только слишком пристальный взгляд стальных серых глаз, который я случайно уловила, разрушал образ милашки и

простушки. Наконец она вышла и сангир, жестом предложив мне угощаться печеньем и ароматными булочками, сказал:

- Думаю, юная санги, нам стоит поговорить.

Разговор, с моей точки зрения, напоминал допрос. Нет, сангир Зорт не был груб, но и излишней деликатностью явно не страдал. Понимая его значение в социуме, я старалась отвечать максимально честно и четко. Выпотрошил он меня довольно быстро, поскольку все вопросы о детстве и родителях я отвергла, сославшись на потерю памяти. Жаловаться на мачеху я не стала, но, возможно, такая история, как у меня, была не единична, потому как сангир счел нужным задать вопрос о моем питании и на мой ответ, что оно было недостаточным для восстановления, лишь кивнул головой.

Когда я закончила рассказывать о путешествии, он вернулся к моменту моего увольнения из замка. Взвар в чашках уже остыл, так и не тронутый. Отвечать сразу я не стала – отхлебнула из чашки и взяла печенье. Похоже, это его слегка развеселило.

- Санги Алуна, у вас есть причины что-то скрывать? – он опять вздернул углом левую бровь, отчего лицо приобрело несколько насмешливое выражение.

Но вот тут мне нужна была пауза на размышление, потому я только утвердительно кивнула головой. А мысль у меня была простая, но довольно странная.

Вот сейчас я пожалуюсь на обман и сволочизм ронса Каштера. Его, разумеется, накажут. Пожалуй, еще и из замка выгонят. Хочу ли я этого? Конечно – хочу! Я вовсе не забыла, как меня выкинули на улицу, предварительно обобрав. Да, я очень хочу, чтобы его наказали! Порадует меня это? Да! Безусловно – порадует!

Злорадство, гордыня, а возможно и еще какие-то неблагоприятные чувства у меня точно появятся.

А потом ко мне придет Тьма...

Слишком мало я понимаю в данной Силе, чтобы так рисковать. Конечно, в глазах закона я и буду чиста, но буду ли я чиста перед своей совестью? Решить мгновенно этические вопросы такого плана я точно не готова. И рисковать не хочу!

Я посмотрела прямо в глаза сангиру Зорту и сказала:

- Почтенный сангир, я не стану отвечать на ваш вопрос. И прошу вас не затрагивать эту тему в присутствии сангира Ольгерда.

Раздражение, которое появилось на лице бывшего мага, довольно быстро сменилось некоторой задумчивостью, а потом недоумением. Он помолчал, потирая костлявый подбородок и, похоже, перебирая мысленно какие-то факты, однако спорить он не стал:

- Как скажете, лунный маг Алуна.

Автор стихотворения Н. Заболоцкий

Глава 18

Мне предоставили комнату, чисто вымытую, но пока холодную, зато была отдельная ванная с проточной теплой водой.

Та самая горничная, которая накрывала чай, попыталась последовать за мной в ванную. Отказываться пришлось довольно резко. Не знаю, был ли это приказ сангира и что именно она хотела увидеть, но простого – нет – оказалось недостаточно. Пришлось настаивать.....

Возможно, я выглядела в этот момент глупо, однако к такому обслуживанию я не привыкла, да и мыться при чужом человеке было неловко.

Горничная, она представилась Пиной, руками высушила мне волосы – слабый маг огня, оказалась. Пока она плела мне сложную косу, я размышляла о том, что маги, даже слабые, горничными редко устраиваются. Скорее всего, она не просто горничная. Спросить же, кем служит сангир Зорт я не рискнула. Ясно только было, что лицо он официальное и чин у него не маленький.

На ужин мне и пригодилось то самое, свадебное, платье тети Римы - кремовый плотный шелк, белая вышивка по подолу и воротнику, юбка-полусолнце до середины икры, рукав три четверти, очень нежное и нарядное.

Пина сбрызнула его водой и проведя руками по красивому шелку вручила мне теплое после глажки платье. Я посмотрелась в старое овальное зеркало, что висело в комнате. В полный рост я видела себя всего несколько раз и сейчас оглядывала отражение с удовольствием – такой красивой я никогда не была. Может быть наряд чуть старомоден, но, безусловно, очень мне к лицу. Поэтому в столовую я спустилась в хорошем настроении и даже с улыбкой.

Только вот атмосфера там была очень напряженная. Нет, не думаю, что сангиры до моего прихода ругались, но ощущение, что Ольгерд узнал какую-то скверную новость было полным. Он через силу улыбнулся мне, помог сесть и лакей снял с горячих блюд большие серебряные крышки.

Ели молча. Сангир Зорт пробовал было рассказывать какие-то придворные новости, но Ольгерд мрачно глянул на него и беседа увяла. Я не слишком понимала, что произошло, потому маялась от неловкости и молчания. После ужина сангир Ольгерд встал, отодвинул мне стул, коротко поклонился и подхватив сангира Зорта под руку попробовал его вывести из комнаты.

- Нет, Ольгерд! Она пойдет с нами.

- Нет, не пойдет!

- Сейчас не время спорить, ты это уже понял.

- Она останется здесь, я даже обсуждать это отказываюсь!

Я видела, что сангиры злятся, но смысла не понимала. Однако и выйти из комнаты не могла – они загородили выход, да и лакей, стоящий чуть сбоку от них, тоже мешал мне пройти. Между тем сангир Зорт начал повышать голос и я, как ни странно, сочла нужным вмешаться.

- Может быть, вы просто объясните мне, что случилось, а я сама буду решать, стоит ли в это вмешиваться?

- Сангира Алуна, пройдемте в кабинет – там можно будет спокойно поговорить.

- Лунка, я запрещаю тебе лезть в это!

Ответили они одновременно, перебивая друг друга, но если сангир Зорт говорил почти спокойно, то Ольгерд явно был раздражен. Я посмотрела сангиру Зорту в глаза и согласно кивнула. Что бы не произошло, я предпочту решать сама. Сангир выпустил локоть взбешенного Ольгерда и в два шага подойдя ко мне подал руку. Потом, глядя прямо в глаза Ольгерду он сказал:

- Мальчишка! Сейчас не до игр в прекрасную сангиру и рыцаря-спасителя! Если нужно будет – я перережу горло и ей, и тебе прямо здесь. Понимаешь?! И себе, если будет нужно...

После этого наступила долгая пауза.

Они оба были взбешены, у Ольгерда вокруг крепко, в полоску, сжатых губ расползлось бледное пятно, у Зорта гневно раздувались ноздри, его предплечье под моими пальцами закаменело, казалось, что он скручивает в себе гнев и раздражение в тугую пружину и я испугалась, что они сцепятся прямо сейчас. Лакей уже давно предусмотрительно отошел к стенке и стоял там в странноватой позе,

почти на цыпочках. Я догадалась, что он в любую секунду готов кинуться разнимать их...

- Ольгерд, иногда жизнь не дает выбора – сказал сангир Зорт. Удивительно спокойным, каким-то вялым голосом.

Ольгерд потупился, как-то странно, как будто смахивая липкую паутину, провел по лицу и непонятно посмотрел на меня. Молча, как будто все проблемы были уже решены, сангир Зорт повел меня к двери, Ольгерд шел, отставая от нас только на шаг.

В кабинете, усадив меня в одно из кресел, сангир Зорт подошел к обитой ветхим зеленым бархатом стене и провел вдоль рукой. Ткань расползлась в странную дыру, открывая стальную дверцу сейфа. Оттуда сангир вытащил несколько свернутых в рулоны листов бумаги разного размера и небольшую шкатулку. Из шкатулки достал перстень, надел его себе на руку и требовательно посмотрел на Ольгерда. Тот нехотя достал из кармана куртки кольцо, то самое, что определяло правдивость слов. Потом сангир Зорт заговорил:

- Сангира Алуна, не примите за насмешку, но вы прожили в Лесном почти всю жизнь и не получили образования. Знаете ли вы, что это за кольцо?

- Оно очень похоже на кольцо сангир Ольгерда. Оно определяет ложь?

- Да. Я рад, что это вам известно. Тогда смотрите на карту.

Сангир расстелил на столе довольно большой свиток, который начал увеличиваться прямо на глазах и покрываться цветными линиями. Длинный, чуть крючковатый палец указал на центральную часть карты, где четко выделялся правильной формы черный овал. От одной из половин овала в разные стороны торчали лохмотья, чем-то напоминавшие мне линии и изгибы Тьмы, напавшей на нас.

- Это – закрытый портал, сангира Алуна. А вот эти черные линии – направления силы. Старые направления. Понимаете? Вот по этим линиям происходило вторжение нечисти через портал. А вот это – сангир крепким ногтем провел по одной из чуть размытых двух красных линий – вот это – свежие...

- Вы хотите сказать, сангир Зорт, что через портал снова стала просачиваться нечисть?

- Пока еще нет. Но эта карта – старый артефакт и зачарована сильнейшими магами академии. Она работает на опережение. Еще

несколько дней назад линий было три, но они были гораздо слабее. И обратите внимание на красную кайму вокруг портала. Сейчас эти две стали гораздо четче, так же, как и то, что сочится сквозь портал. Видите, где они сходятся?

- Вы хотите сказать, сангир Зорт, что бой с Тьмой произойдет прямо здесь, в городе?

- Нет, Лунка – неожиданно вмешался сангир Ольгерд – сангир Зорт хочет сказать, что мы, ты и я, тянем на себя Тьму. И что для того, чтобы ее уничтожить полностью и навсегда, нам нужно уйти в портал.

Я оторопела. Вот так просто – взять и самоубиться?! Я жить хочу, просто жить! Кто, ну кто способен принести себя в жертву добровольно? Нет, безусловно, во все времена были фанатики, но я-то не из них!

Сангир Зорт заговорил размеренно и спокойно:

- Не нужно считать нас убийцами, санги Алуна. Все не так страшно, как кажется, уверяю вас! Никто не будет приносить вас с Ольгердом в жертву Тьме.

- Тогда я не понимаю, чего вы хотите?!

- Вы должны вернуться на нашу прародину. В тот мир, который сейчас закрыт.

- Но... Зачем?! Ведь именно там обитает вся эта нечисть, именно оттуда сочится Тьма. Как мы там будем... Что мы там станем делать?! Присоединимся к Тьме?!

Сангир смотрел на меня с мягкой усмешкой:

- Вот что значит отсутствие классического образования! Не обижайтесь, санги Алуна, но любой маг, окончивший хотя бы начальную школу сейчас бы от души веселился.

Я разозлилась. Может, это чистой воды высокомерие! Что сделало государство для того, чтобы маги получили хоть какое-то образование?! Ничего! А кто ничего не делает, тот не смеет спрашивать отдачу или насмехаться! Именно это я и заявила сангиру Зорту. Похоже, он не совсем бесчувственный болван, раз несколько смущенно откашлялся и примолк. А я с раздражением продолжала:

- Может быть вы, сангир, в общих чертах просветите глупую магичку?!

- Приношу вам свои извинения, санги Алуна.

Сангир Зорт извиняюще склонил голову и вопросительно глянул мне в глаза.

- Прошу, не сердитесь. Я осознаю вашу правоту. Если позволите, я постараюсь объяснить вам поподробнее. Итак...

Итак, история этого мира оказалась довольно интересной штукой. Разумеется, та история государства, что я слушала сейчас. Когда-то, когда я слушала про уход через портал, я не додумалась уточнить, а что остается за порталом? Почему-то я четко представляла себе пустые выжженные земли. Однако, все было не совсем так.

Когда нападения нечисти участились настолько, что жить в изначальном мире стало невозможно, маги-ученые, те, кто не обладали излишками самомнения, начали думать и считать. Многократно проверив все магические выкладки, пришли к странному решению: переселение должно состояться обязательно, иначе с Тьмой не справиться. Но вот переселяться должны далеко не все. Общее количество магической Силы должно быть примерно равным по обе стороны портала.

Именно тогда народ изначального мира, мира Орхидо, разбился на две части. Даже не слишком и равные. Уходить должны были самые сильные маги и обычные люди. В пропорции на одного мага – пятнадцать, а лучше – двадцать простецов. Маги середнячки оставались на месте, так же, как и те простецы, кто не хотел уходить.

Тогда, семьсот с лишним лет назад, в течении нескольких месяцев простецы и маги уходили в другой мир, тем самым ослабляя Тьму. А она тянулась за ними, и за магами, и за простецами... Само открытие портала и деление, скажем так, «магической массы» всех магов на две равные по силе части сильно ослабляло Тьму и ее порождения и притягивало к portalу.

А вот с момента закрытия портала Тьма, сильно оголодавшая, была и вовсе прикована к одному и тому же месту, собрана в одной точке, но с обеих сторон. Ну, а маги и простецы изначального мира, мира Орхидо, так же воевали с Тьмой.

Пожалуй, в этот момент мне стало немного понятнее, о чем говорил сангир Зорт. Хотя, разумеется, вопросы у меня оставались.

- Сангир, а зачем нам вообще идти в портал?!

- Затем, санги Алуна, что именно вы с Ольгердом сейчас нарушаете равновесие. Если бы Ольгерд не проснулся, Тьма сдохла бы

от голода. Да, не за один год, может быть, и не за одно столетие, но уйти от точки равновесия миров она бы не смогла. А соваться туда и добровольно принести себя в жертву... Ну, сумасшедшие есть всегда, но с нашей стороны портал охраняется очень надежно, и не только магами, но и военными. Ровно то же самое сделано и в Орхидо. Чтобы принести себя в жертву – до портала нужно сперва добраться!

Тут мне пришла в голову нехорошая мысль. Я посмотрела на кольцо сангира Зорта, отметила мягкий зеленый цвет его камня и решила спросить:

- Сангир, а не проще ли нас с сангиром Ольгердом убить? Это снимет проблему равновесия.

Ольгерд усмехнулся и сказал Зорту:

- А я тебя предупреждал! Да, она не имеет за плечами даже школы магов, но далеко не дура.

- Не проще – вздохнул сангир Зорт. – Поверьте, санги Алуна... Вы уже поняли, что речь, ни много ни мало, идет о спасении обеих миров... Если бы было проще – он снова вздохнул, в этот раз чуть виновато – думаю, вас бы уже не было в живых. И не стоит возмущаться – среди Верховных владык Сияющих нет. Там – он как-то неопределенно мотнул головой, очевидно показывая, где именно – это самое «там» - иногда приходится принимать омерзительные решения.

Камень в кольце остался зеленым.

Я пометила себе, что позднее нужно уточнить, кто такие Сияющие. По контексту получалось – ангелы. Спросить сейчас я просто не могла – думаю, это слово знакомо всем жителям мира, так что не стоит показывать неосведомленность.

- Понимаете, санги Алуна... Лунная магия и слишком странная, и слишком мало изученная вещь. Никто не может делать по ней какие-то серьезные прогнозы. Да, несколько раз магия луны пробуждалась и давала невиданный всплеск Силы. Только вот это всегда происходило в такие исторические моменты, когда было не до изучения – выжить бы. Даже когда у Ольгерда пробудилась Сила – наплыв Тьмы от портала был уже так велик, что изучать Силу было просто некогда.

- Тогда еще вопрос, сангир Зорт. Почему через портал нужно отправлять двоих? Разве не логичнее, что если через портал уйдет сангир Ольгерд, а я останусь здесь, равновесие будет восстановлено?

- Увы, санги Алуна, не все в магии подчиняется логике. Лунный маг на данный момент у нас только один – и это – вы. Однако и на бывшего лунного Тьма реагирует. – Сангир кивнул на Ольгерда.

- Если мы уйдем оба – равновесие все равно сместится, только уже в сторону Орхидо. И Тьма пойдет за нами туда.

- Смотрите на кольцо, санги Алуна! Я хочу, чтобы вы понимали – я не вру. Никто точно не знает, как это работает. Но, и это важно – сангир вздернул сухой и чуть кривоватый указательный палец – наши ученые считают, что на вашем месте появится новый лунный маг. А вот в мире Орхидо он появится просто не может! Понимаете? Магия этого мира связана с местной луной и в Орхидо такой маг просто не может появиться сам по себе!

Глава 19

Комната прогрелась. Я сидела на кровати в тонкой ночной рубашке, расчесывала волосы, чтобы отвлечься от суетливых мыслей, но признаться, помогало это мало. Не было тревожности и особого страха, зато была куча вопросов.

Я – маг луны. Нравится мне это или нет, меня не спросили. Тьма ищет меня и, даже если я сбегу – найдет. В одиночку я не выиграю. Возможно, у меня и хватит сил, но точно не хватит умения – я слишком мало знаю о магии и войне. Я не умею многого, что подвластно любому слабому магу. И тренироваться уже поздно.

Даже если отбросить в сторону все проблемы приютившего меня мира – у меня все равно нет выбора! Это как оседлать тигра. Я уже держу его за усы. Отпущу – умру. Струшу – тоже умру. А вот если буду держать его мертвой хваткой и рулить им – возможно, у меня появится шанс выжить. Всего лишь шанс...

Самое странное, я не испытывала страха. Скорее, какое-то холодное равнодушие. Возможно, набралась некая критическая масса ужаса и поэтому я рассматривала всю ситуацию с практической точки зрения. Просто сидела и рассуждала, перебирая тяжелые детали разговора. Похоже, когда человек уже падает в пропасть, он перестает бояться. Я – уже упала...

Возможно, количество проблем просто не оставляли мне выбора? Однако, все у меня мысли были исключительно прагматичные. Ну, типа – как себя вести там, в том мире? Примут ли нас местные? Что там вообще за общество? Что нужно прихватить с собой и что сделать, чтобы выиграть бой здесь? Будет ли это один бой или, все же, два? Ведь Тьмы осталось две части триады. Будет ли у меня опять так сильно болеть голова? Не лучше ли назначить переход на полную луну? Может быть, тогда моя магия будет сильнее?

Мне обязательно нужно до всего этого написать письмо дяде Ангусу и тете Риме. Они не просто были добры ко мне, они обо мне заботились. Хорошо бы еще оставить весточку ронсу Ингару – он потратил на меня кучу времени и знаний...

Заснула я совершенно незаметно, а проснулась от тихого голоса горничной:

- Санги Алуна, пора вставать к завтраку.

Умылась, причесали, одели, проводили...

За столом, кроме санигров Зорта и Ольгерда присутствовали двое незнакомых мужчин. Сангир Ольгерд представил мне их:

- Наше сопровождение, санги Алуна. Герд Ольф и герд Ивер.

Мужчины встали и вежливо поклонились, приложив правую руку к сердцу.

Я поняла, что это какие-то военные титулы, но выяснять не стала, просто приветливо кивнула головой и массивному герду Ольфу и невысокому, сухому и жилистому, герду Иверу. Ели молча, а после завтрака сангир Зорт пригласил мужчин в кабинет.

- Простите, сангир Зорт, но, возможно, мне стоит пойти с вами?

Он явно испытал некоторое удивление:

- Помилуйте, санги Алуна... Зачем вам тратить время на пустые заботы? Думаю, вам будет скучно слушать, что и как нужно взять с собой в дорогу, какие артефакты понадобятся и прочее...

- Сангир Зорт, если бы я не собиралась в эту дорогу, я бы и не лезла в беседу. Но мне кажется, что все это касается меня лично. Я, хотя бы, послушаю. Обещаю не мешать вашим рассуждениям.

Он несколько неохотно пожал плечами и предложил мне руку. Хорошо уже то, что не стал спорить и упрямиться.

Разговор строился довольно спокойно. Обсуждали некий промежуток пути от одного еще работающего внутреннего портала до другого. Эти порталы уже были слабы, человек или пара могли пройти раз в день-два, не чаще, использовали их только для нужд государства. Именно порталом и прибыли из столицы герд Ольф и герд Ивер. Следующую пару сопровождения ждали завтра, к вечеру.

Однако пешком до портала между мирами добираться слишком долго. Потому мы зайдем в портал Анрино, выйдем в портал Ольберга и будем ждать остальных. Оттуда – пешком через мертвую зону к порталу между мирами. В общем-то – ничего сложного, кроме последнего отрезка пути. Там Мёртвые земли, нет ни деревьев, ни воды – все нужно везти с собой, даже дрова для костра.

Мужчины прикидывали путь, планировали ночевки, обсуждали, сколько брать повозок, еды, дров и прочее. Здесь, в Анрино, мы будем

жить еще пять-семь дней, пока не соберутся все воины. Всего идет девять человек, четверо уже на месте.

Меня немного удивило малое число сопровождающих, но лезть с вопросами в общую беседу не стала – потом спрошу у сангира Ольгерда.

Закончив беседу с военными, сангир Зорт попросил меня и сангира Ольгерда остаться, а оба герда ушли отдыхать.

- Санги Алуна... Мне хотелось бы использовать все возможные шансы на победу.

Я молчала – не понимала, что именно ждет от меня сангир. Чуть смущенно он продолжил:

- Вы, как уже всем понятно, не вернетесь домой. Мне приходилось самому принимать участие в боях с Тьмой не один раз. Точных подтверждений, разумеется, нет... Но у бойцов было стойкое убеждение, что шансов остаться живым у того, у кого нет долгов.

- Долгов?!

- Я не о деньгах, санги Алуна. О, скажем так – моральных долгах. Например, вас вырастила мачеха. Если вы считаете, что должны как-то помочь ей – скажите мне и казна оплатит.

- Понятно...

- Подумайте, санги, я не тороплю и даю слово – чем бы не кончился ваш поход, все долги будут оплачены до...

Мне показалось, что в этом есть и другой скрытый смысл. Человек просто легче ввяжется в бой, если у него не висят долги за спиной, нет малолетних детей или остающихся без присмотра родителей. Как бы там ни было, но сама идея мне показалась здоровой. Мы уходим отсюда навсегда, лучше не оставлять неоплаченных счетов.

- Пожалуй, у меня есть долги такого рода. Я хотела бы отправить письмо и деньги двум своим близким людям. Они жители Лесного, но не самого села, а выселок.

- Это обязательно будет сделано немедленно, санги. Пишите, я лично отправлю курьера. Ольгерд?

Он вопросительно посмотрел на сангира Ольгерда. Тот лишь неопределенно хмыкнул и сказал:

- Пожалуй, у меня остался только ронс Гонза. Ты же понимаешь, если бы не его преданность и вера, что я проснусь... Как он продержал

замок столько времени почти без денег и налогов – только Силе понятно.

Тут он не смог удержаться, чтобы не уколоть санигар Зорта:

- Вы-то, понятное дело, не ожидали, что я проснусь... - и криво усмехнулся. – Однако, Зорт, обещай, что город и замок будут присмотрены. Я повесил заворовавшегося мэра, но на его месте сейчас остался какой-то невразумительный служащий. Займись этим! Простецы и маги Лейна не должны страдать.

- Я понял – Зорт чувствовал себя неловко – сегодня свяжусь с Верховным, завтра обсудим, кому ты захочешь передать замок. Обид не осталось?

- Откуда они возьмутся?! – Ольгерд, кажется, даже удивился вопросу.

- Санги Алуна, у вас нет обид?

Я помолчала, подумала и ответила:

- Сангир Зорт, когда лекарь вытянул из меня Силу природника – он использовал её не для лечения, а для собственного восстановления. Думаю, за это стоит наказать. Лекарю так поступать не должно!

Тут вмешался санигр Ольгерд:

- Кстати, Лунка... - он опомнился и исправился – санги Алуна, я уже спрашивал, почему ты ушла из замка. Но ты каждый раз элегантно уходила от темы. Может быть, стоит рассказать сейчас? У меня сложилось впечатление, что дело там не совсем в твоём нежелании работать.

Причин молчать сейчас я не видела. Да и потом, разрывая все контакты с этим миром, стоит рассчитаться со всеми долгами. Рассказ мой был короток. Выслушав, сангир Ольгерд посмотрел на сангира Зорта и дождался ответа:

- Обещаю, я разберусь! Санги Алуна, еще раз, как звали торговку, что помогла вам?

Уточнив еще несколько деталей и что-то записав в одной из своих бумаг, сангир Золт отпустил и меня, и Ольгерда.

- Сангир Ольгерд, скажите, а почему мы идем такой небольшой командой? Разве не стоило взять всех сильных воинов, которые согласились бы помочь?

- Санги Алуна, согласились бы помочь очень-очень многие, только вот и сопротивление у Тьмы они вызовут сильнее. Почти

каждый из военных терял во время войны друзей, родню, семьи. Сейчас отбирали только тех, кто потерял минимум близких – везунчиков.

Обед подали вовремя. Очень вкусный суп с прозрачным крепким бульоном и кубиками овощей, огромный ростбиф, ну, или что-то максимально похожее, сочное филе какой-то крупной рыбы, два гарнира на выбор, а на десерт – потрясающие местные фрукты. Раньше я таких не пробовала. Темная скорлупа была уже подрезана и при нажатии фрукт распадался на две половинки. Чайной ложечкой я выбирала нежную мякоть с ореховым привкусом и жалела, что не видела такой фрукт раньше.

До вечера я вязала для успокоения нервов, а ближе к ночи прибыли еще два человека. С ними я познакомилась уже за завтраком.

Сегодня уже никто не возражал, чтобы я присутствовала при обсуждении, так что я тихо уселась с краю и слушала разговоры, с любопытством рассматривала различные артефакты, что держали в руках мужчины. К концу совещания у меня назрел некий вопрос, с которым я и обратилась к санигру Ольгерду – мы вышли из кабинета первыми, остальные пока еще крутили широкий пояс, споря, кому лучше идти в нем, а мы уже шагали по коридору в сторону лестницы.

- Сангир Ольгерд, я хотела бы...

- Санги Алуна, а давай-ка без официоза? Если вы, санги, не против – он улыбнулся. Старый тонкий шрамик, тот, что спускался по щеке до левого уголка губ, всегда делал его улыбку слегка лукавой.

- Да не против я, Ольгерд, не против... Только вот у меня вопрос. Почему все время обсуждают только путь туда?

- Ну, потому, что бой обсудить невозможно. Есть несколько рабочих схем, кто и что делает в момент нападения. Ты, в любом варианте, будешь в центре круга из воинов. Не переживай, с нами идут лучшие бойцы. Все они знают, что такое Тьма и уже не раз были в схватках. Герда Ольфа я знаю еще со старых времен, так же как и еще пару людей, которых мы ждем.

- Ольгерд, я не о том!

Он вопросительно уставился на меня.

- Если все будет хорошо, а о другом варианте я даже думать не хочу... Так вот, если мы пройдем портал и Тьма погибнет, жить мы как и на что будем? Я так понимаю, мы выйдем на Мёртвые земли, такие

же, как и здесь. Их нужно будет пройти, чтобы выйти к людям. Там нет твоего замка, там нет сангира Зорта, который нас примет и будет кормить-поить. Ты понимаешь, о чем я?

Почему-то ошарашенное лицо Ольгерда мне совсем не понравилось.

- Ольгерд, скажи честно, у нас вообще есть шансы выжить?

- Лунка, шансы у нас есть, клянусь Силой! Может, не так много, как хотелось бы, но точно – есть. Но вот... Не знаю, твой вопрос меня просто выбил из колеи. Я о таком даже и не думал! Нет, я так-то понимаю, о чем ты. Просто это казалось настолько второстепенным.

Мужчины! Им бы забраться на Эверест и все! А вот как слезать с Эвереста – думать не обязательно! Хорошо уже то, что фыркать на меня Ольгерд не стал, подхватил за руку и потащил назад, в кабинет сангира Зорта.

Следующий день у меня был занят с самого утра. Получив в свое распоряжение увесистый кошелек, санигра Ольгерда, горничную и четырех солдат в качестве охраны, я отправилась по магазинам, лавкам и рынкам.

Мне нужно было собрать некий минимум вещей, достаточно легких, но необходимых в походе. Мне нужно было запастись ценными вещами, которые дадут нам возможность первое время прожить там.

И еще, если подход к portalу между мирами охранялся – нам нужны доказательства для людей, что мы не сумасшедшие нарушители и пришли не со стороны Тьмы. Хотя, вот на этот вопрос мне никто ответить не смог – есть ли там вообще охрана? Ведь, по сути, уже почти восемь лет Тьма не беспокоила тот мир. Раньше – точно была. А сейчас – можно только предполагать.

Товары я отбирала очень тщательно. Конечно, некий запас золотых монет нам дадут с собой, только вот не вызовет ли это проблем – деньги за столько лет наверняка стали сильно отличаться. Примут ли нас официальные власти или нам нужно будет просто раствориться в местном населении? Я предпочитала рассматривать самый сложный вариант.

Первой моей покупкой стали дамские украшения. Красивые и дорогие. То, что я смогу надеть на себя. Их можно продать, не вызывая подозрений странными золотыми монетами. Колье, браслеты, броши.

Серьги я надевать не стану – рискованно. Разумеется, все они были новодел. Красивый, искусно выполненный, но без капли магии. Сагир Зорт обещал выделить некоторое количество артефактов, а эти побрякушки – просто на продажу.

Надо сказать, что после моего объяснения, что и как нужно сделать с моей точки зрения, он стал ко мне относиться несколько внимательнее. Хотя, возможно, мне просто показалось.

Нитки и иголки. Несколько комплектов нижнего белья мне и Ольгерду. Хорошие удобные костюмы из непромокаемой теплой ткани, той, что выпускали до закрытия портала.

Портнихе я принесла свой и попросила сшить точную копию. С Ольгерда сняли мерки и шуплая дамочка, что принимала заказ, поклялась Силой, что через три дня все будет готово:

- Прекрасная санги, я усажу за шитье всю мастерскую! Не переживайте, я лично раскрою ткани. Все же я не зря считаюсь лучшей портнихой Анрино! – несколько горделиво заявила она.

Я улыбнулась и согласно кивнула, заверяя ронсу, что не сомневаюсь в ее умениях. На самом деле, «лучших» портних мне называли аж четырех. У этой ронсы, на мой взгляд, было одно преимущество перед другими – она частенько шила походную одежду для военных и моряков. Нет, конечно, она умела прекрасно шить и парадные мундиры, именно манекены с раззолоченными мундирами и стояли в её витрине, но толково сшить походный костюм – дорогого стоит.

Конечно, пока мы будем идти группой, нет нужды сильно экономить. Поэтому, заодно уже, я закупала и провизию на всю группу, но все это мы бросим в момент перехода. На нас останется только одежда и небольшие рюкзаки. Для них нужна ткань, пряжки, шнуры и удобные лямки.

Обувь – отдельная тема. Я перемеряла сама не один десяток пар сапог и заставила Ольгерда сделать то же самое. Каждая мелочь может стать критической.

Кстати, Ольгерд сказал, что пойдет в бой в доспехах – слабо представляю, сможем ли мы зацепить на доспехи рюкзак. Надо будет обязательно проверить заранее. И, кстати уж...

- Ольгерд, мне бы тоже нужно оружие. Нет, я понимаю, что с мечом не управлюсь, но и с голыми руками лезть – так себе решение.

Кто знает, что и как сложится.

- Хорошо, вернемся в дом – подберем то, что тебе пригодится. Там есть оружейная, хоть и не самая роскошная.

Некоторое количество еды, да не простой, а той, что не поддается порче – вяленое мясо, сырокопченая колбаса, сухари, сухофрукты и прочее – все это может пригодиться и спасти нас от голода на Мёртвых землях. По рассказам Ольгерда я знала, что на этих землях нет даже травы – все на три-четыре дня пути уничтожила Тьма. И никто не знает, что сейчас делается с другой стороны портала.

Это все нужно было не только купить, но и сшить рюкзаки, и тщательно уложить, и проверить, не будут ли вещи мешать нам.

Идти с пустыми руками, чтобы там сгинуть от голода и жажды я не собираюсь, но и тащить огромный груз, который нас запросто сможет погубить в бою – так же нельзя!

Глава 20

До полной луны оставалось всего восемь дней.

Собрались уже все члены нашего отряда. Из столицы доставили доспехи Ольгерда. Я с удивлением смотрела на груды черного металла, на тщательно отполированные и заделанные пробоины, на странную рунную вязь на латных перчатках, забрале и поножах. От доспехов отчетливо несло Силой с отголосками Тьмы.

- Ольгерд, почему от доспехов идет такое странное эхо?

Ольгерд криво ухмыльнулся:

- За эти доспехи отдали жизнь четверо не самых слабых магов. Отец закалял их в крови нечисти, зато и пробить их порождениям Тьмы намного сложнее.

- Ты знаешь, я до сих пор не видела рыцаря в полном облачении. Мне слабо верится, что ты сможешь легко двигаться в такой груды металла.

Стоящий рядом герд Ольф и прибывшие братья-близнецы герды Кэй и Нилс переглянулись и слегка насмешливо заулыбались. Герд Ольф хлопнул Ольгерда по плечу и спросил:

- Не хочешь попробовать, Ольгерд? Давно не примерял...

А солнечно-рыжий герд Кэй сделал странное. Он опустился перед Ольгердом на одно колено и сказал:

- Сангир Ольгерд, снова стать вашим оруженосцем-большая честь для меня.

- Встань Кэй, сейчас мы идем в бой на равных, но, если ты мне поможешь, я буду благодарен.

Разговор происходил в подвале дома, в огромном тренировочном зале. Я с интересом наблюдала, как отдельные части доспехов занимают свое место на теле Ольгерда, крепясь разномастными ремешками, завязками и клепками.

Процесс был достаточно длительным, но, когда Ольгерд с легким щелчком опустил забрало, и передо мной оказался металлический монумент, я с большим удовольствием пронаблюдала, как он выхватив свой черный гибкий меч, похожий и металлом, и магическим эхом на

доспехи, легко, словно балерина, проделал несколько выпадов, как будто бился с тенью.

Раньше мне казалось, что доспехи должны дребезжать при ходьбе, но то ли дело в магии, то ли в искусстве кузнеца, но Ольгерд двигался совершенно бесшумно.

Он застыл в конце зала вороненой глыбой, доспехи матово отсвечивали в ярких лучах светляков. Подойдя чуть ближе, я попросила разрешения рассмотреть его получше. Из-под забрала раздалось привычное хмыканье.

- Ну, смотри, можешь даже потрогать. – Я уловила в глуховато звучащем голосе усмешку. Протянула руку, провела пальцами по выпуклым узорам рун, почувствовала странный зуд, похожий по ощущениям на действие электрического тока. Обошла терпеливо ждущего Ольгерда по кругу, осмотрела спину, прикинула ширину плеч и спросила:

- Ольгерд, если одеть на тебя рюкзак, не собьет ли это магию рун?

- Нет, я уже работал с артефактами в этих доспехах.

Вечером нас с Ольгердом ждал портал.

Портал я видела первый раз. И, разумеется, мне было любопытно, но ни каких особых ощущений я не получила.

Сангир Зорт проводил нас за город на достаточно большую, вымощенную серым камнем площадку. Площадка была обнесена невысоким забором и охранялась несколькими солдатами с узкими зелеными полосками на груди форменных мундиров. Я уже знала, что зеленый цвет - цвет лучников.

Сам портал больше всего был похож на достаточно высокую двойную арку, внешний контур, которой горел ярким голубоватым неоновым светом, а внутренний тускло мерцал розовым.

Я с сомнением посмотрела на непривычную конструкцию, меня смутил тусклый свет внутренней дуги, и спросила:

- Сангир Зорт, а если портал зарядился недостаточно, что с нами будет?

- Ничего. - чуть удивленно вскинул брови сангир- он просто не работает.

Сангир сердечно попрощался с Ольгердом, крепко обняв его и похлопав по плечу. Затем взял мою руку в свои крупные сухие ладони, немного подержал и слегка пожал на прощание пальцы.

Ольгерд придержал меня за плечо, и мы вошли в ярко вспыхнувший розовый свет. На миг заслезились глаза...

Когда я проморгалась, то увидела, что мы стоим в центре точно такой же, только потухшей арки, однако местность вокруг изменилась.

Ольберг сильно отличался от Анрино. Это был крошечный городок-последнее место обитание людей перед мертвыми землями. Я бы даже сказала, что это не город, а большой поселок. Располагался он гораздо южнее, чем Анрино. Здесь уже полностью стоял снег, набухли почки на деревьях и местами пробивалась робкая травка.

У портала нас встретил слегка прихрамывающий, немногословный мужчина, который представился гердом Эрсом. Именно он был мэром этого городка, и ждать остальных членов команды мы должны были в его доме.

Надо сказать, что этот дом вовсе не блистал ветхой роскошью, как тот, в котором нас принимал сангир Зорт. Это была настоящая мужская берлога - чистая, аккуратная и по-мужски скучная. Никакой резьбы на мебели, никаких потертых ковров, облезшей позолоты или бывших когда-то роскошными штор. Все просто, чуть тяжеловесно и практично.

Из прислуги присутствовала только плотная, молчаливая кухарка и ординарец герда Эрса по имени Пэнс.

Мне показалось, что мое присутствии в холостяцком доме несколько напрягло почтенного герда.

- Санги Алуна, я не знал, что в команде будет женщина. К сожалению, предупредили меня только сегодня. Завтра вам будет предоставлена горничная, а сегодня придется обойтись с помощью Нуны.

Кухарка чуть неловко поклонилась, несколько недовольная, как мне показалось, новыми обязанностями.

- Герд Эрс, благодарю за заботу, прошу не волноваться. Я вполне справлюсь сама.

Нуна так облегченно вздохнула, что я невольно улыбнулась ей. Очевидно, забот с хозяйством герда Эрса кухарке хватало и так. Кажется, мой ответ понравился и герду.

До полной луны оставалось еще шесть дней. Багаж был собран. Нам нужно было только дожждаться всю команду. Герд Эрс, похоже испытывая неловкость от того, что ему нечем занять гостей,

предложил прогуляться до границы с Мертвыми землями. Просто посмотреть, куда нам предстоит идти.

Ольгерд равнодушно отказался:

- Чего я там не видел...

Пэнс подогнал к дому маленькую коляску всего на двух человек. Как ни странно, на козлы сел сам хозяин. Вопросов я не задавала, ему лучше знать, как делать. Пэнс закрыл за нами ворота.

Мы ехали по узкой мощеной улочке, и я удивлялась, как сильно отличается архитектура Анрино от того, что я вижу здесь. Небольшие дома из массивных каменных блоков с узкими окнами-бойницами, с дверями, укрепленными поперечными металлическими балками и такими же надежными ставнями, сейчас, впрочем, открытыми.

Пожалуй, только теперь я заметила, что также отличаются и люди, которых я вижу. До этого я слишком мало пробыла на улице - сразу от портала, в коляске с поднятым от слабого дождичка верхом, нас перевезли в дом.

Все женщины были в сопровождении мужчин. И если женщины смотрелись, в общем-то, почти обычно, то глядя на их спутников, я понимала, это - военные. Многих из них отличали старые шрамы, ожоги, у одного из прохожих пустой рукав был заправлен за ремень.

Главное отличие от беззаботных жителей Анрино было в том, что абсолютно все мужчины и даже две женщины были вооружены. Особенно бросился в глаза пожилой сангир в аккуратной воинской форме, уже без знаков различия, тяжело опирающийся на массивную трость, но имеющий на широкой кожаной перевязи меч и не маленький кинжал в ножнах.

Это город бывших военных, тех, кто не верит в полное исчезновение Тьмы и готов к нападению в любую минуту. И, хотя за последние годы не было ни одного нападения, они слишком хорошо помнят, что такое Тьма.

Мы проехали маленький рыночек, находящийся в центре городка, короткую улочку с десятком лавок и, по не слишком широкой дороге, двинулись в сторону запада. По обе стороны дороги тянулся невысокий, молодой лесок. Слышалось далекое теньканье птиц, обочина уже была опущена первой зеленой травкой.

Солнце било мне в спину.

Стук копыт коня я услышала, когда мы отъехали от города уже около полукилометра, оглянувшись, прикрывая лицо рукой, как козырьком. Свет так ослепил глаза, что я с трудом различила только черный силуэт догоняющего нас всадника.

По каким-то неуловимым приметам я поняла, что нас догоняет Ольгерд. Сангир Эрс, оглянувшись, слегка придержал коней. Ольгерд поравнялся с коляской.

- Что-то случилось?

- Ничего особенного, просто я решил, что не стоит отпускать тебя одну.

Ольгерд не казался мне встревоженным или напряженным, поэтому волноваться заранее я не стала. Кроме того, скажу честно, мне было приятно его общество, да и привычный меч на поясе тоже успокаивал.

- Смотри, это начинается приграничная полоса.

Ольгерд похлопал по черной лоснящейся шее нервно фыркавшего коня. Лошадь что-то очень тревожило, однако Ольгерд удерживал поводья железной рукой.

Я оглянувшись и заметила, что среди молодых деревьев виднеются черные проплешины почти без растений. Это было похоже на выгоревшую во время пожара землю. Встала в коляске, придерживаясь руками за бортик и увидела, что черная мозаика пятен сливалась в одно целое. Проехав еще метров триста, сангир Эрс остановил коляску и Ольгерд, прыгнув с коня, помог мне выйти из коляски.

Метрах в десяти от дороги, на одном из последних кусков зелени, располагалось два небольших домика. Между ними находилась довольно высокая башенка, на смотровой площадке которой виднелись пара солдат. Оттуда уже спешил к нам военный в форме лучника. Что удивило меня, кроме формы при нем были и лук, и колчан со стрелами, а кроме того, к поясу крепилась короткая кривая сабля.

- Что-то случилось, сангир Эрс?

- Нет, Йонсен, ничего не случилось. Я привез санги Алуну и сангира Ольгерда посмотреть дорогу.

Как раз дорог-то перед собой я и не видела. Метрах в двадцати за домом выложенная камнем дорога и заканчивалась. Все остальное пространство напоминало собой дно высохшего моря. Редкие искалеченные стволы деревьев тянули черные корявые сучья в сторону

домиков. Казалось, что даже они представляют собой угрозу. С ветвей свисали длинные, влажно-поблескивающие нити то ли омерзительных тонких водорослей, то ли волос, то ли какой-то другой пакости. Все пространство, сколько мог охватить глаз, действительно было мертвым и выжженным.

По спине у меня пробежал холодок. Идти несколько дней по этим землям мне было откровенно страшно. Казалось, даже воздух над этой равниной должен быть ядовитым.

Ольгерд поддерживал меня за руку. Мы сошли с дороги на чуть похрустывающий под ногами черный песок, и я почувствовала странноватый, тревожащий запах.

Эта пустынная местность навевала жуть. Оттенки черного казались бесконечными. Местами сквозь мертвый тон земли прорывался бурый оттенок запекшейся крови, местами земля казалась присыпана пеплом или пылью гнойного, желто-зеленого цвета. Черно-фиолетовые и черно-ржавые пятна на почве порождали какую-то странную рябь в глазах. Чувство тревоги у меня усиливалось...

Пронзительный, режущий ухо звук медного рога даже не заставил меня вздрогнуть - подсознательно я ожидала этого. Ольгерд мгновенно выхватил из ножен меч. Раздались резкие, отрывистые команды сангира Эрса. Ольгерд, схватив за руку, тащил меня к домикам, когда снова навалилась знакомая тишина и в висок вонзился гвоздь...

В полной тишине я видела, как из домика и башни выскакивают на встречу нам солдаты. Их было совсем не много. Как рвет горло одному из них, взявшаяся непонятно откуда, мерзкая тварь, похожая на помесь шакала и слизняка, только пасти у нее было целых три.

К Ольгерду медленно плыло по воздуху воплощение Тьмы, вытягивая в его сторону черные, полупрозрачные щупальца, которые уплотнялись прямо на глазах. В нескольких метрах от нас Тьма уронила очередной сгусток черноты, и он начал приобретать очертания зубастой твари. Она все еще просвечивала, когда в нее, с секундным промежутком, впились две стрелы, пущенные лучником с башни. Тварь растеклась маслянисто взблескивающей лужей.

Помогло это мало - вокруг нас с Ольгердом, скалясь и вывалив черные языки, роняя с них на выгоревшую землю хлопья грязно-пепельной слизи, сдвигая нас ближе друг к другу, бесилось уже около десятка этих порождений тьмы. Они отрезали нас от герда Эрса и

солдат, но пока непересекали какой-то невидимый барьер. Смрад от них стоял такой, что я побоялась, что меня вырвет, потому старалась дышать ртом.

Моя магия рвалась наружу...

Гвоздь в виске пульсировал все сильнее и сильнее...

Сила внутри меня всколыхнулась серебряной волной...

Внешний мир застыл как старая, выцветшая фотография, теряя краски. Я вытянула руки вперед и выпустила свою лунную силу на волю, выбирая из собственной души все, до последней капли.

Звуки ко мне так и не вернулись, а мир начал темнеть у меня в глазах, пока не схлопнулся в одну точку...

Глава 21

Очнулась я от холода и резкого притока Силы.

Не сразу поняла, где именно я нахожусь. Ласковая и прохладная Сила луны омывала каждую клеточку, наполняя здоровьем и энергией. Воздух, которым я дышала был чист и прохладен, ничем не напоминая тяжелый воздух Мертвых земель.

Открыла глаза, приподняла голову и поняла, что Ольгерд стоит где-то на улице и держит меня на руках, подставляя целительной магии лунного света. Неловко дернулась, испытывая смущение.

- Не торопись. - Ольгерд слегка тряхнул меня на руках. - Луна почти в зените, такой резкий прилив Силы может вызвать головокружение.

Я огляделась. Мы находились во дворе дома сангира Эрса.

- Отпусти меня, Ольгерд, мне лучше.

Он аккуратно поставил меня на землю, но не отпустил, продолжая придерживать за талию и плечи. Я осмотрела себя. Вместо моего платья на мне был огромный теплый мужской халат.

- Нуна не нашла у тебя в багаже ничего более подходящего, Лунка – чуть виновата сказал Ольгерд. Ты же сама отдала костюм швее, а одевать на тебя платье простой горожанки... Ну, это как-то неловко, да и не слишком удобно. А халат совершенно новый. Нуна только вчера принесла его сангиру Эрсу от портного. – Он немного помолчал, а потом проговорил: - Твоя сила выросла, Лунка.

Даже без его слов, я чувствовала это. Мне страшно было спросить, сколько людей погибло, но сделать это было необходимо. На мой тихий вопрос Ольгерд болезненно поморщился и сказал:

- Двое ушли, но, Лунка, если тебе лучше, может быть ты утром посмотришь раненных?

- Сколько?!

- Семеро, включая сангира Эрса. Сила Тьмы тоже выросла...

Я вздохнула – при нападении на обоз погибло только трое, и это были селяне и охранники, а не военные. А серьезно пострадал только один человек – Харт. Ольгерд прав - сила Тьмы растет. По-прежнему придерживая за плечи, Ольгерд повел меня к дому, говоря при этом:

- Там накрыт ужин. Ты поешь, отдохнешь и завтра примешься за лечение.

Я резко остановилась:

- Ольгерд, я полна Силы, а поесть я могу и позднее. Пусть даже люди без сознания, но все равно Тьма жрет их тела и души. Чем раньше я начну, тем меньше будут для них последствия! Прикажи вынести их сюда, прямо сейчас! Ты же должен понимать - пока луна в зените, я смогу вылечить всех.

Он только вздохнул, как-то неуверенно кивнул головой, соглашаясь со мной и повел меня к открытым дверям дома. В своих словах я не сомневалась. Совершенно не было страха, как тогда, когда я лечила Харта. Я точно знала, что справлюсь – в каждой клеточке тела бурлила Сила, я даже чувствовала легкое опьянение. Пожалуй, без сознания мне лучше не соваться под полную луну – я не смогу контролировать процесс насыщения.

Ольгерд усадил меня на крыльцо и вошел в дом. Через несколько минут засуетились люди, выносили из комнат и прямо на траву во дворе кидали тюфяки. Похоже, в доме сангира устроили что-то вроде лазарета. Вдвоем-втроем мужчины начали выносить раненных, стараясь делать это аккуратно, не тревожить и без того искалеченные тела. Тонкий аромат гнили и смерти плыл в серебристых лучах яркого лунного света. Я с ужасом смотрела на рваные раны. Сил мне хватит - луна щедра, но если учесть, что я единственный такой маг в этом мире...

Конечно, есть еще Ольгерд, похоже, какая-то искра магии в нем живет, но она не отзывается на силу луны. Может – спит, а может, считает, что она пока не нужна? Меня вовсе не грела мысль, что я единственная и неповторимая. Напротив, я с ужасом подумала, кто сможет помочь этим людям, когда мы уйдем через портал?

Хотя... Если в маги-ученые рассчитали все правильно – Тьма, потянувшись за нами, будет заперта между входом и выходом портала. А если они ошиблись?! Эти мысли я гнала прочь. Не от трусости или глупости. Просто потому, что понимала – другого варианта все равно нет. Не попробуем – не узнаем. Зато мир падет перед натиском Тьмы.

Лечение я закончила через пару часов, но не смотря на мощную силу луны, чувствовала себя уставшей и вымотанной. Ольгерд лично проследил, чтобы я не завалилась спать, а плотно поела. Стол был

накрыт щедро, хватило бы и троим, но я, в приступе дикого аппетита, уничтожила почти половину. После еды мне стало немного легче.

Ольгерд сидел рядом, подперев щеку, как добрая бабушка, и подкладывал мне на тарелку добавку. И слегка ворчал:

- Ты слишком мало знаешь о магии, Лунка. Магия отнюдь не всесильна. В теле каждого мага должен существовать баланс, такая точка равновесия, физической и магической силы. Конечно, маг в отличие от простеца, долгое время может поддерживать себя только магией и быть при этом и энергичным и бодрым, только этот способ вызывает привыкание.

- Я знаю, ронс Ингар рассказывал мне об этом.

- А раз знаешь, тогда не изводи себя так! Поела? Отправляйся-ка ты спать.

Ольгерд проводил меня в спальню, все так же придерживая за плечи и талию. В этом не было ничего интимного – так два бойца могли бы поддержать друг друга - к этому времени у меня слипались глаза. И хлопчущая Нуна помогла мне раздеться, приговаривая:

- Дай вам Сила счастья в жизни, санги Алуна.

Уснула я мгновенно, еще до того, как за Нуной закрылась дверь.

Сложно сказать, сколько я проспала, похоже, что весь день. Потому что, когда открыла глаза, за окном уже было темно. Я с удовольствием потянулась и решила поваляться еще немного. В конце концов не каждый раз у меня бывают такие нагрузки. Думаю, я вполне заслужила маленькую слабость.

Мысли мои непроизвольно крутились вокруг всей этой ситуацией с Тьмой. Меня немного пугало то, что после моего ухода лунных магов в этом мире не останется. Оставалось утешать себя только тем, что магия, как и природа, не терпит пустоты, и даже, если при закрытом портале обычная магия в этом мире однажды закончится полностью, то скорее всего на ее место придет магия луны.

Впрочем, если судить по тому, что маги все еще рождаются, хоть и слабые, свершится это не через одну сотню лет.

Мне жаль того лунного мага, который придет мне на смену в этом мире - каждый лунный приходит через боль и потрясение, но мир Орхидо вообще не имеет лунной магии, а так как именно такая магия является лучшей приманкой для Тьмы, так как именно на силу луны

Тьма рвется как голодный вампир на свежую кровь, наш с Ольгердом переход через портал заманит и навеки запрет Тьму в самом портале.

В данном случае, если рассуждать логически, портал между мирами являлся той самой, пресловутой, точкой равновесия и только там мы сможем запереть Тьму. Так считают маги-ученые этого мира. Мне остается только верить...

Я уже почти решила вставать, когда дверь чуть приоткрылась и заглянула Нуна. Заметив, что я не сплю, она заулыбалась и вплыла в дверь, торжественно неся на руках полный поднос еды:

- Сейчас вам обязательно подкрепится нужно, санги Алуна! Все знают – магам нужно хорошо кушать!

- Благодарю тебя за заботу, но у тебя, наверное, много дел в доме?

- О, санги Алуна, не волнуйтесь! Сегодня у меня помощников и помощниц столько, что я могу сесть, сложить ручки, прямо как настоящая санги и только раздавать указания!

Она так дружелюбно улыбалась, так старательно устанавливала мне на кровати поднос на невысоких ножках, что я не выдержала и тоже заулыбалась – просто по тому, что была молода, здорова и многое смогла сделать вчера ночь. Спасибо Силе, что ее был избыток.

Прошло еще четыре дня и все члены нашей команды собрались под крышей дома сангира Эрса.

Молчаливый Нилс, прибывший последним, передал мне, по поручению сангира Зорта, письмо от ронса Ингара, небольшую записку ронсы Верты и толстый конверт от дяди Ангуса и тети Римы.

Больше всего меня порадовало письмо ронса Ингара. Когда он вернулся и не обнаружил свою помощницу в замке, он долго искал меня и пытался понять, что могло пойти не так, почему я не оставила ему даже маленькой записки, они с ронсой Вертой беспокоились обо мне и волновались, не обидели ли они меня чем-то. Ронс Ингар писал: «...теперь, Луночка, и мне, и ронсе Верте, конечно, стало легче. Курьер из столицы ни каких пояснений толком не дал, сказал только, что у тебя все благополучно. Мы с Вертой надеемся, что когда-нибудь ты приедешь повидать нас. Дай тебе Сила здоровья и всего самого лучшего.»

Письмо дяди Ангуса и тети Римы, пусть и не слишком грамотное, но написанное с любовью и теплом, вызвало слезы у меня на глазах. Похоже, им курьер сказал немного больше, потому что они прощались

со мной насовсем. Также дядя Ангус писал, что решением какого-то высокопоставленного сангира, дом передан в полное владение моей мачехе, а им с Римой назначена пожизненная пенсия в размере ста серебряных тингов на каждого из них ежемесячно. Тетя Рима в письме называла меня доченькой и очень жалела, что я не смогла их навестить сама. А еще она писала, они взяли на воспитание двоих осиротевших малышей из Лесного. Мальчик шести лет по имени Брайт и новорожденная малышка, которую они называли Алуной в честь меня.

Вечер я потратила, читая и перечитывая письма людей, ставших мне близкими. Я понимала, что больше мы не увидимся никогда – все мои долги в этом мире были закрыты.

Ольгерд забрал мой нож, который мы выбрали в оружейной комнате сангира Зорта и наточил его до бритвенной остроты. Вряд ли я смогу им воспользоваться, хоть он и закален в крови нечисти, но идти в поход совсем без оружия мне казалось просто нелогичным.

В день, когда мы отправились в путь до границы мертвой земли нас сопровождал молчаливый эскорт из выживших солдат, нескольких жителей города и самого сангира Эrsa. Эта небольшая кучка людей осталась стоять на вымощенной камнем дороге, когда девять человек ступили на пески мертвых земель.

Первым шел герд Ольф, за ним рыжие близнецы Кэй и Нилс, следом я и Ольгерд, за нами (герд..., который прибыл с Ольфом), замыкали отряд два мастера сабельного боя герды Мартин и Хенрик и лучший лучник страны, как мне его представили, герд Янг – молодой, веселый, даже несколько болтливый юноша, чуть нескладный и мослатый. Зато по рассказам, он умудрялся всадив одну стрелу в цель, расщеплять ее на две половины следующей.

Шли мы хорошим, быстрым темпом. Каждые полтора-два часа делали небольшой привал и герд Ольф, единственный из магов-военных, у которых сохранился пространственный карман, наливал всем новую порцию травяного взвара во фляги. Сухой, какой-то наждачный воздух этой пустыни, обжигал горло, и смачивать его взваром приходилось каждые десять-пятнадцать минут – иначе просто невозможно становилось дышать. Пили мы прямо на ходу крошечными глотками, но все равно тело почти постоянно было покрыто испариной. Тепло шло не только от весеннего солнца, но и от черного горячего песка.

Когда я захотела в туалет, возник небольшой конфликт. Ольгерд наотрез отказался отпустить меня одну. Другие члены отряда сочувственно молчали. И сочувствовали они явно не мне, а Ольгерду. Пришлось смириться. Отойдя пару десятков метров к ближайшей скрюченной скале, мы зашли за уступ, отгородивший нас от отряда. Ольгерд повернулся ко мне спиной и сказал:

- Давай...

Я совершенно растерялась.

- Ольгерд, позволь мне отойти еще немного, хотя бы вот за тот скальный выступ. Я просто не могу так...

Ольгерд резко, так, что за спиной взметнулся защищающий от солнца плащ, развернулся ко мне, схватил за плечи, и глядя четко в глаза, сказал:

- Если хочешь, можешь делать свои дела прямо в одежду, мне наплевать, как от тебя будет пахнуть, но без присмотра ты не останешься ни на секунду. — он встряхнул меня как куклу и повторил. — ни на секунду, ты поняла меня?!

От смущения и злости на глазах у меня навернулись слезы. И пусть умом я понимала, что Ольгерд возможно прав, что-то бестолково-земное, вбитое поколениями предков, заставляло меня возражать:

- Ольгерд, я просто не могу так, как ты не понимаешь?!

Ольгерд также резко, как схватил, отпустил мои плечи, даже чуть оттолкнул от себя. И с каким-то совершенно равнодушным лицом, абсолютно безэмоционально сказал:

- Я думал, ты умнее. Санги Алуна, решайте, пожалуйста, быстрее, нас ждут люди.

Затем повернулся спиной и отошел ровно на два шага.

Я стояла растерянная, не зная, что делать. Но тут Ольгерд, не поворачиваясь ко мне произнес:

- На войне нет мужчин и женщин, есть только свои и чужие.

Умом понимая, что он прав, но испытывая дикое стеснение, я с трудом сделала свои дела, вытерлась заранее приготовленным лоскутом ткани и закидала все черным песком, напоминая себе жалкую, уличную собаку.

Мы вернулись к нашим спутникам, и еще пару часов я стыдливо прятала глаза, стараясь не встречаться ни с кем взглядами. Но я

прекрасно видела, что даже мужчины отходили по своим делам только вдвоем. И снова, и снова повторяла себе: «Терпи, Лунка, это ненадолго.»

На ночевку мы расположились вечером в небольшой ложине. По периметру ложины, замыкая круг, герд Мартин растянул красивую, шелковистую нить, связав ее забавным бантиком. На мой вопросительный взгляд пояснил:

- Охранная система. Если появится Тьма, она вспыхнет.

Спальные места в походе устраивали себе каждый сам. Я привычно расстелила одеяло рядом с пледом Ольгерда.

На крошечном костерке булькал котел с кашей, распространяя вкусный мясной запах. Каждый из этих мужчин, прошедший в боях и походах большую часть жизни, был и неприхотлив, и умел. Об этом можно было судить даже по крошечному костерку под котлом. Я прекрасно осознавала, что потратила бы на приготовление простой каши гораздо больше поленьев. Но поскольку пространственный карман герда Ольфа был не слишком велик, дровами и взваром нужно было распоряжаться очень разумно, меня до готовки просто не допустили.

Герд Ольф, бывший главным в этом переходе, разбил мужчин на пары для несения дежурства. Меня, к моему смущению, никто не собирался напрягать никакой работой. Дежурство Ольгерда выпало на предутренние часы. Потому, сразу после ужина, мы привычно устроились под общим одеялом.

- Ольгерд, прости меня за ...

Он повернулся ко мне, глянул в глаза и сказал:

- И ты меня прости, я был излишне резок.

Глава 22

На душе у меня потеплело. За это время, как ни странно, я привыкла доверять Ольгерду и где-то, на уровне подсознания, относила его к «своим». Больше «своих» у меня никого не было.

- Ольгерд, я все же слабо понимаю, что такое Тьма. Не мог бы ты мне рассказать о ней? Например, разумны ли порождения Тьмы?

- Сложно сказать, Лунка. Ученые маги до сих пор точно не знают, хотя, большая часть склоняется к тому, что у них что-то вроде коллективного разума.

- Коллективный разум?

- Ну да, вроде как у пчел или муравьев.

- Ольгерд, это мнение ученых, а что думаешь ты? Все-таки ты встречался и с самой Тьмой и ее порождениями.

- Мне кажется, Тьма и ее порождения не разумны и их действия продиктованы инстинктом, а не разумом.

- Почему ты так думаешь?

Ольгерд забавно фыркнул, протянул руку и слегка щелкнул меня по носу:

- А скажи мне, Лунка, разумна ли Сила? Разумна ли твоя магия?

- Конечно, нет. Это просто орудие, которым я пользуюсь. Да, безусловно, сильное и мощное орудие, вроде твоего меча, но не разумное само по себе, до тех пор, пока ей не пользуется человек.

- Вот! Также точно и Тьма. Пока ею никто не пользуется, она неразумна. Это просто некий конгломерат нежити и искаженной Силы, который появился тогда, когда ученые из начального мира перестали видеть границы. Именно для этого Тьма забирает души людей, стараясь стать самостоятельной единицей. Именно в этом для нас с тобой опасность - почему-то разум лунного мага наиболее соблазнителен для нее. Так что пусть я и бывший лунный, но через портал, запирает Тьму, мы пойдем вместе.

Я притихла, обдумывая его слова. И у меня невольно назрел вопрос:

- Ольгерд, получается, что, запечатывая портал, ты обменял свою силу на силу Тьмы?

- Не совсем так, Лунка. Скорее я уравнивал в себе магию Луны, свою природную магию Огня и магию Тьмы. Так что она, Тьма, была только одной третью находящихся во мне Сил. Я представлял собой некую точку равновесия.

- Подожди, если бы ты просто умер, Тьма бы освободилась?

- Э-э-э, нет. Когда ты, ну, например, завариваешь чай, ты кидаешь в кипяток траву и мед, и то, что ты наливаешь в свою чашку уже не является ни медом, ни водой, ни травой. Точно также и Тьма. Поняла? Возможно, в мир пришла бы еще одна неучтенная магия...

Я задумчиво покивала головой:

- Пожалуй, что поняла. Ольгерд, тогда получается, что раз Тьма покинула тебя, то и магия Огня и магия Луны тоже ушли полностью?

Пауза была долгой, такой долгой, что я думала, что Ольгерд не ответит.

- Никто точно не знает, Лунка, даже я сам. Ученые считают, что сейчас я просто ключ. Ключ к portalу.

Мне стало до слез жалко этого молодого еще мужчину, который потерял не только семью, замок, власть, но и полностью свое место в этом мире. И я шепотом спросила:

- Именно поэтому ты уходишь со мной через портал?

- Какая разница, почему? Ты должна точно знать одно - что бы не случилось, я буду защищать твою спину. И мы должны пройти портал вместе.

Конечно, это нельзя было считать полноценным ответом, но я больше не хотела мучить его разговорами и скоро уснула, слушая мерное дыхание Ольгерда.

Нападений не было, ночь прошла спокойно. Но я видела, как собраны войны, как немногословны и деловиты, как внимательны. Они почти не разговаривали, а понимали друг друга с полувзгляда. Сейчас наш отряд напоминал тот самый коллективный разум, про который говорил Ольгерд.

И утром, перекусив оставшейся от ужина кашей, горстью сухофруктов и холодным взваром, мы наполнили фляги и двинулись в путь. Второй день, так же, как и вторая ночь, ни чем не отличались от первых.

Утром герд Ольф перед выходом сказал только одну фразу:

- Сегодня последний день.

Пояснений никому не требовалось, даже мне, все прекрасно понимали, что сегодня третий – последний день, когда у Тьмы есть шанс остановить нас – вечером мы подойдем к порталу.

Из своих вещей мешков мужчины начали доставать части доспехов Ольгерда. Кэй быстро и ловко помогал ему застегивать бесконечные ремешки и заклепки. Все вещи, сложенные кучкой, остались ждать бойцов на привале. С собой мы брали только мой рюкзачок, который забрал герд Мартин и рюкзак Ольгерда, который нес молчун Хенрих. Остальные вещи, сложенные приметной кучкой, остались ожидать воинов – они понадобятся на обратном пути. Когда мы вышли в дорогу, забрало Ольгерд не опускало.

А я украдкой любовалась на эту легкодвигающуюся монументальную статую – доспехи были красивы и жутковаты одновременно. В таких доспехах, по моему мнению, могло ходить некое фантастическое божество войны.

Шли быстро, но, даже при полном отсутствии ветерка в этом мертвом воздухе, плюмаж Ольгерда красиво развевался при ходьбе. И я специально отставала на шаг, чтобы следить за игрой света на алых перьях.

Кроме того, я заметила еще одну странноватую вещь – все мы смотрелись в мертвых землях чужеродно, все, кроме Ольгерда. Было совершенно очевидно, что эти доспехи и Мертвые земли – части одного целого. Я напомнила себе, что и доспехи, и оружие закаляли в крови нечисти.

Этот день, пожалуй, был самым тяжелым. Черный песок жег сильнее, чем раньше, нещадно палило солнце, мы без конца прикладывались к флягам. Пожалуй, мне было легче всех – ночью луна восстановила мои силы, хоть и не так охотно, как в нормальных условиях. Однако и меня донимал запах невымытых тел, в том числе и моего собственного, без конца бегущий по лицу пот и вездесущий песок, который раздражающе скрипел на зубах.

Мы шли, шли и шли, пополняя фляги и этот день казался бесконечным...

Для нападения Тьма выбрала ровно тот момент, когда, обогнув очередные скалы, мы вышли к гигантской арке портала между мирами. Она выглядела совсем иначе, чем внутренние переходы между городами. Сложенная из массивных полированных блоков серого

цвета, шириной не меньше десяти-двенадцати метров и высотой метров пять, она казалась монументальной и построенной на века. Вот только внутренность ее была закрыта серой, непрозрачной пленкой, отблескивающей полированной сталью.

По прямой до нее оставалось метров двадцать, но все эти метры представляли собой шевелящуюся массу порождений Тьмы. В нос ударила волна смрада и я невольно поморщилась.

Из-за моего плеча посыпались стрелы - Янг первым вступил в бой. Станным образом твари не нападали, а раздвигались, освобождая нам пустой клин земли, как бы пропуская нас к portalу. В виске у меня привычно пульсировал гвоздь. Сила Луны трепыхалась, но пока не просилась на волю. В это черное, поблескивающее слизью, пахнущее тленом и разложением море мужчины входили, окружив меня плотным кольцом.

Мы прошли три метра... Пять метров... Семь...

Твари продолжали пятиться и раздвигаться, скалились, вспыхивали и оседали на землю серым пеплом, поймав стрелы Янга или Нилса, но не нападали. И это, пожалуй, было самым жутким.

Янг с фантастической скоростью продолжал посылать стрелы, почти не отставал от него Нилс, но твари все расступались перед нами, совершенно явно заманивая нас в центр этого губительного болота – ни одна из них так и не кинулась на нас, только смрад стал совсем уж невыносимым. Оружие в руках мужчин бездействовало – они словно чего-то ждали. Ольгерд резко приказал:

- Сейчас!

Круг мужчин еще плотнее сомкнулся вокруг меня и шагнувшего в центр Ольгерда. Схватив свой черный меч двумя руками, он упал на колени и вонзил его в песок по самую рукоятку.

Резко запахло озоном и от меча Ольгерда небольшими змейками по черному песку в сторону портала побежали молнии. Я оторопело смотрела, как меч пьет его Силу, ту самую Силу, которую я раньше просто не видела... Как огненные змейки сливаются в гигантскую ветвистую молнию, рвущуюся прямо к portalу. Как вспыхивают и осыпаются серым пеплом порождения Тьмы на пути молнии, как стальная пелена портала исчезает в неоновом свете вспыхнувшей внутри него яркой дуги света – переход был открыт.

Теперь арка выглядела совершенно иначе! Колыхалась прозрачная голубоватая пелена входа, но также четко я видела и вторую пелену - выхода. И сквозь нее, как мне показалось, просвечивали высокие силуэты деревьев. Расстояния между ними было невелико – казалось, два—три шага – но я поняла, что именно туда нужно заманить Тьму.

И в это время твари кинулись на нас...

Мне казалось, что оружие в руках мужчин растворилось. Ослабевший, чуть пошатывающийся под тяжестью доспехов Ольгерд, выдернул меч из песка и тоже вступил в бой, задвинув меня за свою спину. Его движения были тяжеловесны и даже, пожалуй, неуклюжи – он явно устал. Серебро Луны пульсировало во мне, но все еще не достигло пика...

Первым с развороченной грудной клеткой упал Янг, у Нилса закончились стрелы, но два черных кинжала в его руках продолжали свою работу. Герд Ольф рубил тварей с жутким хэканьем, не обращая внимания на множественные укусы и бегущую по одежде тонким ручейком кровь...

Мы продвинулись еще на два метра...

Мартин и Хенрих стояли спина к спине, почти по колено заваленные трупами, но твари рвались и рвались волнами, и поток их был нескончаем.

- Иди ко мне, дитя мое...

Голос был тих и ласков:

- Смотри, здесь твоя семья, здесь ты познаешь умиротворение, тепло и покой.

Неопрятным комом черных покрывал и щупалец Тьма стояла почти в центре входа в портал и оттуда ко мне, улыбаясь и маня, шла молодая, красивая женщина, поддерживая под руку чуть прихрамывающего статного мужчину. Ее серебряные волосы, казалось, отливали собственным светом. Мать Алуны действительно была молода и прекрасна. И что-то во мне шелохнулось –я неуверенно сделала шаг на встречу. Она улыбалась мне и все манила тонкими, изящными пальцами:

- Моя малышка, как ты выросла. Я скучаю без тебя, девочка моя!

Мужчина рядом с ней молча и ласково улыбался, раскинув руки, как будто хотел обнять меня. Я уже миновала кольцо воинов, но даже обезумевшие твари спешили убраться у меня из-под ног, освобождая

мне путь к свободе, к любви, к семье... Я почти дошла... Почти дошла, когда из глаз женщины, продолжавшей держать на лице нежную улыбку, на меня холодно и равнодушно глянула Тьма.

И я закричала от очередного предательства и обмана, раскинув руки в стороны, направив ладони на это гигантское море тварей, вкладывая в этот крик и всю силу Луны и всю свою ненависть ко лжи и равнодушию. Мне казалось, что мой крик длится бесконечно, а вокруг полыхало серебряное море огня, обращая в прах тварей, темные сути родителей Алуны и саму Тьму.

Очнулась я полной пустышкой. Спокойно и равнодушно с неба на меня смотрела луна. Было холодно, очень холодно – тепло черных песков пропало. Изменился даже воздух, в нем больше не чувствовалось наждачной сухости и мертвечины, он стал живым, и, хотя четко ощущался неприятный запах гари, но его медленно сносило слабыми дуновениями ветерка. В тот момент я подумала, что эти земли еще могут ожить. Как ни странно, слабость была не такой сильной, как всегда - я села и закашлялась от взметнувшегося пепла.

В нескольких метрах от меня мягко светился портал. Встать сразу я не смогла – голова кружилась, поэтому прямо на четвереньках поползла в сторону лежащих тел.

Мертвы были все. И могучий Ольф, и еще утром рыжие, а теперь седые Кэй и Нилс... Все остальные тела были так растерзаны, что сомнений в их смерти не было, но я набралась сил, встала и дотронулась до каждого. Равнодушный холод их тел подтверждал самые тяжелые мысли. Слез не было, только какое-то тупое оцепенение...

С трудом просунув руку под треснувший шлем Ольгерда, я попыталась стянуть его. Возможно, у меня бы не хватило сил, но шлем просто рассыпался в руках ржавой пылью. Дотронувшись до щеки, с так хорошо знакомым мне тонким шрамом, я почувствовала ледяный холод мертвого тела. Помочь я ему больше не могла – левая латная рукавица отсутствовала, так же, как и часть доспехов на предплечье и на изгрызенной конечности, вокруг омерзительных ран расплылись уже знакомые мне черные пятна.

У меня не хватало сил даже достойно похоронить людей, отдавших жизнь, пусть даже не за меня, а за свой мир, но немного отдышавшись, обламывая ногти, кашляя и задыхаясь от бесконечно

кружащегося пепла, растирая по лицу слезы и пот, я, с каким-то диким упорством, стащила тела в небольшую выемку.

Каждому в руки я вложила его меч или лук и укрыла их самыми уцелевшими плащами, что еще недавно защищали нас от жары, а теперь, может быть, немного согреют их... Бросив на них последний взгляд, рукавом размазала по лицу остатки слез и прошептала:

- Спите спокойно, Братья... Пусть Сила примет вас.

Сделав несколько шагов к арке, я остановилась. Ольгерд выплеснулся до дна, но кто знает, не осталось ли каких-то крох или искр, которых я просто не вижу? Я руками и рукояткой ножа стала выковыривать его из доспехов. Они кололись, как яичная скорлупа. Как ни странно, самым целым был грудной панцирь, он не проржавел и мне пришлось разрезать кожаные ремни, чтобы снять его. Отшвырнув железку в сторону, я продолжила свое занятие.

Лицо зудело под трескающейся коркой грязи. Оставить его я не могла, есть ли в этом необходимость - не знала, но раз Ольгерд говорил, что мы должны пройти портал вместе, значит я его не брошу. Посидела с ним рядом, держа за холодную, вялую руку, допила взвар, оставшийся на дне фляги, еще немного посидела и выдохнув, встала. Пусть ноги трясутся, но нам нужно идти. Луна уже исчезала, похоже, скоро придет рассвет.

Какое-то странное ощущение тянуло меня к portalу. Это не был зов Тьмы, но какие-то отголоски темного я улавливала. Идти не собиралась, но учла, что впереди есть еще какая-то гадость.

Расстелив обрывки плаща Ольгерда, я кинула на одно плечо свой и его рюкзак, благо они были не велики, с трудом перекатила вялое, неподвижное тело на плащ, встала спиной к portalу и, упираясь обеими ногами в землю, рывками потащила его к арке. Не знаю, сколько времени занял путь, мне казалось, что вечность.

Прямо на границе, когда я уже могла дотронуться до делящей мир пелены, я увидела то, что звало меня к portalу – сердце Тьмы. Больше всего это походило на гигантское человеческое сердце, с торчащими из него обрезанными трубками кровеносных сосудов. Оно пульсировало так слабо и так неотчетливо, что во мне проснулась жалость. Однако я резко одернула себя, вспоминая отца и мать Алуны. Беспомощно огляделась, брать это голыми руками я не хотела. Вздохнула, бросила край плаща и вернулась за нагрудным панцирем черных доспехов.

Взяв его двумя руками, как тазик, я вычерпнула это сердце из ямки, и вместе с куском панциря бросила это сквозь входную пелену. Повернувшись, подхватила край плаща с лежащим на нем Ольгердом и, пыхтя, спиной втянула в портал.

Здесь стоял какой-то сумеречный свет, бравшийся непонятно откуда. Ровно в центре портала, между двумя пеленами проходов, пульсировало, слабо светясь, сердце Тьмы.

Выдернув из ножен черный кинжал, которым я так ни разу и не воспользовалась, встала на колени, занесла его над сердцем, которое вздрагивало все жалобнее, вспомнила искалеченные, изгрызенные тела друзей, вспомнила отливающие черным глянцем и смертью глаза матери Алуны, вспомнила даже плачущую вдову из обоза, которая хоронила мужа и с криком: «Сдохни же, тварь!», двумя руками вонзила кинжал в этот кусок плоти.

Не грянул гром, не заблистали молнии, зато пленка, отделяющая нас с Ольгердом от его мира, мгновенно стала непрозрачной, а та, куда мы должны были пройти, начала мутнеть по краям. Времени предаваться раздумьям у меня не было. Шустро схватив плащ с Ольгердом, я проволокла его оставшиеся несколько метров до входа, спиной пробила пленку выхода и, с последним моим рывком, мы оба, кубарем, покатались в новый мир.

Глава 23

Склон был невысок, но похоже, я таки неудачно треснулась головой, потому что очнулась в траве спустя какое-то время. С трудом подтянув ноги, села лицом к закрытому portalу. Подождала мгновение, пока перестанет кружиться голова и огляделась. Ни чего похожего на Мертвые земли.

По ощущениям – середина или конец весны. Солнце клонилось к закату, а в нескольких метрах от меня слабо застонал Ольгерд. Я вскочила и от резкого движения, не удержавшись на ногах, болезненно шлепнулась на пятую точку.

- Тихо, успокойся... - сиплым голосом сказала я себе.

Однако мысль, что Ольгерд жив и ему больно, заставляла меня шевелиться. На четвереньках, не рискуя больше встать, я поползла к нему, с каждой секундой чувствуя себя лучше. А нежная зеленая травка под моими ладонями превращалась в высохшие, желтые проплешины – природная магия пробудилась, хоть и была слаба.

Ольгерд был жив. Пусть бледен, грязен, с губами, вокруг которых собралась нездоровая синева, но совершенно точно – жив. Но больше всего меня порадовало то, что вокруг той омерзительной рваной раны на предплечье не было ни одного, даже крошечного, пятнышка Тьмы. Только лохмотья кожи, кровь и грязь.

Прежде, чем лечить эту рану, ее нужно было промыть. Я вспомнила слова герда Зорта, помогающего укладывать мой рюкзак:

- Вещь хоть и старая, санги Алуна, и примитивная, но достаточно мощная. Главное – не забудьте подставить посудину – работает она не слишком долго.

Я судорожно вскочила и принялась глазами искать рюкзаки. Один из них зацепился за ветки куста на склоне, второй я с трудом нашла через несколько минут поисков в высокой траве, возле места, где я упала.

Распустив шнуровку, я не стала обременять себя поисками, а просто вытряхнула на траву то, что содержала в себе моя сумка. Даже не колеблясь, схватила маленький атласный мешочек пространственного кармана и разорвала шелковую нитку,

скрепляющую края. Пусть он и одноразовый и таких, как утверждал герд Зорт, на все государство осталось меньше десятка, но нам выделили два и свой я забила по полной.

Яркая вспышка испугала меня своей неожиданностью, а когда я проморгалась, передо мной на траве лежал обгорелый кусочек ткани, который раньше был этим самым мешочком, стояли вложенные один в один три котелка и еще небольшая кучка различной походной посуды, включая кружки, миски и пару хороших кухонных ножей.

Расставив все котелки в ряд, я присоединила к ним кружки и миски. Задрала обгорелый рукав, обнажая запястье и широкий гладкий браслет, что был украшен одним единственным голубым камнем. Вот на него-то я и нажала так, как учил меня герд Зорт – слева направо и вдавить до конца – струя воды из браслета хлынула, заполняя все емкости. В последнюю миску вода уже капала, а минусом было то, что следующую порцию я смогу получить не раньше, чем через сутки.

Я жадно схватила одну из кружек и выпила залпом. Вторую, аккуратно приподняв голову Ольгерда, попыталась спить ему. Вода мутными ручейками стекала по грязному лицу и упрямо сжатым губам, и мне пришлось, надавив, раздвинуть ему рот ложкой.

Сложно сказать, пил он или нет. Я не видела, чтобы двигался кадык, но я все же аккуратно влила несколько ложечек в темную щель рта. Он не закашлялся и слабое дыхание не изменилось – наверно, я делала все правильно.

Целая миска воды мне понадобилась на то, чтобы, взяв кусок мыла, вернуть своим рукам нормальный цвет. На лицо я решила пока не тратить. Прихватив один из лоскутов чистой ткани, принялась промывать рану – мне не нравилось то, что Ольгерд не приходил в себя.

Даже в том мире я была слабеньким магом, а сейчас моей силы едва-едва хватило на то, чтобы поправить свое здоровье. Искорка природной магии, которую я чувствовала вновь пробудившейся, была гораздо слабее, чем раньше. Справлюсь ли я с такой раной? Мне было страшно.

Даже промытой она выглядела ужасно – разорванные мышцы, белеющая в красном месиве кость и лохматые, какие-то иззубренные края. Заревев от жалости, я вытащила из груды ложек-вилок-ножей большие ножницы и, аккуратно оттягивая пальцами, принялась срезать

висящую на тонких ниточках разодранную кожу. Плеснула водой еще раз, с трудом разогнула затекшие ноги и, прихрамывая, прошла несколько метров к молодому деревцу. Обхватила ладонями тонкий, сантиметра три - четыре в диаметре ствол, закрыла глаза и принялась пить Силу, стараясь не обжираться. Оторвалась я вовремя.

Я не слишком понимала, поможет ли это, но лечить такие раны я просто не умела. Да и ни какие раны лечить я не умела. Поэтому попробовать свою Силу казалось мне единственно возможным вариантом.

Встала на колени в мокрую траву, закрыла глаза, и, положив руки на края, попыталась тонкой струйкой влить Силу. Получалось плохо, я это чувствовала. Когда Силы осталось около половины, я открыла глаза и поняла, что рана срослась меньше, чем на четверть. Щедро вливая остальную часть магии, я наблюдала, как неохотно, медленно и непрочно соединяются края.

Не доводя себя до магического истощения, прошла к следующему дереву. И снова – знакомое насыщение Силой – и еще один сухой, высосанный до дна ствол.

Когда я увидела рану Ольгерда, я просто заревела от беспомощности – за те минуты, что я ходила «кормится», она приняла прежний вид. Немного подумав, решила попробовать другой вариант. Взяла грязную портянку его плаща, валявшуюся на склоне, перекатила тело на нее и привычно, вцепившись двумя руками в воротник, изо всех сил упираясь и дергая, поволокла его по траве к ближайшему взрослому дереву.

Чуть отдышалась, кухонным ножом зачистила от коры кусок ствола размером с ладонь. Левую руку положила на влажный, сочащийся соком участок, а правой – захватила края раны и попыталась срастить их льющейся Силой.

Я не сразу поняла, что идет не так. Прекрасно ощущала поток магии, идущей через меня, но до тех пор, пока дерево не уронило мне на голову несколько сухих листьев, я внимательно смотрела рану на Ольгерда и совершенно не замечала, какой мощной и плотной стеной выросла кругом трава.

Задрав голову вверх, увидела пожухлую, облетающую листву, а опустив глаза – Ольгерда, с той же самой открытой раной, тонущего в

высоченной траве. В этот раз Сила даже не задержалась в его теле, напрямую сливаясь в бессмысленный рост окрестной зелени.

Ольгерд не приходил в себя и мне становилось страшно. Я не могла позволить ему погибнуть столь нелепо, даже не в бою, а просто от неумелого врачевания.

Мир от меня скрывался за пеленой слез, но я, резко и зло ущипнув себя за руку, сказала: «Успокойся, истеричка, просто подумай, первый раз ты смогла срастить рану на четверть, второй раз не помог вообще. О чем это говорит? Это говорит о том, что прямая, не переработанная магия Ольгерду просто не поможет!»

Я чуть раздвинула траву, в которой тонул Ольгерд, посмотрела на синеющие губы и, резко встав, пошла «допивать» дерево. Я выбрала из него все соки, всю мощь и всю жизнь. Немного подумав, «закусила» двумя молодыми деревцами и совершенно пьяная от Силы, глупо хихикая, потому что мир казался прекрасным и беспроблемным, почти захлебнувшаяся, вернулась к Ольгерду.

В этот раз я глаз не закрывала. Положив обе руки вдоль краев раны и плотно сведя их, я начала лить тонкий ручеек переработанной Силы. Медленно и неохотно рана срасталась. Вот в тонкие шрамики срослись начало и конец разрыва, вот розовая кожа кривых рубцов с двух сторон медленно двинулась к центру...

Моих сил оставалось меньше половины, а рана была закрыта, дай Бог, на четверть. Но понимая, что или так, или - он умрет, я лила и лила магию, не испугавшись привычной уже темноты в глазах, выскребая, выдавливая из себя последние крохи и искры Силы. А потом мир привычно схлопнулся...

Очнулась я ночью. На маленьком костерке доваривался суп или каша. Желудок болезненно скрутило, и он напомнил мне о том, что я голодна, жалобным урчанием.

- Очнулась? Ну и хорошо. Полежи, сейчас я буду тебя кормить.

Голос раздавался откуда-то из-за головы. Видеть Ольгерда я не могла, но то, что он пришел в себя уже сообразила. Облегчение нахлынуло волной и закружило голову. Слабость была почти такой же сильной, как при моем первом пробуждении в чужом мире.

Ольгерд что-то делал у костра, загораживая от меня широкой спиной. Потом пропав из поля зрения, вынырнул с другой стороны, держа в руках обрывки своего многострадального плаща. Их он,

свернув подобием валика, сунул мне под голову. Потом улыбнулся и сказал:

- Ты просто не представляешь, какая ты чумазая! - И тихонько добавил: – И красивая...

Мне стало тепло, приятно и неловко – раньше в наших отношениях не было ничего столь интимного, как эти слова Ольгерда.

Снова отошел и вернулся уже с тарелкой одуряюще пахнущей каши.

- Открывай рот! – скомандовал он и принялся дуть в ложку.

Сопротивляться было бы глупо – руки я все равно толком поднять не могла - они тряслись от слабости. Каша была наваристой, с мягкими, распадающимися волокнами мяса и безумно вкусная. Мне казалось, что я никогда не наемся. Однако ближе к концу миски, глаза у меня начали слипаться. Сквозь сон я чувствовала, как Ольгерд плотнее закутывает меня в какой-то плед.

Второй раз я проснулась на рассвете. Поблескивали капли росы на траве и было довольно прохладно. Недалеко от нас заполошно чирикала какая-то птица. Свернувшись клубком рядом спал Ольгерд. Я перекинула на него свой плед, медленно перевернулась на живот и поползла к котелку – я ужасно хотела есть.

Запустив ложку в застывшее месиво, я кинула в рот плотный комок каши и, захлебываясь, начала его жевать, испытывая невероятное счастье, когда чуть хрипловатый со сна голос сказал:

- А просто сказать, что хочешь есть, ты не могла?

Подхватив подмышки, и подтащив меня к небольшому кустику так, чтобы я могла опираться о него спиной, дал в руки бутерброд из хлеба и остатков сыра и занялся костром. Очень скоро в руках у меня дымилась тарелка разогретой каши, а Ольгерд пристраивал к костру второй котелок.

- Сейчас чайку попьем, и ты еще отдохнешь.

Спать мне уже не хотелось, но слабой я была как месячный котенок – ноги тряслись и не хотели меня держать. Ольгерд отнес меня на руках метров на двадцать от стоянки, поставил у густого кустарника и сказал:

- Пока ты спала, я немножко посмотрел окрестности. Здесь достаточно безопасно, это совершенно обычный лес – только очень

молодой. Поэтому ты можешь остаться одна, а потом просто крикнешь меня.

Это было очень кстати – в туалет я хотела уже давно.

Ольгерд ушел, а я, за несколько дней похода, почти смирившаяся с тем, что я не девушка, а просто боевая единица, почувствовала смущение и странную благодарность к нему – в отличие от меня, он-то как раз помнил о том, что я слабже и, как мог, пусть и не всегда деликатно, оберегал меня.

Когда он донес меня к костру, то сделал совершенно потрясающее заявление:

- Здесь рядом, совсем недалеко, есть небольшой чистый ручеек и маленькая заводь. Если хочешь, мы можем перебраться туда, и я помогу тебе вымыться.

Я чуть не заплакала от умиления. В этом чистом весеннем лесу я отчетливо ощущала вонь от наших тел, в которой смешивались застарелые запахи пота, грязи и гари. Сейчас я понимала, почему Ольгерд не разбил на ночь палатку – мы бы просто задохнулись от собственных запахов.

Но получается, что я зря воспользовалась магическим артефактом?! Конечно, он многоразовый, но старый, кто знает, сколько еще раз может понадобиться вода в критической ситуации?!

Успокоила свою «жабу» тем, что он выдал литров десять-пятнадцать, значит, кончится еще не скоро, а искать воду мне было просто некогда.

Я осталась лежать, а Ольгерд занялся переноской лагеря и обустройством его на новом месте. Сама не знаю как, но снова задремала.

Пробыли мы у заводи еще четыре ночи. Одноразовый пространственный карман Ольгерда содержал достаточно удобную непромокаемую палатку и пару туго свернутых одеял. Так что расположились мы с комфортом. Силы мои пусть и медленно, но восстанавливались. Однако, ни капли магии не осталось ни у него, ни у меня – мы оба стали простецами. Местная луна была совершенно равнодушна к нам.

На пятый день, с утра мы выдвинулись в путь. Теперь у каждого за спиной висел довольно тяжелый вещмешок с кучей барахла. В дороге мы мало разговаривали, потому что все, что нам нужно мы обсудили раньше и дружно пришли к выводу, что молодой лес у

портала вырос на месте мертвых земель. Это значит, что в этом мире Тьма пропала тогда, когда Ольгерд запечатал портал. Это давала надежду, что через восемь – десять лет Мертвые земли того мира также превратятся в молодой лес.

В дороге мы молчали еще и потому, что нам обоим было не слишком понятно, что делать дальше – выходить к людям или прятаться от них? Спорили долго, приводя доводы за и против, но так ничего и не решили. Единственное, до чего мы смогли договориться, что действовать будем по обстоятельствам.

А пока мы шли по молодому лесу, где самые высокие деревья были не более трех-четырех метров высотой, где практически не было тропинок, залежей мертвых деревьев и чащ. Зато нас радовали частые ручьи с кристально чистой водой, сумасшедший перезвон птичьих голосов и следы животных, на которые указывал мне Ольгерд. Не смотря на отсутствие тропинок, идти было достаточно легко – путь пролегал вниз по очень пологой горе.

У нас заканчивались продукты и во время привала Ольгерд, ненадолго оставив меня одну, ушел, как от сказал – побродить. Вернулся скоро, неся в руке крупную тушку какой-то пестрой птицы. И извиняющимся тоном сказал:

- Я не мог взять самку, сейчас весна, они сидят на яйцах. А самец, он, конечно, суховат, но все же вполне съедобен.

Судя по перепончатым лапам и мощному оранжевому клюву, птица была водоплавающая, что-то вроде наших уток. У очередного ручья мы рано остановились на ночевку – особенно торопиться было некуда. Ольгерд чуть подпорол брюхо птицы и одним ловким движением вырвал внутренности, закинув их в ручей.

- Можно, конечно, было бы оставить на берегу – птицы бы расклевали, но я боюсь приманить на запах крови крупных животных. Ни к чему нам такие переживания.

В глинистом берегу Ольгерд выкопал ямку, замесил из глины что-то вроде густого теста, добавив воды, и толстым слоем обмазал птицу вместе с перьями. Кинул ее в ту самую ямку, присыпал остатками глины и прямо сверху развел костер.

Проблема этого леса была в то, что не было старых, сухих деревьев и хвороста, потому костром Ольгерд всегда занимался сам – у меня ветки просто дымили и не хотели разгораться. Вместо

закаленного в крови нежити меча на поясе Ольгерда теперь в удобной кожаной петле болтался топорик. А с левой стороны, в ножнах, висел хороший охотничий нож.

Ужинали мы остатками крупы, из которой получилось сварить жидкий супчик, зато завтрак у нас получился просто потрясающий. Той же самой маленькой лопаткой, которой Ольгерд копал яму, он раскидал дымящиеся остатки костра, поковырялся в обжигающе горячей земле и шепча какие-то проклятья, выкатил дымящийся черный шар на влажную траву с помощью обмотанной в тряпку руки и своего ножа.

Я с сомнением смотрела на этот запекшийся камень. Ольгерд улыбнулся, глядя на мое недоумение, так, что дрогнула ниточка шрама в уголке губ, и тыльной стороной топорика сильно ударил по этому валуну. Он раскололся на две почти равные части и оттуда пахло таким дивным ароматом, что я нервно сглотнула.

Мясо в собственном соку пропеклось просто изумительно и даже довольно крупные кости мощных лап стали мягкими. Впрочем, есть их не было смысла.

К людям мы вышли на четвертый день. Уже вечером лесная зона закончилась и ночевали мы на какой-то просторной поляне среди редколесья. Именно тогда Ольгерд обратил мое внимание на звук лающих вдалеке собак.

- Где собаки, там и люди, Лунка.

Оставив меня сторожить вещи, Ольгерд прихватил несколько монет и, категорически запретив мне двигаться с места, ушел туда.

Глава 24

Сперва я послушно сидела, опираясь спиной на рюкзаки, размышляя о том, как мы сможем устроиться в этом мире. Потом я ходила короткими отрезками между тремя ближайшими деревьями, пока мне не надоело. Мысли становились все тревожнее, а Ольгерд не шел и не шел. В темнеющем воздухе звуки деревни стали отчетливее. Различался не только лай собак, но и тяжелое мычание коров и скандальный крик какого-то петуха. Саму деревню было не видно – ее скрывал невысокий холм.

Ольгерд все не возвращался, и я уже начала подумывать о том, что нужно идти ему на выручку, но пока еще не решалась нарушить приказ. Так и металась по кругу, в центре которого находились рюкзаки, пока не услышала легкий свист. Кто-то шел в мою сторону, тихонько выводя незатейливую мелодию. Я подхватила рюкзаки и втащила их за ближайший ствол – надеюсь, в темноте меня не увидят – мне было откровенно страшно. Там я и стояла, сдерживая дыхание, когда в центр освященной слабым лунным светом поляны вышел Ольгерд.

Подходя к нему, я ощутила мощную волну пивного духа. Первое, что мне захотелось сделать, это треснуть по голове самодовольного болвана. Пока он там развлекался и пил пиво с селянами, я успела передумать кучу ужасов. Сдержалась я просто чудом, но благостное состояние Ольгерда раздражало меня всю нашу беседу:

- Ну? - требовательно спросила я.

- Все хорошо, - благодушно ответил он, - обычное приморское сел. Рыбаки, жены и дети. Живут тихо и мирно. Ближайший город – недели полторы в телеге. Или можно нанять баркас и за день доплыть по морю до некоего Астона. Крошечный городок, но туда изредка заходят баркасы из Берна. А вот из Берна, договорившись с капитаном, мы можем за неделю попасть в столицу – Катринг.

- Ольгерд, а нужны ли какие-то документы, есть ли здесь маги, чем вообще живут люди? Ты вообще что-то толковое узнал?

Ольгерд как-то небрежно отмахнулся от моих вопросов и сказал:

- Да обычный здесь мир, Лунка. С магией также как у нас – вырождается. И люди живут такие же, как у нас. Ничего особенного в этом мире нет. Зато нападение нечисти у них закончилось с момента закрытия портала.

Мне не слишком понравилось его расслабленное состояние, но я списала это на собственную усталость. Костер мы разводить не стали, раскинули палатку и спокойно улеглись спать.

Утром, обогнув холм, мы позавтракали в единственной деревенской таверне, под любопытным взглядом толстяка-хозяина. Я даже разрешила Ольгерду кружку пива. У него, разумеется, с похмелья болела голова. Оставив меня с вещами в таверне, Ольгерд пошел договариваться с владельцем какого-нибудь баркаса.

Чтобы слишком сильно не привлекать внимание оглядывающих меня с любопытством людей, в основном мужчин, забежавших, кто выпить кружку пива, кто быстро позавтракать толстой яичницей с салом, я забила вместе с рюкзаками в угол и задумалась о том, что даже одежда этих людей отличается от всего того, что я видела и в Лесном, и в замке, и в Анрино.

Одежда была яркой, даже очень яркой. Мужчины носили оранжевые, алые и солнечно-желтые банданы, почти на всех были гигантские рыбацкие сапоги выше колена, кожаные штаны и пестрые рубахи. Многие отрастили бороды, за которыми следили – я видела и плетеные косы, и какие-то медные заколки, скрепляющие между собой отдельные пряди бород. Те, кто не носили банданы, как правило, имели на шее завязанные одинаковым квадратным узлом косынки.

Вели они себя спокойно, говорили басовито и рассудительно, никто не ссорился и не шумел, поэтому я понемногу успокоилась. Пусть они непривычно одеты, но это же обыкновенные люди, которые, кстати, особого интереса ко мне не проявляют. Так, поглядывают искоса...

Забежавшую в таверну женщину лет тридцати, в оранжевом платье и черном длинном фартуке, приветствовали дружным гудением:

- О, Валла! Как Эрд себя чувствует? Все кашляет?

Она чуть раздраженно ответила:

- Да что ему сделается?! Уже в море собирается... Уж я ругалась-ругалась! – она безнадежно махнула рукой и обратилась к

трактирщику, подав ему небольшой глиняный кувшин: - Мне как всегда, Манус.

Аккуратно, чтобы не пролить ни капли темного пива, она понесла его домой своему беспокойному Эрду под тихий комментарий из-за соседнего стола:

- Добрая жена Эрду досталась, хоть и чужачка.

- Да какая она чужачка, Никс?! Она здесь, почитай, уже десятый сезон живет!

- Так-то оно, конечно – так, а все же – сразу от своих отличить можно. И платок на голове не так вяжет, и готовит по-другому. Место у нас такое... особое! Понимать нужно!

Я попросила молчаливую, пухлую девицу подать мне еще чашку взвара. Я даже почти успела допить этот взвар, когда на улице заржали кони и четко выстроившись клином в таверну вошли пять военных.

Опасность я почувствовала не сразу. Только когда первый из них направил в мою сторону большой, тускло-поблескивающий камнями медальон, внимательно посмотрел на него и сказал:

- Не маг, можно брать...

Я вскочила, но сделать ничего не успела. Меня подхватили сильные мужские руки, как репку из грядки выдернув из моего тихого угла, и, легко завернув руку за спину, вывели из таверны, под одобрительное гудение четверых посетителей. За порогом таверны стояла странная платформа, на которой крепилась здоровенная клетка с решетчатой внутренней перегородкой и деревянной односкатной крышей.

В клетке уже сидел, точнее – валялся, Ольгерд с распухшим носом, с потеками крови, размазанными по лицу, и облизывал разбитые губы. Связан он был не только по рукам, но и по ногам. В платформу были впряжены четыре крепких конька, и возница, восседавший на высоких козлах, одобрительно глянув на нашу компанию, спросил:

- Не сопротивлялась?

Тот солдат, что держал мою вывернутую руку, солидно ответил:

- Даже и не пыталась.

- Оно и лучше, целее будет, - одобрительно покивал возница.

Меня закинули во вторую половину клетки, наши рюкзаки приторочили к седлам двое солдат. Они вскочили на коней, и повозка

тронулась.

Все произошло так быстро, что я ничего не успела сообразить, но запомнила одну странную фразу, которую произнес здоровущий рыбак в алой бандане, объясняя все увиденное разинувшей рот селянке, двумя руками прижимающей к животу живую курицу:

- Видала, Эгна? Шарийских шпионов схватили!

От селения мы отъехали совсем немного – километров пять, может шесть и остановились на не слишком широкой лесной дороге.

Солдаты, повинувшись непонятному жесту военного с медальоном, соскочили с седел, а потом совместными усилиями, с помощью палок и крюков, накинута на нашу клетку тряпичный полог, полностью закрывающий нам обзор. Воспользовавшись тем, что не только мы не видим окрестности, но и солдаты теперь не видят нас, я подошла к внутренней части решетки. Связанный, как колбаса, Ольгерд подкатился по грязноватой соломе со своей стороны и я села, а потом и легла, максимально приблизив свое лицо к решетке и его уху – не хотела привлекать внимание вояк разговорами.

Первый вопрос, который я задала, Ольгерда удивил:

- Почему тебя связали?

- Потому что я сопротивлялся, разумеется!

- Зачем ты сопротивлялся? Мы не сделали ничего плохого, возможно тебя бы расспросили и отпустили.

- А вот это вряд ли! – Ольгерд неловко повозился, устраиваясь поудобнее, наконец додумался лечь на живот, повернув лицо в мою сторону. – Как я понял из разговоров, здесь у них какие-то шпионы появляются, похоже у этого государства не самые лучшие отношения с соседями.

- И что теперь будет? Как мы оправдаемся?!

Ольгерд беспечно фыркнул и заявил:

- Ну, если на допросе у них будут кольца истины, то оправдаемся мы очень легко. Так что, может быть все и к лучшему.

- К лучшему?! Что же тут может быть к лучшему? Ты избит и связан, мы оба сидим в какой-то клетке и ни черта не видим. Что тут вообще может быть к лучшему?! Зачем ты сопротивлялся? Не мог просто объяснить?!

- Успокойся, Лунка. Сопротивлялся я от неожиданности. А везут нас, скорее всего, к кому-то постарше чином, кто может принять

решение. Подумай о том, что мы не сделали ни чего плохого и не являемся этими самыми шпионами. Так что вряд ли нас ждут серьезные неприятности. Скорее всего просто допросят и отпустят.

После этого Ольгерд откатился от меня, немного повозился в соломе и через некоторое время засопел. Я сгребла шуршащую траву в одном из углов клетки, уселась и оперлась на решетку, как на спинку стула. Мне было тревожно, но сделать я ничего не могла. Может, Ольгерд и прав...

Через пару часов снаружи раздался какой-то шум, ржали и беспокоились лошади, слышались отрывистые команды. Один раз нас сильно тряхнуло так, что проснулся Ольгерд. А потом снова также мерно и монотонно продолжился путь.

- Надо же, похоже мы через портал прошли! – хрипловатым со сна голосом сказал он.

- Мне тоже так показалось. Слышишь, как изменился шум? Сам по себе он так резко бы не поменялся.

Ольгерд прислушался и согласно покивал головой - за плотной тканью полога слышались голоса, приветствия солдатам и их ответы, дружелюбные смешки. Мы явно куда-то приехали. Продолжался гомон совсем недолго.

Еще минут десять пути и мягкая лесная дорога под колесами сменилась чем-то вроде булыжников, клетка поскрипывала и даже слегка дребезжала, пусть мы ничего не видели, но звуковой фон изменился еще сильнее - мне показалось, что мы въезжаем в город.

Прошло меньше часа и наша повозка остановилась уже окончательно. За тканью накидки слышались разговоры, вопросы, четкий доклад командира кому-то явно вышестоящему и чуть глуховатый мужской голос сказал:

- Ну, Сигурн, открывай, показывай добычу.

Я сидела на кучке соломы в том же углу и вставать пока не торопилась, нужно будет – скажут. Ольгерд, выгнувшись крючком и с трудом опираясь на решетку, тоже принял полу-сидячее положение.

Накидка с клетки сползала неравномерно, но уже сейчас я видела, что повозка расположилась внутри высоченной замковой стены, недалеко от входа, охраняемого солдатами, которые с любопытством пялились на нас. Двор был просторен и, слегка повернувшись, я

заметила за спиной нависающую громаду замка. Однако разглядывать мне его было некогда.

Мужчина, по приказу которого открыли клетку, производил впечатление человека не простого. В отличии от однотипной формы солдат, сшитой, в основном, из сукна и кожи, его одежда была изготовлена из значительно более дорогих тканей. Темно - синие бархатные брюки и такой же колет отделаны золотом, на груди на широкой цепи крупный медальон, пальцы рук унизаны кольцами. Я подумала, что это скорее всего какие-то артефакты – слишком разномастны были они по стилю и исполнению.

Мужчина внимательно окинул нас взглядом и, возможно, о чем-то догадался. Вряд ли, конечно, он понял, кто мы и откуда, но и шпионами он нас явно не посчитал.

- Какая интересная у вас сегодня добыча, герд Сигурн! - протянул он - только вряд ли это шарийцы.

После этого подошел к клетке еще ближе, снял с головы небольшой бархатный берет с аккуратным белым пером и, слегка поклонившись мне, сказал:

- Прекрасная санги, позвольте представиться, рыцарь Катро - владетель замка Лагор – он небрежным жестом махнул в сторону серой громадины.

Я встала, вежливо кивнула, и, поскольку скрывать что-то при существующих артефактах допроса было глупо, назвала наши имена:

- Санги Алуна Лаидо и сангир Ольгерд, рыцарь, владетель замка Альент в том мире.

Мои слова явно поразили рыцаря. Он удивленно вскинул брови и непроизвольно левой рукой схватился за подбородок, пробормотав:

-Ого, каких гостей к нам занесло. Ну что ж, санги Алуна и рыцарь Ольгерд, я буду счастлив оказать вам гостеприимство в своем доме. Прошу!

Гостеприимство рыцарь Катро оказывал очень своеобразное, в прочем мы были не в претензии – спасибо и за это. Клетку открыли, и, пока мы выходили, рыцарь успел отдать несколько приказов. Ольгерда развязали, и он сразу принялся массировать затекшие запястья, на которых четко отпечатались воспаленные рубцы от веревок. До входа в замок нас сопровождали сам рыцарь Катро и солдаты под предводительством герда Сигурда.

Прошли мы не в центральный вход, а в одну из боковых башен. На пороге Ольгерда приняли три здоровенных лакея, а меня три плотных, высоких горничных, которые отличались только лицами, фигуры у них были почти одинаковые. Тут нас с Ольгердом разлучили.

Вещи не отдали, но комната, в которую меня привели молчаливые тетки, была обставлена совсем недурно. Начиная от постели, на которую худышка в сером платье спешно постилала белоснежные простыни и заканчивая теплым, пушистым ковром на полу, явно не дешевым. Стены комнаты были целиком драпированы серо-голубой тканью и мебель имела, пусть и не шикарная, но и не самая простая.

Две горничных уселись внутри комнаты, по краям у двери, на специально стоящих низеньких банкетках, а третья, очевидно, главная смерила меня взглядом с ног до головы, поманила пальцем худышку в сером и загибая свои пухлые пальцы, отдала ей несколько приказов тихим голосом. Мышка в сером часто закивала головой и выбежала.

- Санги Алуна, - басовитым голосом заговорила тетка со мной – не хотите ли принять ванну с дороги?

- Очень хочу, но как мне к вам обращаться?

- Можете звать меня Грон – она почтительно поклонилась, не спуская с меня глаз. Похоже, просто не доверяла.

Я удивилась столь по-мужски звучащему имени, но должна сказать, что оно ей удивительно подходило. Тем временем я прошла по комнате, осматриваясь. Два небольших стрельчатых окна были забраны решетками. Поверил нам рыцарь Катро или нет, но эта комната, при всем ее уюте, больше походила на тюрьму, а мои «горничные» - обычные надсмотрщики.

Грон, тем временем, вынула из стоящего у одной из стен шкафа пару чистых, мягких простыней, достала откуда-то из кармана светляка и, слегка щелкнув по нему, заставила загореться холодным голубоватым светом. После этого открыла прячущуюся в складках драпировки дверь, которую я совершенно не заметила и жестом предложила следовать за собой по узкому, крутому спуску.

Лестница сделала полный поворот, по моим представлениям, сейчас мы находились где-то в подвальном помещении башни. Две горничные дружно сопели, поспевая за нами. Длинный переход по наклонному коридору, и мы вошли в совершенно фантастическое место.

Глава 25

Это была небольшая, естественная пещера, лишь местами обработанная руками человека. В центре – озеро парящей воды, не слишком большое, примерно три на три, под воду уходили каменные ступени. Одна из горничных прошла по периметру комнаты, зажигая светляки. Вторая перекрывала своей тушей вход.

Грон помогла мне раздеться, небрежно скидав мою одежду на одну из двух деревянных лавок. Потом наклонилась и вытащила короб с забавной обувью, что-то вроде наших сланцев, только на тонких деревянных подошвах. Одни из них, самые маленькие, она достала для меня.

- Грон, если можно, я хотела бы, чтобы костюм постирали и вернули.

Она молча и согласно покивала головой, а потом добавила:

- И костюм почистят и сапоги, не волнуйтесь, санги Алуна.

От помощи в мытье я отказалась, получила в руки небольшой деревянный лоток, где лежали пара кусков мыла с разным запахом и что-то вроде рукавицы из грубой дерюги, и спустилась вниз по широким каменным ступеням, сев на третью из них.

В таком положении вода доходила мне до груди. Было тепло, влажно и немного душно, но я испытывала настоящий восторг, от того, что теплой воды вокруг сколько угодно. Лоток слабо колыхнулся на мелких волнах и поплыл к противоположному краю бассейна, только тут я почувствовала, что есть не слишком сильное течение.

- Грон, скажи, откуда столько воды?

- Здесь, санги Алуна, под замком расположены горячие источники. Таких комнат в подвалах несколько. Есть для сангиров, есть для гостей, для слуг. Ну, и вот это, - она чуть смущенно обвела стены рукой. Очевидно, это – ванная комната для шпионов – усмехнулась я про себя.

Я тщательно вымылась, дважды намылив голову, потерла себя жесткой мочалкой и блаженно откинулась на ступеньках, позволяя течению перебирать колышющиеся, как водоросли, пряди чистых волос.

Похоже, я задремала, потому что в себя меня привел громкий хлопок – это Грон шлепнула в ладоши.

- Санги Алуна, вам нужно успеть высохнуть до ужина.

Спорить я не стала. Эти три следующие за мной горничные выполняли еще и функцию надзирательниц женской половины тюрьмы, но они не старались вести себя грубо, хамить мне или унижать, поэтому и я не видела смысла перечить.

В комнату мы вернулись тем же порядком – Грон со светляком впереди, я, закутанная в простыню, и две сопящие, молчаливые горничные в конце. Имен их я так и не узнала. Худенькая мышка в сером аккуратно раскладывала на кровати три дамских туалета их плотного шелка. Покрой у них был одинаковый, так же, как и ткань. Отличался только цвет. Ядрено-зеленый и густо-фиолетовый я отвергла сразу же, выбрав ярко-голубое.

Волосы все еще были влажные. Грон достала очередную простынь и промокала их так долго и тщательно, что капать с них перестало. И заплетенные в обычную косу, они выглядели почти нормально.

Нательную сорочку мне выдали совершенно новую, так же, как и легкие кожаные туфельки, которые были почти моего размера, а вот белье оказалось моим собственным, запасным, из рюкзака – похоже, вещи уже обыскали. Шелковое платье хоть и было чистым, но явно уже ношеным. Да и сам покрой его был таков, что оно хорошо село бы на женщин с разными фигурами – больше всего оно напоминало запашной халат с широким регулируемым поясом.

Капризничать я не стала, напротив порадовалась, что хоть и нахожусь в тюрьме, но это явно тюрьма для высокопоставленных особ. Однако, как раз благоустройство этой тюрьмы только подтверждало мысль, что в стране, куда мы попали, далеко не все благополучно. Раз уж для шпионов обустроили такое роскошное пристанище.

Ужинали мы здесь же, на первом этаже, в небольшой столовой, куда привела меня Грон. Ольгерд и рыцарь Катро о чем-то спокойно беседовали, стоя у одного из окон. Стол был накрыт на четверых, но сели мы втроем.

- Прошу прощения, но сангир Ланто, возможно задержится. Кроме того, если вы не против, я отпущу лакеев, без них, признаться, можно беседовать гораздо спокойнее.

Рыцарь сделал короткий, повелительный жест рукой, Грон и два лакея, молча стоящие у дверей в комнату, почти синхронно поклонились и вышли. Прислуга в замке была вышколена на диво!

Кто такой этот сангир Ланто, рыцарь не объяснил, но мне, признаться, было уже все равно - передо мной стояла тарелка ароматного крепкого бульона с двумя половинками маленького яйца, стол был уставлен блюдами с холодной закуской, в центре, на высокой серебряной грелке, стояло закрытое огромным полушарием крышки что-то горячее и я с удовольствием занялась едой.

Ольгерд тоже ужинал с аппетитом, но успевал перебрасываться с рыцарем фразами, по которым я поняла, что основную часть наших приключений он успел рассказать.

То ли достаточно цивилизованный прием, то ли вкусная еда, настроили меня на благодушный лад. И, почему-то, я больше совершенно не волновалась о нашем будущем.

Сангир Ланто прибыл к самому концу ужина и, извинившись за опоздание, сел на свое место. Как раз его появление и сбilo с меня ленивую расслабленность – он был... Сложно собрать сразу все детали и факты, которые насторожили меня в этом мужчине.

Выглядел он лет на сорок пять, но внимательный, какой-то очень въедливый взгляд, говорил о том, что сангир, похоже, значительно старше. Ничем не примечательное лицо с самыми обычными чертами, аккуратные, какие-то чуть вкрадчивые движения, почти незапоминающийся голос. Если бы не кольцо истины на пальце и еще пара каких-то незнакомых мне артефактов, он казался бы самым неприметным человеком, что я здесь видела. Неприметным его делал и костюм из простой добротной шерстяной ткани, и мышасто-серые волосы, и даже мягкая улыбка тонковатых губ.

Кроме того, я заметила, что Ольгерд тоже насторожился. Судя по тому, как напряженно вел себя рыцарь Катро в присутствии этого тихого человека, сангир занимал какой-то очень важный государственный пост и обладал немалой властью.

Сангир Ланто сам налил себе бокал легкого розового вина, чуть смочил в нем губы, и попросил Ольгерда еще раз рассказать, как мы прошли портал. Он снял с пальца кольцо истины и с мягкой улыбкой протянул его моему спутнику.

Судя по этой проверке, рыцарь Катро уже успел передать информацию «наверх». И именно оттуда, «сверху», прибыл решать нашу судьбу этот неприметный сангир.

Монолог Ольгерда был четким и кратким. И начал он не с того, как мы прошли, а с того, зачем мы полезли. За всю беседу, кольцо ни разу не вспыхивало даже розовым, камень стабильно оставался зеленым, и брови сангира Ланто к концу рассказа поднялись достаточно высоко.

Пауза была долгой. Сангир Ланто что-то обдумывал, машинально барабанил пальцами по скатерти. Наконец он перенес свое внимание на меня и протянул мне кольцо, снятое Ольгердом.

- Скажите, санги Алуна, как вы думаете, почему эта самая лунная магия пробудилась именно в вас?

Ответила я совершенно честно, поэтому камень остался зеленым:

- Даже не представляю, почтенный сангир. Меня вполне устраивала моя природная магия, и никогда в жизни мне не хотелось решать судьбы мира.

Он задал мне еще несколько вопросов, в том числе и о моменте гибели сердца Тьмы и все время не сводил взгляд с кольца. Только врать я не видела смысла.

Сангир еще немного побарабанил пальцами по столу, жестом попросил вернуть кольцо истины, одновременно задумчиво покусывая нижнюю губу, и вынес вердикт:

- Я думаю, что заберу вас с собой. Решение такого уровня должны принимать сам Верховный и Совет.

Затем он обратился к рыцарю:

- Я остаюсь ночевать, сангир Катро, на утро приготовьте все вещи наших гостей, после завтрака мы отправимся в столицу.

Рыцарь Катро согласно кивнул головой, принимая волю сангира и, извинившись, вышел отдать приказание слугам.

Ночевать меня отвели не в ту комнату с решетками на окнах, где я пробыла до ужина, а в роскошные покои на третьем этаже другой башни. Две мои монументальных горничных исчезли, вот Грон осталась со мной и попросила меня пока не ложиться спать:

- Санги Алуна, сангир Катро, приказал подготовить вам на утро приличный туалет – нельзя же предстать перед глаза Верховного вот в этом, - она кивнула головой на мой шелковый платье-халат. – Вы не

волнуйтесь, наши мастерицы почти всегда имеют заготовки, так что к завтраку все будет дошито.

Маленькая юркая портниха, имеющая странную привычку бормотать себе под нос, в сопровождении двух услужливых, молчаливых девушек, прибыла очень быстро. Меня поставили перед огромным, почти в полтора человеческих роста, зеркалом, на невысокую скамеечку, содрали халат, оставив в одной сорочке, и принялись обмерять под бормотание портнихи:

- ... если вот тут складочки сделать... или не складочки... лучше, пожалуй, по косой скроить... а пояс мы сюда положим черный!

Так и не представившаяся мне портниха с видом демиурга смотрела, как девушки прикладывают мне то ближе к лицу, то ближе к поясу отдельные куски и отрезки тканей, кружева, ленты, тесемки, что-то все время бормотала про себя и, наконец-то, приняла решение, громко сообщив:

- Да! Вот так и сделаем!

После чего быстро собрали раскиданное по креслам, стульям и столам, добро и исчезли в дверях.

Несколько ошеломленная этим вихрем, я вопросительно посмотрела на улыбающуюся Грон:

- Она что, всегда такая?

Грон торопливо закивала головой:

- Всегда, санги Алуна, всегда. Она и раньше такая была, но хозяйка ей все прощала – больно мастерица хорошая.

Надо сказать, что как только меня перевели из тюремной камеры в гостевую комнату, Грон стала значительно более дружелюбной. И, если раньше она с постной миной добросовестно выполняла работу, то сейчас изо всех сил старалась мне услужить. Решив не упускать такой удобный случай, я велела ей присесть на банкетку и, удобно устроившись напротив, попыталась собрать хоть немножко информации о мире, в который мы попали.

Нельзя сказать, что кругозор Грон был очень широк, но она искренне пыталась мне помочь, подробно и дотошно отвечая на мои вопросы.

Узнала я следующее – Шарийский Харадж – соседняя страна, граничащая с Аванталией и на суше, и на море. После того, как нечисть перестала выгрызать их приграничные села, Хараджем было

сделано достаточно много попыток отхватить пару островов, принадлежащих Аванталии и втихаря выкупить за фальшивые монеты приграничные земли частным образом.

Эти неуклюжие попытки захватить лишнее весьма сильно раздражали и Верховного, и сангиров, живущих в приграничных землях. Нас с Ольгердом приняли как раз за таких лазутчиков.

Еще до допроса Ольгерда наш багаж тщательно осмотрели, проверили каждую деталь и изъяли золото для проверки. Здесь, в замке Катро, было устроено что-то вроде перевалочного пункта, куда собирали шпионов и липовых торговцев со всего побережья. Замок Катро выбрали именно по тому, что в окрестностях находилось шесть порталов, все еще прекрасно работающих, седьмой портал, расположенный непосредственно в замке, вел прямо в столицу, в окрестности дворца Верховного.

Так как среди пойманных шпионов встречались равно и мужчины, и женщины, а некоторые из них, пусть и не часто, оказывались высокородными, то и тюрьмы для их содержания были оборудованы очень по-разному. В замке Катро существовало два уровня приема «гостей», и мы с Ольгердом попали в VIP-класс. По рассказам Грон, первое, на чем спалился Ольгерд, была старинная золотая монета, которой он заплатил в таверне, так что утром солдаты нас уже ждали.

Конечно, увидев нашу одежду и немного поговорив с Ольгердом, рыцарь Кетро быстро понял, что мы, если и шпионы, то очень необычные. Именно потому он и вызвал на беседу канцлера Ланто.

- Так что, пресветлая санги, ежели приграничные села, то золотой там никто и не возьмет! Сколько уже народу поразорили проклятые шарийцы! – с возмущением рассказывала Грон. - Лет пять назад брат мой двоюродный половину виноградника продал – больно деньги большие предложили! Тогда же еще мало кто знал... Только вот купец тот, что приобрел, земельку-то быстро перепродал, а монеты эти, магией обработанные, сто дней всего и держатся. Братец-то в кубышку полез, а там не золото, а свинцовые плашки!

- Грон, получается в Шарийском Харадже маги получше, чем здесь остались?

- Получается так, пресветлая санги. – Она на минуту задумалась, а потом уточнила: - У них в одном маги лучше работают, а у нас – в другом! Не хуже мы эти шарийцев проклятых!

Мы еще немного поболтали, но никаких столичных новостей Грон не знала, и я стала готовиться ко сну, попутно размышляя, что в общем-то и целом нам повезло нарваться на достаточно законопослушного трактирщика. В некоторых местах за такую монетку, по словам Грон, местные могли и прикопать тихонечко где-нибудь в леске – слишком большим было нашествие фальшивых денег еще пару лет назад.

Сейчас же, как утверждала Грон, даже крупные покупки в приграничной зоне оплачивают серебром, а для тех, кто хочет совершать крупные сделки внутри страны, существует сеть контор, куда деньги сдаются на длительное хранение и проверки, и без справки от такой конторы, заверенной магической печатью, больше двух-трех золотых не возьмут даже в столице – опасно это, местные боятся брать золото.

Наряд, который ожидал меня утром, был непривычен, но достаточно красив – темно-синяя юбка, заложенная глубокими, мягкими складками, длиной до середины икр, ярко-голубая блуза с очень пышными рукавами, отделанная нежным белым кружевом по воротнику и манжетам. Сверху одевался широкий корсажный пояс, черный, расшитый толстым серебряным жгутом, плотно шнурующимся сзади. Вещи наши были вычищены и выглажены, сложены в рюкзаки, на место вернули все, кроме золотых.

Войдя в небольшую, уютную столовую, где меня уже ждали мужчины, я поймала восхищенный взгляд Ольгерда, и в груди стало тепло – раньше он всегда видел меня если не замарашкой, то таким «своим парнем», одетым в удобные брюки, широкие практичные куртки и прочие, нужные в походе вещи.

Еще утром, глядя на себя в зеркало, я очередной раз отметила, что мне досталась не просто симпатичная, а яркая и оригинальная внешность. Мне были приятны не только восхищение Ольгерда, но и некая повышенная галантность рыцаря Катро и сангира Ланто.

И после раннего завтрака и достаточно подробного инструктажа сангира, во время которого он методично объяснил, как себя вести в присутствии Верховного, как кланяться и что говорить, мы отправились к portalу.

Я с удовольствием поглядывала на Ольгерда – его тоже переодели. Сейчас костюм его по покрою напоминал костюм рыцаря Катро –

такие же брюки, такой же теплый стеганный колет, сквозь который виднелась белая батистовая рубашка с небольшим кружевным жабо, вот только расцветкой он был серо-голубым, а перо на берете было ярко-алого цвета, напоминая мне, плюмаж черных доспехов.

Новый образ моего рыцаря мне очень нравился. Мастер, который создавал костюм, явно не только был магом, но и обладал хорошим вкусом. В этом костюме Ольгерд выглядел не просто привлекательно, а таким темноволосым сказочным принцем – я про себя даже усмехнулась, представляя, какое впечатление он произведет на придворных красавиц.

Пока еще я не слишком волновалась за нашу судьбу – мы не сделали ничего дурного для этого мира. Пожалуй, больше меня беспокоила судьба золотых монет, которые нам обещали после проверки вернуть все до одной. Если их продержат сто дней, то нам придется продавать украшения, а может даже и артефакты, просто чтобы выжить, но пока мы ничего не могли изменить.

Такой путь к portalу я видела впервые - он располагался в самом замке, в комнате, к которой мы пробирались по очень узкому коридору, такому узкому, что два человека могли разойтись, только встав боком. Да и сам портал размерами походил на обыкновенную дверь – войти в него можно было только по одиночке.

Не сразу, но я сообразила, почему столичный переход расположен столь странно. Для того, чтобы перекинуть в столицу войска нужно для начала завоевать замок Катро и только потом пропускать через проход по человеку. Достаточно установить на том конце пути дежурный пост, и этот пост сможет по очереди, по одному, положить целую армию захватчиков.

Глава 26

Как я и предполагала, вышли мы не на улице, а в достаточно большом помещении, где находилось четверо солдат. Впрочем, сангир Ланто, шагнувший первым, послужил нам прекрасным пропуском – солдаты не задали ни единого вопроса, только один из них метнулся к выходу и крикнул, распахнув двери:

- Карету сангиру Ланто!

Во дворец, огромное, роскошное строение из розовато-золотистого мрамора, мы так же попали почти беспрепятственно, если не считать того момента, что прямо у дверей два военных-мага проверили нас с Ольгердом, водя возле тел небольшими металлическими табличками-артефактами, на которых вспыхивали и гасли искры разных цветов. А потом к нам сразу же присоединились два молчаливых, крепких лакея, сопроводивших нас с Ольгердом в небольшую комнату.

Сангри Ланто велел ждать, а лакеи застыли неподвижными монументами, перекрывая выход. Разумная предосторожность, только вот говорить при них было неудобно.

Приятная светлая комната, примерно пять на пять, с изящной кованой решеткой на окнах, отчетливо напоминала тюремные апартаменты замка Лагор. Я несколько нервно прошлась по комнате, но потом Ольгерд поймал меня за руку, каким-то очень привычным жестом обнял за талию, и подвел к окну, тихо шепнув на ухо:

- Не волнуйся так, Лунка.

Я подняла голову и, глядя ему в глаза, почему-то тоже шепотом, сказала:

- Я и не волнуюсь...

Он ласково улыбнулся и промолчал. Я почувствовала, как краска приливает к лицу – со стороны мы, пожалуй, выглядели, как пресловутые влюбленные голубки. Но ведь это же не так! Или – так?!

Смущение захлестывало меня волнами, но почему-то я не могла глаз оторвать от внимательного взгляда Ольгерда. В этом лице мне хорошо было знакомо все. Тонкий шрам, пересекающий левую щеку и чуть касающийся уголка губ, маленькая поперечная морщинка между

темных бровей – она появлялась только когда он хмурился или был озабочен, ровный нос, который он иногда так смешно морщил...

Ольгерд все еще не отпускал мои пальцы, а потом, подтянув их к своим губам, тихонько подул на них.

- Когда ты волнуешься или расходуешь Силу, твои руки становятся холодными...

- И что?

- И ничего. - Он знакомо улыбнулся. – Мне всегда хочется согреть тебя.

Я чувствовала, что мои уши уже просто полыхают. Меня смущало абсолютно все – и лакеи, неподвижными тенями стоящие у двери, и незнакомая обстановка, и действия Ольгерда. Но все же, но все же... Все же это было безумно приятно!

Кто знает, чем бы кончилась наша беседа, однако дверь в комнату распахнулась и незнакомый молодой сангир, чуть пухловатый, невысокого роста, но с приметными, ярко-синими чернильными пятнами на пальцах, довольно низко поклонившись, представился:

- Сангир Ликокт, секретарь канцлера Ланто. Сангир просил проводить вас в приемную Верховного.

Мы шли по широкому коридору. Впереди семенил сангир Ликокт, за нами печатали шаг два лакея. Я с удовольствием любовалась на стоящие в нишах, огромные напольные вазы с тонкой росписью. Заметив мой заинтересованный взгляд, Ольгерд нагнулся и негромко сказал:

- Знаешь, что это такое? Это знаменитый афранский фарфор. У меня в замке остались две таких вазы, которые были привезены предком.

- Они удивительно красивые!

- Если захочешь, я подарю тебе такую. – Тепло улыбнулся Ольгерд.

Меня вновь охватило смущение, приятное смущение, надо сказать.

До очередной приемной мы дошли быстро, но к Верховному нас пустили не сразу. Как-то неожиданно мы оказались в центре не слишком густой, но подвижной толпы.

И вот тут я поняла, как много сделал для нас рыцарь Катро – кроме цвета моих волос, на которые поглядывали с любопытством, мы

почти не отличались от окружающих людей. Такие же колеты и брюки на мужчинах, достаточно похожие на мою одежду блузки, пояса и юбки на женщинах, самая большая разница была в украшениях.

Руки всех присутствующих были усыпаны кольцами-артефактами, разной степени красоты и сложности. Я заметила даже пару несколько презрительных взглядов, которые прошлись по нашим пальцам.

Присутствующие сбивались в кучки, обсуждали какие-то местные новости, позволяя себе даже тихонько засмеяться, и над толпой стоял мерный гул голосов. Сангир Ликокт терпеливо застыл, чего-то дожидаясь и Ольгерд, так и не выпустивший моей ладони все это время, каким-то очень привычным жестом, положил мою кисть на свое согнутое предплечье и закрыл ее своей ладонью.

Чувствуя это тепло и поддержку, понимая, что сейчас мы будем выступать, как единое целое, я несколько нервно вздохнула, но сказать ничего не успела. Распахнулись двустворчатые резные двери и вставший на пороге мужчина, несколько суровой, монашеской внешности, с темными нахмуренными бровями и басовитым голосом, очень громко, перекрывая и гул толпы, и мерные удары моего сердца, провозгласил:

- Сангир Ольгерд Альенте и санги Алуна Лаидо!

В притихшей и расступившейся толпе, мы двинулись к кабинету Верховного.

Сангир Ликокт чуть суетливо, отставая на шаг, проводил нас до распахнутых дверей, но сам остался в приемной.

Мы попали в маленькую комнатку без окон, в которой стояли только пара стульев и аккуратный столик с графином воды, где два просто и скромно одетых мужчины, молча осмотрели нас с помощью нескольких амулетов. В общем-то, это показалось мне вполне логичным. Думаю, оба они – маги, просто почувствовать Силу сейчас не могли ни я, ни Ольгерд. И только после проверки один из магов распахнул перед нами дверь, и мы вошли в ярко освещенную солнцем, большую комнату.

Первое, что мне бросилось в глаза – три огромных окна в пол, затянутых решетками. По изгибам кованых цветов и листьев бегали красивые разноцветные искры. Думаю, это место максимально защищено от прослушивания, нападения и всего на свете. А вот сам

Верховный вызвал не только удивление, но и некоторую растерянность – он был не старше меня.

Спутать Верховного и его помощников было невозможно – торцевую часть длинного стола из красноватого полированного дерева занимал именно он. И именно его кресло высокой спинкой больше всего напоминало трон, тогда как остальные мужчины сидели на обычных резных стульях. Все они были существенно старше своего Верховного, но смотрели на нас с не меньшим любопытством, чем этот юноша.

Мы поклонились, сложив руки на груди, как и учил нас сангир Ланто. Сам он занимал кресло, первое с левой стороны от Верховного. Рассматривали нас с большим интересом, наконец один из мужчин – грузноватый, невысокий сангир произнес как бы в воздух:

- Кольца истины, Варт.

Откуда-то из угла за нашей спиной вынырнул молодой мужчина, чем-то неуловимо напоминающий сангира Ликокта, и протянул нам два кольца на испачканной чернилами ладони – похоже предстоял серьезный разговор.

- Расскажите нам... - начал было один из них.

- Подождите, Бронг! – раздался звонкий голос Верховного. – Варт, подайте санги стул, красивые девушки не должны стоять навтыжку.

Примерно через час, перенервничавшая, на трясущихся ногах, я покинула кабинет. Ольгерд еще остался там. Прислонившись к стене под любопытными взглядами придворных, я пыталась собраться с мыслями и понять, что же с нами сейчас будет?

Если все беседы до этого были похожи именно на беседы, то сейчас мы с Ольгердом прошли полноценный допрос. От волнения я запомнила не все имена советников и канцлеров, но имя канцлера Гредо, будет мне сниться в страшных снах – он был въедлив как клещ, задавая бесконечные вопросы с подковыркой и, самое удивительное, пытался выяснить наши отношения с Ольгердом, отказываясь принимать тот факт, что мы просто друзья.

Кроме того, не слишком понятно повели себя и кольца истины, на прямой вопрос этого зануды: «Кем вам приходится сангир Ольгерд?» и мой такой же прямой ответ: «Просто другом», мое кольцо начало менять цвет с ярко-зеленого до розового, а потом наоборот с розового до зеленого, и так – несколько раз.

Установившееся в комнате молчание было прервано жирной, какой-то мерзкой ухмылкой сангира Гредо.

- Понятно! Все с вами понятно, милая санги Алуна.

Возможно, кольцо и выдавало мои чувства к Ольгерду, но вот ему, стоящему у спинки моего стула, никто таких вопросов задать не осмелился. Это одновременно злило и раздражало меня.

Наконец двери распахнулись. С совершенно невозмутимым лицом Ольгерд подхватил меня под руку, повелительно кивнул, ожидавшим у выхода лакеям и поманил пальцем сангира Ликокта:

- Мы возвращаемся в ту же комнату, ожидать решения Совета, а вы остаетесь здесь, дожидаться сангира Ланто.

В комнате, усадив меня у окна в неудобное кресло, Ольгерд лично налил из стоящего на столе графина два стакана прохладной воды, с удовольствием выпил свой и терпеливо подождал, пока то же самое сделаю я.

- Ну, что они решили, Ольгерд?

- Пока не могу сказать, но ни чего плохого нас не ждет. Ты сама видела — кольца подтвердили все, что мы говорим. А раз мы не нарушали ни каких законов, думаю, нас просто отпустят, и мы будем вольны устраивать свою жизнь, как угодно.

Однако, Ольгерд просчитался. Через пару часов, когда от скуки и невозможности нормально поговорить из-за присутствия молчаливых лакеев, я готова уже была лезть на стену, пришла горничная и принесла достаточно скромный обед. Ни каких изысков, хлеб, сыр, ветчина и что-то вроде легкого пива в кувшине.

Мы с удовольствием перекусили, но меня все еще мучала мысль — а что именно так долго можно решать в столь очевидном случае?! Ответ на свой вопрос мы узнали только к вечеру, когда у канцлера Ланто нашлось время для нас.

Он вошел в комнату, небрежным жестом отпустив лакеев, и сказал:

- Предлагаю вам стать гостями моего дома, по того момента пока не решиться ваша судьба.

Ольгерд повел себя несколько странно. Он сказал:

- Мы принимаем ваше предложение с благодарностью, сангир Ланто.

Привычно подхватил меня под руку и, следуя на шаг позади сангира, чуть сжал мне локоть, посмотрел в глаза и приложил палец к губам, совершенно понятным жестом. Не знаю, откуда у меня взялось столько терпения, но ни в карете, ни за вкусным ужином, где присутствовала моложавая жена сангира, его старший сын-подросток и еще пара домочадцев, чьи имена я так и не запомнила, я не задала ни одного вопроса.

С терпеливой улыбкой слушая болтовню хозяйки, санги Фасты, которая развлекала меня рассказами о входящих в моду дамских сумочках, их она называла - «мягкий ларчик», судя по ее описанию – обычный тканевый мешочек, который можно носить с собой, сложив туда расческу, зеркальце и прочие мелочи, я одобрительно улыбалась, вскидывала брови, показывая, как изумлена модной новинкой, но отвечать старалась односложно.

После ужина, под возмущенный возглас санги Фасты: «Дорогой! Ты же обещал не работать дома!», сангир Ланто, пригласил нас с Ольгердом в кабинет. Усадив нас в достаточно удобные кресла у рабочего стола, он заговорил. И речь его произвела странное впечатление.

Восемь лет – не такой уж большой срок, чтобы люди полностью забыли к чему приводят нападения Тьмы и ее порождений. С моей точки зрения, Ольгерд, да и вся наша команда в целом, были героями, спасшими в том числе и этот мир, и не давшими Тьме возродиться.

Однако, благодарность, как выяснилось, не то качество, которое следует ожидать от власть имущих. Конечно, мне было понятно, что при дворе Верховного, существуют различные политический партии и течения, преследующие разные интересы. Пожалуй, я могла и понять, что не имея ничего лично против нас, канцлер Гредо просто старался помешать оппозиции, но именно это противостояние задерживало решение по нашему вопросу.

Нося титул сангира в своем мире, Ольгерд вовсе не являлся таковым здесь. В данный момент королевские архивариусы, по просьбе канцлера Ланто, поднимали родовые книги знати, дабы выяснить, есть ли у Ольгерда в этом мире родня, и можно ли признать его сангиром.

Ну, не бред ли?! Честно говоря, от такой мелочной бюрократической придирки, я просто выпала в осадок. Все, что

происходило с нами сейчас, казалось мне верхом идиотизма.

Между тем, вывалив нам эту информацию, канцлер Ланто сказал:

- Сангир Ольгерд, мне право, неловко, что, пройдя такие трудности, вы столкнулись со столь низменной возней. Я приглашаю вас быть гостем столько времени, сколько понадобится.

Хмурый, молчаливый Ольгерд, который, пожалуй, впервые в своей жизни столкнулся с подобным, помолчал, что-то оценивая, и спросил:

- Сангир Ланто, меня интересует судьба нашего золота.

Сангир тяжело вздохнул, встал с хозяйского кресла, как-то нелепо развел руками и сказал:

- Простите, сангир Ольгерд, но это общее правило для всех. Сегодня утром ваши деньги сданы на проверку, и ответ будет получен не раньше, чем через сто дней.

После этого он подошел к простенку между двумя окнами, немного задержался там, открывая потайной бар, и вернулся к столу с пузатой бутылкой и тремя небольшими стопками на черном лаковом подносыке. Разлив в две стопки янтарно-золотистый напиток, третью он наполнил на половину, и извиняющимся тоном, показывая рукой на стопки, сказал:

- Пожалуй, это все, чем я могу сейчас скрасить ваше ожидание.

Напиток такой крепости я пила в этом мире впервые, но была даже благодарна канцлеру, за то, что он не обошел вниманием и меня – вряд ли молодым девушкам здесь принято наливать коньяк.

Традиции чокаться не было, поэтому каждый глотнул свою порцию в тягостном молчании.

- Разумеется, на то время, что вы являетесь моими гостями, я постараюсь обеспечить все ваши нужды. Например, санги Алуна, не хотите ли вы завтра прокатиться по модным лавкам и пригласить на дом портниху, чтобы поправить недостачу в вашем гардеробе?

Сангир Ланто, похоже, искренне заботился о нас и пытался смягчить неприятное положение, в которое мы попали, но, признаться, нас с Ольгердом его усилия радовали совсем мало. Напрягало то, что от наличия или отсутствия, каких-либо записей в книгах или родовитых предков, он может получить и ограничение в статусе, и еще какие-нибудь дурацкие проблемы.

А больше всего меня напрягало то, что мой статус напрямую связывали с Ольгердом. Обо мне, как об отдельной личности, речь, кажется, не шла вообще.

В доме сангиранта Ланто мы пробыли девять дней – местная бюрократическая машина была нетороплива.

За это и я и Ольгерд поправили свой гардероб, стараясь сильно не обременять хозяина, – брали только самое необходимое. Однако, скучающая сангиранка Фаста ухитрилась затащить меня в модный салон, где заказала два платья для себя и, чуть не силком выпихнув меня к мастеру – один туалет мне.

Это было уже откровенное излишество, да и не самое дешевое – салон изготавливал одежду из ткани с магической обработкой, поэтому, когда мы получили заказ, и сангиранка Фаста заставила меня примерять у зеркала длинное платье цвета лунного серебра, я испытывала не только удовольствие, но и сильную неловкость.

Ольгерду было проще, он обзавелся парой костюмов, похожих на то, что носили местные, и дюжиной рубашек. И больше его никто не таскал по магазинам.

Дни проходили медленно и нудно. Меня утомляла бесконечная болтовня сангиранки Фасты, постоянное присутствие ронсы Норд – ее суеливой компаньонки, разговоры, сводящиеся к тканям, вышивкам и моде, а главное, полная неопределенность наших статусов.

Глава 27

Эту главу я решила не разбивать на два дня - она важная)

Утром десятого дня канцлер Ланто уехал во дворец, однако, вернулся буквально спустя полтора часа, а не перед ужином, как обычно. Он был в приподнятом настроении и, игриво чмокнув жену в щеку, чем вызвал кокетливо-восторженный визг: «Ланто, ты такой хулиган!», пригласил меня и Ольгерда в кабинет. Я поняла, что решение принято.

Однако, то, что мы слышали в кабинете, меня сильно обескуражило:

- ... таким образом, сангир Ольгерд, ваш статус подтвержден. Пусть замок Альенте и остался в том мире, но ваш род жив и здравствует здесь и сейчас. Теперь вы относитесь к роду Салиго. И, разумеется, получите все документы, подтверждающие этот факт! Однако, как вы понимаете, кровное родство между вами и существующей ныне ветвью сангиров Салиго слишком отдаленное. Вряд ли этот клан захочет принять вас - сангир Тресо Салиго, глава семьи, – ближайший сподвижник канцлера Грето. Разумеется, официально вы будете носить фамилию Салиго, но не ждите помощи от семьи. Мне жаль, что так случилось, сангир. Вы случайно попали в круг интересов моего соперника. Если бы вас представлял Верховному и Совету не я – все было бы для вас чуть проще. Но кто мог знать...

- Что случилось – то случилось. – Ольгерд равнодушно пожал плечами. – Я благодарен вам и за помощь и за приют в вашем доме, канцлер. Хороша та помощь – улыбнулся он - которая приходит вовремя!

Возникла небольшая пауза. Ольгерд молчал и о чем-то размышлял, хотя с ним-то как раз все было ясно. А вот про меня канцлер не сказал ничего, однако, пока в разговор я не вмешивалась.

- Сангир Ланто, какое решение принял Совет в отношении санги Алуны? Что с ее статусом?

Канцлер как-то ехидно ухмыльнулся и сказал:

- А вот в отношении санги Алуны, как мне кажется, принято не самое удачное решение, но возможны некоторые варианты. – Он еще

раз ухмыльнулся и добавил: - Очень-очень неожиданные варианты!

Ольгерд удивленно поднял брови:

- Вы не могли бы пояснить?

- Охотно, сангир, охотно! Семья санги Алуны, похоже, прошла портал полностью, посему у нее не будет статуса санги – никаких живых родственников мы не нашли. Более того, по нашим законам, санги Алуна даже не является совершеннолетней! – Он чуть огорченно развел руками. - И канцлер Гредо, подгоняемый, очевидно, исключительно добротой души, предложил отдать несовершеннолетнюю Алуна Лаидо под опеку его семьи, обещая позаботиться о милой сиротке!

Я вспомнила ехидные с подковыркой вопросы канцлера Гредо, какую-то сальную двусмысленность, когда он задавал вопросы о моем отношении к Ольгерду, и внутренне содрогнулась. Становиться подопечной канцлера мне совершенно не хотелось.

- Нет! – наши голоса с Ольгердом слились в один.

Все это время, усадив нас в кресла, сангир нетерпеливо ходил перед нами, как учитель перед классом. Сейчас он приостановился и заулыбался, как мальчишка, которому удалась какая-то шлода:

- А я и не сомневался в вашем ответе, сангир Ольгерд! К сожалению, Верховный счел предложение канцлера Гредо вполне великодушным. Но! – Он поднял вверх палец, привлекая наше внимание: - Но, сангир Ольгерд, из этой ситуации есть прекрасный выход. На данный момент, санги Алуна еще не находится на попечении семьи Гредо, и вы, сангир, можете сочетаться с ней браком по законам того мира – магия брака, насколько я понимаю, осталась единой в наших мирах. Помнится, санги Алуна, вы утверждали, что получили от своей мачехи так называемый «вольный лист»?

Глядя на мое ошарашенное лицо, канцлер засмеялся и добавил:

- Санги Алуна, я охотно взял бы вас под опеку. Но, увы, в этот раз Верховный решил пойти на встречу канцлеру Гредо. А уважаемый канцлер, исключительно, чтобы напакостить мне, скорее всего найдет вам не самого подходящего мужа и будет в своем праве. Однако, сангир Ольгерд, в отличии от него, я вполне способен оценить, что именно вы сделали для моего мира практически ценой собственной жизни.

Канцлер сейчас говорил серьезно, даже шлодная улыбка пропала:

- Поверьте, – он приложил руку к сердцу и поклонился нам – мне неловко объяснять все эти придворные течения в Совете, но канцлер сделает все, чтобы досадить мне – он тоже правильно оценил реакции кольца истины на слова санги Алуны, что вы – ее друг. Он не учел только одного – в юности я был довольно сильным магом огня и до закрытия портала много лет провел на границе с мертвыми землями.

Канцлер на несколько минут умолк, очевидно вспоминая эти самые годы на границе или же дав нам с Ольгердом осмыслить сказанное, а потом очень серьезным голосом добавил:

- В отличие от Гредо, я знаю, что такое боевое братство.

Я почувствовала себя загнанной крысой, ни один из предложенных вариантов не казался мне удачным или даже просто удобным. Я боялась посмотреть Ольгерду в глаза, испытывая дикое чувство неловкости от того, что сангир Ланто напомнил эту реакцию кольца.

В глубине души я давным-давно знала, что глупо, нерационально и совершенно по-девчоночьи влюблена в Ольгерда. Я также знала, что, если возникнет нужда, Ольгерд умрет, защищая меня. Только в отличие от меня, привыкшей к некоторой демократии в общении и жизни, он – дитя своего общества.

Конечно, браки с простолюдинами возможны, но наверняка – нежелательны и сильно сказываются на статусе. Кроме того, я вовсе не хотела этого брака по принуждению еще и потому, что оставаясь прекрасным боевым товарищем, Ольгерд почти никогда не давал мне понять, что я нравлюсь ему как девушка.

Мою душу просто захлестывали различные эмоции, и чтобы позорно не разреветься на глазах у мужчин, я глубоко вдохнула и не стала выдыхать, задерживая в груди воздух сколько могла, раз, и второй, и третий...

- В общем-то, мне кажется, это прекрасное решение, сангир Ланто.

- Я так и подумал, потому позволил себе заехать к ювелиру и привезти вам вот это...

Канцлер сунул руку во внутренний карман колета и бросил на поверхность стола крошечный атласный мешочек, в котором что-то звякнуло. Ольгерд сгреб мешочек со стола, неуклюже развязал

хорошенький атласный бантик и вытряхнул себе на ладонь два кольца с прямоугольными ярко-синими камнями.

- Родовой цвет семьи Салиго – синий – пояснил канцлер – и я осмелился выбрать кольца на свой вкус.

- Я благодарен вам за заботу, канцлер Ланто – серьезно сказал Ольгерд – и чувствую себя обязанным вам.

- Пустяки, мой дорогой сангир, форменные пустяки – небрежно отмахнулся канцлер: - И учтите, как один из государственных служащих, я имею право проводить бракосочетания. Может быть не стоит откладывать?

Ольгерд согласно кивнул, повернулся ко мне и сказал:

- Дай руку, Алуна.

Я спрятала обе руки за спину. Мужчины переглянулись, и Ольгерд несколько неуверенно спросил:

- Что случилось?

- Я не собираюсь выходить за тебя замуж, Ольгерд.

Ольгерд каким-то неуверенным жестом потер висок, беспомощно глянул на сангира Ланто и спросил:

- Лунка, а ты понимаешь, что в противном случае, ты попадешь под опеку канцлера Гредо?

- И канцлер Гредо не станет спрашивать, хотите ли вы выходить замуж за того, кого он приведет вам – несколько раздраженно добавил сангир Ланто.

- Прошу прощения, сангир Ланто...

Ольгерд резко встал, подхватил меня под локоть и вывел за дверь.

- Лунка, ты с ума сошла?! – мне показалось, что Ольгерд слегка злится.

- Ничего я не сошла с ума, но я точно знаю, что браки, заключенные из жалости или из чувства долга, ничем хорошим не кончаются.

- С чего ты взяла, что наш брак будет из жалости? Не понимаю! – Ольгерд помотал головой, как будто пытался стряхнуть с нее что-то.

- Ольгерд, я знаю, ты что порядочный человек и ты обещал защищать меня, я знаю, что ты умер бы, защищая меня, возникни такая нужда, но всю жизнь жить рядом с человеком, женившимся из чувства долга, я не могу!

Лицо Ольгерда закаменело. Он поджал губы и раздувая от злости ноздри шумно вдохнул. Все же военные привычки в нем были очень сильны - молча, не говоря ни слова, он схватил меня за локоть и потащил назад, в комнату. Канцлер Ланто все так же стоял у стола, очевидно, пребывая в некой растерянности. Пожалуй, его даже обрадовал, Ольгерд, попросивший кольцо истины.

Не понимая, зачем ему в такой важный момент понадобился артефакт, я выдохнула и уставилась на ладонь Ольгерда, где золотистым ободком лежало это самое кольцо, с нейтральным сейчас белым камнем, которую он сунул мне почти под нос. Твердо взяв меня за подбородок и глядя прямо в глаза, он сказал:

- Я люблю тебя, Лунка, давно, и как мне казалось – небезнадёжно. Я не знаю, что ты напридумывала себе, и могу одеть это дурацкое кольцо, чтобы подтвердить свои слова, но не хочу этого делать. Скажи, будешь ли ты настаивать?!

Требовательно и даже как-то зло, ни на секунду не выпуская мой взгляд, передо мной стоял Черный Рыцарь закрытого мира, не раз рисковавший жизнью, ради меня в том числе, ни разу мне не солгавший, и ждал моего решения.

Слова Ольгерда о любви встряхнули меня не хуже электрического разряда. Верила ли я ему? Безусловно! Любила ли я его? Больше жизни!

Придя в этот мир, я очень старательно отслеживала свои привязанности и дозировала доверие, стараясь никого не пускать в душу. Даже люди, дарившие мне тепло и заботу, такие как Ангус и Рима, Ингвар и Веста, не смогли пробить до конца тонкую пелену недоверия, в которую я старательно куталась как в кокон, как в доспехи.

Но сейчас, в этот странный и почти публичный момент истины, мое недоверие осыпалось трухлявой ржавчиной, подобно отслужившим свое рыцарским доспехам...

- Тебе не нужно надевать кольцо, Ольгерд. Я верю тебе и без него... – сиплым голосом сказала я. А потом уткнулась ему в грудь и заревела.

Мне еще не доводилось бывать на свадьбах. Поэтому я терпеливо выслушала восторженные поздравления и визги санги Фасты, терпеливо вынесла суету и беготню горничных, которые развили

вокруг меня какую-то сумасшедшую деятельность, терпеливо подписала бумаги в присутствии приглашенного нотариуса о том, что мной утерян «вольный лист». На моем пальце в это время горело зеленым кольцо истины.

Есть а ужином я не смогла, но потрясение от всего было так велико, и так измотало меня, что уснула я мгновенно.

Утром в мою комнату ворвалась целая толпа – три горничных, личный куафер санги Фасты и даже пожилой маленький лекарь, который парой колец-артефактов обследовал меня, важно кивнул головой и удалился.

Горничные поставили меня посередь комнаты и начали одевать как бессловесный манекен, поворачивая из стороны в сторону, подтягивая шнуровки платья, без конца поправляя на мне что-то. Наконец старшая из них велела всем уgomониться и за меня принялся куафер – худощавый седенький старичок с совершенно волшебными руками.

Не зная, был ли он магом, но вкус у него был прекрасный, мне очень нравилось то, что я увидела в зеркале. То самое платье из лунного серебра, тонкая цепочка с крупным сапфировым кулоном, не слишком сложная аккуратная прическа, которая оставляла большую часть волос распущенными по спине, - в таком виде я вышла к завтраку.

Сказать, что я волновалась, это ничего не сказать, но наткнувшись на радостный и восхищенный взгляд Ольгерда, ощутила такую волну тепла и поддержки, что готова была поверить в некую магию, доступную только нам двоим.

После завтрака, в трех открытых колясках, мы поехали в ближайшую государственную контору. Пустая карета с гербами канцлера следовала за нами – забавный обычай этого мира – даже в непогоду на бракосочетание едут в открытых экипажах, как бы делясь радостью с окружающими и показывая, что скрывать новобрачным нечего.

В первой коляске ехали я и Ольгерд. Всю дорогу он держал меня за руку, слегка поглаживая пальцы, а я тихо улыбалась, ощущая какое-то спокойное, умиротворяющее и безбрежное счастье. Следом за нами сангир Ланто, санги Фаста и сангир Кремп – как выяснилось, двоюродный брат сангира Ланто, постоянно проживающий в их доме.

В третьей коляске ехала тетя санги Фасты со своим молчаливым мужем.

И там, в конторе, на время отстранив от обязанностей перепуганного чиновника, канцлер Ланто лично сочетал нас браком с помощью мутновато-белого стеклянного шара, очень напоминающего камень в кольце истины, только вспыхивал он не красным или зеленым, а ярко-фиолетовым, подтверждая наше согласие.

Когда камень вспыхнул последний – третий раз, канцлер разрешил нам обменяться кольцами, лежавшими все это время возле шара. Не знаю, показалось ли мне, или в самом деле, шар поделился с кольцами какой-то толикой Силы, но чистый синий сапфир в кольцах отчетливо стал отливать фиолетовым на свету.

Нам были выданы документы, спешно оформленные местным писцом и заверенные подписями всех присутствующих свидетелей и печатью государственного ведомства. Магической печатью, отливающей официальным, мрачным фиолетово-черным цветом.

Только после этого, отправив домой слегка расстроенную санги Фасту, ожидавшую, что мы проедемся по городу, и свидетелей, канцлер пригласил нас сесть в карету, которая все это время следовала за кортежем, и мы отправились во дворец.

Довольный, как налакавшийся ворованных сливок кот, канцлер Ланто, прихватив одну из копий документа о бракосочетании, отправился на Совет.

Уже привычно, в сопровождении двух лакеев, мы зашли в комнату ожидания, очень похожую на ту, в которой были первый раз. Устроились у окна и тихо разговаривали, обдумывая, как нам жить дальше. Некоторая бытовая беспомощность Ольгерда вызывала у меня улыбку. Однако долго придаваться сладостным разговорам у нас не получилось.

Не прошло и часа, как в комнату за нами вернулся еще более довольный, счастливо улыбающийся канцлер Ланто. Глядя на вскочившего со стула Ольгерда, он легко махнул рукой, показывая, что все в порядке. И уже в карете, по дороге в дом канцлера, мы узнали, что Верховный, своей волей, закрепил за сангиром Ольгердом Салиго и его супругой Алуной Салиго земли замка Минар.

- Сангир Ольгерд, наш Верховный, конечно, еще очень молод, но он умен, и этого у него не отнять, когда ваши деньги пройдут проверку,

боюсь вам придется потратить все на восстановление замка.

- Он в таком отвратительном состоянии?

Канцлер слегка нахмурился:

- Замок каменный, так что вряд ли стены серьезно пострадали, но вот людей на тех землях практически нет, а те пара рыбацких деревушек, что находятся на окраине ваших земель... Ну, вы сами видели, сколь недоверчивы там люди.

И тут до меня дошло - замок Минар, похоже, находится на тех самых пограничных землях, где нас арестовали, где так не любят чужаков, и где в окрестностях полно пустых земель.

Ольгерд растеряно посмотрел на меня, а я ободряюще улыбнулась. У нас есть свое место в этом мире, и я уверена, что мы справимся.

Глава 28

Почти девяносто дней, до момента получения денег, мы провели в небольшом загородном поместье канцлера, что находилось в южном, Приморском районе государства.

На прощанье канцлер, лично провожавший нас до портала, сказал:

- Заодно, санги Алуна, вы присмотритесь к маленькому хозяйству. Не думаю, что у вас есть опыт такого рода. Так что не стесняйтесь, обращайтесь к ронсе Суле со своими вопросами. Она руководит замком уже много лет и прекрасно справляется. Лучшей экономки у меня еще не было. Также разобраться во всем вам поможет ронс Пешт.

И я, и Ольгерд прекрасного понимали, какую большую помощь оказал нам сангир Ланто, без его заступничества мы вполне могли увязнуть в бюрократических разборках и получить кучу неприятностей. Но от нашей благодарности он просто отмахнулся и кивнул на светящуюся арку портала:

- Ступайте, ступайте. Там вас встретят.

Нас действительно встретили. Из портала мы вышли возле большого южного города, где с нашими теплыми накидками смотрелись как белые вороны. С собой у нас был только небольшой кожаный рюкзак со сменой одежды, который заботливо приготовила нам санги Фаста.

Портал мы проходили не одни. Перед нами и после нас въезжали телеги с тюками и свертками. Никаких дежурных солдат с той стороны не было, зато на выходе стояли контролеры с темно-фиолетовыми повязками на рукавах и собирали в казну налог за ввоз товаров. Нам платить не пришлось.

А сразу за низким металлическим забором, который огораживал огромную приемную площадку, к нам подошел почтительно кланяющийся мужчина, который спросил, не в замок ли Листер мы направляемся. Он проводил нас к легкому двухместному экипажу, запряженному крепкой гнедой парой.

Уже сидя в коляске, я с высоты с любопытством оглядела окрестности. Совсем не далеко от портала раскинулся огромный

рынок, где у входа торговали какими-то непонятными плодами, мясом, молочкой и прочими продуктами. Заметив мой взгляд, кучер пояснил:

- Это, санги, только первые два ряда продукты продают, а дальше туда, внутрь, то, что через портал приходит.

- А что вам везут через портал?

- Ткани везут, чай северный везут – очень у нас его уважают. Фарфор афранский везут, попроще какую посуду, ну и, конечно, кованное разное из Тергуса, колечки и сережки для женщин – это из Ангуда поступает. С севера еще кружева завозят.

- Лунка, - вмешался Ольгерд, - попозже мы вполне можем потом заехать на этот рынок, и ты сама все посмотришь.

Возчик, представившийся нам Холтом, истово закивал, подтверждая, что посмотреть можно в любое время.

До замка мы добирались около часа по пылящей дороге, под палящими лучами солнца. Нас изрядно растрясло, да и шерстяное платье оказалось не самой подходящей одеждой. Обливающийся потом Ольгерд скинул колет, оставшись в одной рубашке.

И все равно, я без устали глазела по сторонам, рассматривая небольшую деревушку, по центральной улице которой мы проезжали, высоченные деревья, напоминающие каштаны и липы - они давали довольно густую тень, поля, засаженные ровными рядами каких-то овощных культур. Далеко не все я смогла опознать.

Во дворе очень старого замка, состоящего из большого квадратного донжона и пары башенок поменьше, явно пристроенных позже, на встречу нам вышла уютная пожилая женщина в легком цветастом платье и с простеньким веером в руках. Ее сопровождал лакей, одетый также достаточно легко, он и подхватил наши вещи.

Ронса Сула, вздыхая над неподходящей одеждой, переживая, что мы устали, отвела нас в огромную, восхитительно прохладную комнату, занимающую почти весь второй этаж центрального донжона. Надо сказать, что и меблировка и общий вид комнаты разительно отличались от того, что мы видели в доме канцлера.

Беленые стены, сохраняющие прохладную температуру даже в такую жару, полупрозрачные кисейные занавески на трех длинных узких окнах, которые колыхались под порывами ветерка, с одной стороны, и два окна закрытых очень толстыми, плотными шторами на

противоположной стене. На мой недоуменный взгляд ронса Сула пояснила:

- Это, санги Алуна, солнечная сторона. Приходится занавешивать, иначе в комнате станет жарко. А с той стороны – тень будет почти до вечера!

Больше ни каких тяжелых тканей в помещении не было - полог над кроватью такой же кисейный, как шторы, белое пикейное покрывало на широкой кровати, ажурные плетеные кресла с небольшими цветными подушечками, стол без скатерти из светлой золотистой древесины, пара таких же стульев и яркая, бирюзово-синяя, керамическая плитка на полу – больше всего хотелось снять обувь и пройти по ней босиком.

- Ванна готова, санги, - обратилась ко мне ронса, - но, если желаете, сполоснуться можно и в бассейне.

Этот отдых был, пожалуй, самым восхитительным отдыхом из всех, что я помнила - мы часто купались в крошечном бассейне, три на четыре метра, с настоящей морской водой. Часами бродили по рынку, где я перепробовала все местные фрукты. Много бездельничали и разговаривали.

Кроме того, подражая местным жительницам, я завела себе небольшой гардероб из легких, воздушных тканей. Цветастые платья предпочитали ронсы и крестьянки. Я же, копируя местных санги, выбирала белые, прохладно-голубые и бирюзовые оттенки. Ольгерд в белоснежных рубашках по местной моде и светлых брюках был просто неотразим. Я не раз ловила на нем восхищенные взгляды женщин, но он не видел никого, кроме меня.

Ронса Сула устроила нам очень интересную экскурсию по поместью. Она показывала поля с различными культурами, объясняла, что крестьяне, арендующие землю в поместье, обязаны отрабатывать на господских полях каждые два дня из пяти – это заменяло арендную плату.

- Если вам, санги Алуна, интересно, это лучше к управляющему обратиться, я-то, признаться, из замка редко выбираюсь.

За землями наблюдал ронс Пешт - спокойный мужчина средних лет, который жил с женой и двумя маленькими сыновьями в одной из башен замка. Осенью урожай продавался, при замке оставляли только то, что требуется для прокорма слуг, и деньги отправлялись в столицу

хозяину. С них он уже сам платил налог государству. Земель, кстати, было не так и много, но все шесть полей были засеяны разными культурами.

- Это ронс Пешт сам придумал. Урожай – не урожай, а на уплату налогов всегда хватает, да еще и остается. Не бывает же так, чтобы все сразу не уродилось – похвасталась удачным хозяйством ронса Сула.

Вообще, надо сказать, что держалась она с большим достоинством. В ней не было ни тени надменности, когда она командовала слугами, она ни разу не позволила себе повысить голос, но слушались ее беспрекословно. Все знали, что она обязательно проверит исполнение приказа и, в случае лени и небрежения – строго накажет.

Я даже немного позавидовала санги Фасте – найти такую экономку – это дорогого стоит! Замок, хоть и очень старый, собержался в отменном порядке и всегда был готов принять гостей.

Кроме полей и прекрасного старого сада при замке ездили смотреть, как организованы две небольшие фермы и крошечная сыроварня, на которой работала одна семья.

Пожалуй, стоит завести и себе такие. Мне очень нравилось то, что я видела. Многоплановое хозяйство казалось менее рискованным.

Кроме того, ронса Сула охотно показала мне весь замок, объясняя сколько прислуги и для чего нужно, рассказывая кому, сколько и как платить, какие заготовки она делает на зиму и сколько запасов считает нужным держать.

Признаться, я была потрясена объемом знаний почтенной ронсы. Женщина не кончала ни каких курсов и академий, но за эти годы выработала удобную и гибкую систему управления, которая работала просто отлично. Мне становилось боязно – справлюсь ли я с таким. Тем более, что Ольгерд при первой же возможности сбегал от рассказов ронсы Сулы. Хотя с ронсом Пештом он объездил все прилегающие поля лично и имел долгие доверительные беседы.

Понятно, что в нашем замке все будет немного другое, начиная от растений и климата, и кончая внутренним убранством, но для меня эти дни стали прекрасной школой – я примеряла на себя обязанности хозяйки и многому научилась.

За эти дни мы свели знакомство с несколькими соседями, которые приглашали нас то на обед, то на приятный семейный ужин, и сами

охотно заезжали к нам.

Я заметила, что южане отличаются от жителей севера и центра страны некоторой беспечной ленью и болтливостью. Семьи были большие, в некоторых по шесть-семь детей, какие-то двоюродные тетушки и дядюшки, и зачастую – ближайшие соседи, которые заезжали на два-три дня.

Часто устраивались пикники, совместные празднования всего на свете – например – помолвок или дней взросления – так называли здесь дни рождения. Особенно суматошно это проходило, если день взросления отмечали детский.

И для меня, и для Ольгерда это было несколько утомительно, но мы терпели, не желая портить репутации санги Фасты, как одной из самых гостеприимных хозяек округи. Многие соседки, особенно молодые, были разочарованы мыслью о том, что в этом году санги Фаста не приедет на летний сезон.

Из всех окрестных сангиров больше всего я симпатизировала санги Лилен. Миловидная, молодая вдова с двумя очаровательными и спокойными близнецами пяти лет. Маленький крепыш Терк, названный в честь отца, и забавная малышка Мида. Как рассказала мне одна из соседок, муж санги Лилен трагически погиб накануне рождения близнецов.

Именно на день взросления малышей я и решила преподнести ей необычный подарок, не столько, правда, ей, сколько всем вокруг. Я долго объясняла Ольгерду, что именно хочу получить, но он совершенно не понимал меня, что совсем не помешало ему оплатить мой каприз.

Пробойники мне изготовили в местной кузнице, недорого и достаточно быстро. Кузнец-маг только подивился нелепому заказу, но на следующий день я получила, все что хотела. В красителях тоже недостатка не было. Тем более, что мне не требовалась стойкая краска – мне требовалась яркая. Так что тут вообще обошлось без применения Силы.

Тонкие листы бумаги я лично окрашивала с обеих сторон, и они мгновенно высыхали на южном солнце. Складывала стопку из пяти-семи листов, и Ольгерд, с помощью молотка и пробойника получал с одной такой закладки большую горсть яркого конфетти в виде кружков, звездочек, квадратиков или крошечных бабочек.

Как я уже говорила, магия исчезала гораздо медленнее, да и сами маги были сильнее – они не потеряли столько силы при закрытии портала.

А на сам день взросления малышей я пригласила мага-воздушника, который за совсем небольшую плату устроил целое представление, собирая тысячи и тысячи разноцветных клочков бумаги то в длиннющую яркую спираль серпантина, то в прекрасную бабочку, то в огромную, машущую крыльями, птицу.

Близнецы и их маленькие гости визжали от восторга! Надо сказать, что и взрослые санги не далеко ушли от них - таких развлечений у них еще не было!

Технологию изготовления конфетти я рассказывать не стала ни соседям, ни любопытствующей ронсе Суле. Догадаются сами - хорошо, нет - значит, и не нужно.

Зато, подробно расписав способ изготовления на бумаге, я сложила в корзинку несколько горстей готовых изделий, свернутых в трубочку окрашенных листов и туда же добавила пробойники. Все это я вручила ронсе Суле с наказом передать хозяйке, санги Фасте, когда она приедет на отдых – мне хотелось отблагодарить семью канцлера за заботу хотя бы такой мелочью. А особенно – саму санги Фасту за тот тайный подарок, который она сделала лично мне перед отпуском.

В целом наши дни были насыщены разговорами, учебой и различными, совершенно новыми для меня и Ольгерда фактами и явлениями.

В частности, мы посетили очень интересное место. В поместье сангира Байто была организована небольшая фабрика, где производили ароматические масла, из которых потом в столице изготавливали самые модные духи.

Я с любопытством оглядывала огромные чаны, бесконечное количество каких-то перегонных аппаратов, но долго там пробыть не смогла – знойный, душный воздух цеха вызывал головную боль. Зато там я от души закупила различные сорта масел для подарков.

Вообще, это лето многому научило нас.

Я помню, как поразился Ольгерд, узнав размер государственного налога:

- Знаешь, Лунка, дома все эти проблемы сперва решал отец, а потом взвалил на себя ронс Горза. Я, признаться, не думал, что все так

сложно.

Был один достаточно забавный и странный момент. Помня о разных способах, которыми книжные попаданки пользовались, чтобы обеспечить себе безбедное существование, я начала предлагать Ольгерду некоторые варианты:

- Можно попробовать делать керамику, если найдется нужная глина, или, если земли окажутся подходящими заложить плантацию чая. Ты сам видел, что здесь он пользуется спросом.

На такие мои подкаты и предложения Ольгерд всегда улыбался и соглашался, говоря:

- Радость моя, все что ты захочешь!

Я упорно продолжала перебирать различные варианты, пока однажды Ольгерд не спросил меня с любопытством в голосе:

- Лунка, скажи, неужели, ты действительно считаешь, что как хозяин замка, я - безнадежен?

Я слегка смутилась:

- Вовсе нет. Просто я не понимаю, чем мы будем заниматься.

Ольгерд подхватил меня на руки, покружил по комнате, где мы отдыхали после очередного похода на рынок, и, чмокнув в нос, торжественно произнес:

- Радость моя, ты можешь заниматься любым делом, которым захочешь, всеми вместе или никаким, но обеспечивать твою жизнь должен муж! Если ты еще не забыла, то как раз я таки и являюсь твоим мужем! - Он сурово хмурил брови, но глаза его смеялись.

- Ольгерд, я просто волнуюсь о нашем будущем!

Очень строгим тоном он ответил:

- Волноваться о будущем должен мужчина! Дело женщины – тратить деньги! Надеюсь, ты с этим справишься?

Этот разговор чуть не привел к первой размолвке между нами - Ольгерд действительно не понимал меня. До тех пор, пока до него не дошло, что я обязательно хочу знать, чем он будет зарабатывать на жизнь, и собираюсь не только тратить деньги, но и участвовать в пополнении семейного бюджета, он отшучивался. Однако поняв, что я уже злюсь, начал объяснять:

- Лунка, даже если у нас не хватит денег отремонтировать замок полностью, мы отремонтируем часть его, в которой сможем жить с

удобствами, а на следующий год я собираюсь набрать учеников. Канцлер обещал помочь мне в этом.

- Учеников?! – признаюсь, я растерялась, - каких учеников?

- Твой муж, если ты вдруг забыла, неплохой мастер мечевого и сабельного боя, так что желающих поучиться у меня будет достаточно. Разумеется, я собираюсь обучать гердов, а не солдат.

Признаться, я о таком не думала. Мне всегда казалось, что должны существовать какие-то, давно организованные Верховными, школы и академии, раз уж этому государству нужны военные. Однако выяснилось, что такие школы существовали только для солдат, а вот чтобы стать гердом, нужно было сдать приличный экзамен, который включал в себя, помимо умения владеть оружием, еще и прочие интересные штуки.

Например, герду, собирающемуся служить в приграничном районе, требовалось хорошее знание языка Шариатского Хараджа, если герд собирался служить в приграничье Великой пустыни Санхай – он должен был знать не менее трех наречий баутидов – местных кочевых племен. В лесных районах требовалось умение ходить по лесу, не оставляя следов, поэтому герды там старались брать уроки у охотников.

Все эти вещи Ольгерд рассказывал мне с совершенно невозмутимым видом.

- Но, Ольгерд, когда ты успел все это узнать?!

- Лунка, милые пожилые сангиры, с которыми я, иногда, выпиваю пару бокалов вина – почти все прошли военную службу в различных местах. Сама понимаешь – им приятно найти нового слушателя.

В общем-то в такой системе обучения был определенный смысл. Если перевести на наши звания, то герд – это что-то вроде сержанта, а старший герд, пожалуй, равнялось лейтенанту. И поскольку страна была огромной, то и условия службы требовали очень разных знаний.

Экзамен герды и старшие герды сдавали непосредственно крангу – этакое среднее воинское начальство, с которым потом и служили весь срок контракта. Система для меня непривычная, но работающая в этих условиях. Да и потом, ничего особо толкового об организации армии Земли, я в общем-то и не знала, так что не мне и судить.

Однако то, с каким усердием Ольгерд учился всему этому, как грамотно собирал сведения, внушало мне уважение к моему мужу – я

точно знала, что не ошиблась в нем. И дело было не только в моей любви. Все эти знания, которые так неожиданно вывалились на меня, являлись доказательством надежности моего мужа. Он готов учиться и пробовать разное, лишь бы обеспечить наше будущее.

Эта беседа, как ни странно, сблизила нас еще больше. Теперь мы часто обсуждали планы и Ольгерда и мои, искали в них недостатки, вместе решали, что и как лучше организовать.

Думаю, мой интерес к его занятиям казался Ольгерду странноватым, но он принимал меня со всеми моими тараканами и ближе к концу отпуска, однажды, когда мы уже тихо поужинали вдвоем и пили изумительный фруктовый сок в спускающихся сумерках, отдыхая в беседке сада, сказал:

- Я только теперь начинаю понимать, радость моя, как мне повезло, что ты согласилась стать моей женой. Я люблю тебя и принял бы любое твое решение, например, - спихнуть дела на управляющего. Но ты и в браке остаешься моим другом и соратником. Это очень необычно, Лунка, но я счастлив, что могу делиться с тобой планами и обсуждать дела. Мало кому из моих знакомых так повезло. Ты – мое счастье, Лунка.

Глава 29

Наше возвращение в столицу совпало с сотым днем – как и всегда канцлер проявил заботу о своих гостях, потому прямо от портала мы заехали в контору, где хранились наши средства, и в дом канцлера вошли уже вполне состоятельными людьми, имеющими на руках двенадцать сертификатов на наше золото. Именно на такое количество частей Ольгерд счел нужным разбить все средства.

За время отпуска канцлер успел отправить в наш замок небольшую команду и, к возвращению, мы имели подробный план замка, опись его состояния, четкий список необходимых для ремонта инструментов, материалов и рабочих рук, а также с десятков адресов, где можно приобрести все необходимое, не торгуясь и не рискуя быть обманутыми.

В качестве бонуса санги Фаста приложила уже лично для меня небольшой список магазинов и лавок средней руки, где можно купить такие скучные для нее вещи, как глиняная или медная посуда, ткани на полотенца и постельное белье и прочие подушки-пледы-одеяла. Все эти лавочки находились на окраине столицы и цены были там гораздо более приемлемые, чем в центральных магазинах.

- Не сердитесь, санги Алуна, - извиняющимся тоном проговорила санги Фаста. – Понимаете, муж очень-очень настаивал, чтобы я не вносила адреса модных салонов.

Чувствовалось, что милая, но легкомысленная санги Фаста испытывает неловкость за то, что предлагает таких скромных поставщиков. Канцлер с улыбкой покивал головой. Однако я была очень благодарна сангиру за его предусмотрительность – ремонт в замке предстоял не такой уж и маленький и траты следовало контролировать.

Дождавшись, когда мужчины допьют взвар и встанут из-за стола, санги Фаста глянула на мою руку, улыбнулась и тихонько, чуть смущенно, спросила:

- Пригодился сувенир?

- Более чем! – ответила я, и мы дружно рассмеялись.

У самой санги Фасты было двое детей, старший сын – подросток, наследник и гордость отца, которые сейчас находился дома, но уже в зиму должен был уехать в какой-то пансион и девочка на год младше брата, которую родители на все лето отпустили в загородное поместье к родственникам.

Еще до нашего с Ольгердом отъезда санги Фаста подарила мне тонюсенькое золотистое колечко с крошечным желтым камушком – его я, не снимая, носила на мизинце. Отдавая мне кольцо, санги несколько смущалась:

- Понимаете, санги Алуна, любовь мужа – это, конечно, прекрасно... Вы такая юная и неопытная... Как бы это сказать...

Наконец она собралась с духом и пояснила:

- Этот артефакт следует носить, если вы не хотите торопиться с детьми. – И мило порозовела.

Похоже ей было неудобно разговаривать с девушкой на такую тему, но ее забота очень тронула меня. Разумеется, у нас с Ольгердом обязательно будут дети! Но возможность регулировать этот процесс – дорогого стоит.

Да и сейчас хозяйка предлагала мне отличную помощь:

- Сама я, признаться, не слишком люблю заниматься хозяйством, потому муж и нанял в дом управляющего. Но если позволите, я хотела бы вам порекомендовать...

Санги Фаста выделила мне в помощницы свою обедневшую тетюшку, ту самую, что постоянно жила в ее доме со своим молчаливым мужем и была свидетельницей на нашей свадьбе - санги Брон. За это я была ей очень благодарна и сообщила, что оставила для нее в южном поместье маленький сюрприз.

- Какой?!

- Бессмысленный, но приятный! – засмеялась я.

Следующие десять дней вылились в бесконечную суматоху и беготню. Очень большой расход предстоял не только при найме людей, но и при доставке служащих и вещей к месту – предстояло оплатить проход через два портала. Слабо представляя, что лучше купить здесь, а что ближе к замку, я только радовалась толковой помощнице.

Санги Брон была не болтлива, деловита и удивительно экономна. Мы быстро нашли общий язык, мотаясь в коляске, любезно предоставленной канцлером, по окраинным лавочкам и магазинам.

Она четко соотносила цену и качество товара, именно она помогла мне сэкономить приличную сумму на постельном белье и тех самых подушках-одеялах.

Вычислив подходящий для нас магазинчик, санги предложила мне заказать все в одном месте с тем, что доставка до замка будет произведена за счет продавца:

- Думаю, санги Алуна, это хорошее предложение для хозяина. За такой большой оптовый заказ обязательно полагается приличная скидка! Вот и пусть он вместо скидки займется доставкой. Вам хватит хлопот и без этого.

Пока мы мотались с санги Брон по делам, мы часто разговаривали и, понемногу, я узнала историю санги.

Десять лет назад в приграничной зоне с разницей в два дня погибли оба их сына. Это очень подкосило здоровье сангира Перона. Именно с тех пор еще крепкий бывший маг-огневик стал так молчалив, а семь лет назад, решив продать свое небольшое поместье, где все напоминало о сыновьях, и переехать в какую-нибудь глушь, муж с женой стали одними из первых жертв интриг Шарийского Хараджа – золото, полученное за поместье оказалось фальшивым и они разорились почти полностью.

- У нас осталась крошечная сумма, которая позволяет нам прилично одеваться. Может быть, где-нибудь в глуши, мы смогли бы прожить и на свои деньги, если бы не брали прислугу, но здоровье Перона уже не то, и я очень благодарна племяннице и ее мужу, что мы имеем стол в их доме. Надо сказать, Перона, конечно, расстраивает, что мы с ним, по сути, - нахлебники, а не гости, так-то он у меня человек мудрый и распорядительный, я бы за ним куда угодно пошла. Только здоровья у него уже не хватит, например, дрова колоть.

После некоторых раздумий и совещаний с Ольгердом, я решила спросить у санги Брон, не захочет ли она перебраться к нам в замок, чтобы стать моей помощницей.

Во время разговора, я расстелила на столе карту.

- Вот смотрите, санги Брон, на весь замок у нас сил не хватит, поэтому в первую очередь отремонтировать будем вот эту башню.

Я водила по карте пальцем, а санги Брон с большим интересом следила за мной.

- Вот поэтажный план. – Я открыла следующий лист. – Вот центральный вход в башню, вот это кухня, а вот здесь, смотрите... - я постучала ногтем по плотному листу бумаги: – Две небольших комнаты, которые я планирую отдать семье помощника. В одной можно устроить спальню, а во второй – небольшую гостиную. Разумеется, комнаты будет убирать горничная, да и с питанием проблем не будет, плюсом к этому идет зарплата. Так что обсудите, пожалуйста, мое предложение с сангиром Пероном.

Санги Брон не стала говорить, насколько ее заинтересовало это предложение, но уже на следующий день, с утра к Ольгерду явился сангир Перон и, после небольшой беседы, семейная пара была принята на службу.

Пожалуй, это был самый разумный расход за все время. С помощью санги Брон в мгновение ока был укомплектован штат прислуги. Она лично изучила рекомендации от прежних хозяев, куда-то съездила, с кем-то пообщалась и, отвергнув двух поварих и трех горничных, буквально на пятый день пригласила меня в холл, где и представила небольшую команду.

Прачка – средних лет женщина со слабым водным даром, вдова с двумя детьми.

Повариха – солидная, дородная дама ронса Була с прекрасными рекомендациями. Щупленький мужчина ронс Ферд – муж поварихи, маг-природник, который будет заниматься садом, чем-то он напомнил мне ронса Ингвара, он так забавно смотрелся на фоне своей крупноформатной жены, что я невольно улыбнулась и получила в ответ робкую, но чуть шkodную улыбку садовника. Дети этой семейной пары оставались в городе, сын был давно женат, дочь замужем, и они искали себе тихое место.

Следующая семейная пара состояла из старшей горничной ронсы Лезы и ее мужа ронса Хайна. Ронс Хайн будет следить за ремонтом замка, а после поддерживать все его части в рабочем состоянии. Кроме того, присутствовали еще две горничные Зуна и Крита, миловидные, скромные девушки, собирающиеся зарабатывать себе приданое.

К концу десятого дня я была выжата, как лимон, а Ольгерд, как мне кажется, обзавелся новыми морщинками. В который раз перебрав все бумаги, справки, расчеты и документы, мы без сил свалились в

кровать, и даже колечко ронсы Фасты нам не понадобилось. Отъезд был назначен на следующее утро.

Решив, что в этой жизни нам слишком везло, судьба ознаменовала первый день нашей самостоятельной жизни проливным дождем. В огромном холле мы попрощались с канцлером, крепко обнялись с санги Фастой и, накинув плащи, вышли на улицу.

Я не боялась за барахло – все было надежно упаковано, зато боялась простудить людей. У всех были водонепроницаемые накидки, но в небольшую карету, которую для меня купил Ольгерд, я усадила не только санги Брон с мужем, но и повариху, и старшую горничную. Ольгерд ехал во главе обоза, спрятавшись в огромный серый плащ с магической пропиткой.

Домашнее барахло, посуда, личные вещи слуг, сами слуги, четверо мастеров, которые должны были набрать бригады на месте, – все это вылилось в обоз из девяти телег.

Нам предстояло трехдневное путешествие до ближайшего грузового портала. Повезло в том, что столичные дороги, проложенные в древние времена лучшими магами, практически не требовали ремонта, карета мягко катила по ровному покрытию и почти все мы подремали первый день под мерный стук дождя.

Это был один из самых используемых торговых трактов и, благодаря отвратительной погоде, свободного места в трактирах для нас не нашлось. Лучшее, что смогли нам предложить – огромный сарай, наполовину забитый сеном. Так что на этом сене мы и ночевали, подстелив кто что смог.

Конечно, нам с Ольгердом, как сангирам, следовало остаться в карете, но модель была самая простая, не предназначенная для дальних путешествий и диванчики в ней не откидывались, а Ольгерд не помещался поперек. Эта ночевка на сене обоим нам напомнила дорогу с Хартом, так что уснули мы с улыбкой, не смотря на то, что ронса Була зверски храпела всю ночь по соседству.

Следующая ночевка была удачнее. Нам досталась комната в трактире, где я даже смогла помыться, кроме того, ливень почти закончился, осталась только мерзкая морось. Вечером третьего дня мы прошли очередной портал и вышли в окрестностях замка рыцаря Кетро.

Здесь нас уже ждали слуги рыцаря. Самому сангиру Кетро, в знак благодарности за дружеское отношение и помощь, мы с Ольгердом привезли в подарок огромный ларец, заполненный разноцветными флаконами с южными ароматными маслами:

- Сангир Кетро, надеюсь, что этот маленький сувенир сделает ваши прекрасные горячие ванны еще приятнее. – Ольгерд был очень серьезен.

Встречающий нас рыцарь Кетро засмеялся, передал тяжелую коробку лакею и сказал:

- Я рад вновь приветствовать вас в замке! К тому же понял ваш намек, сангир Ольгерд! Все готово и вы можете попасть в эти приятные ванны хоть сейчас – заодно и согреетесь.

И эта ночь со всеми удобствами в уютной спальне вернула мне силы.

К собственному замку мы попали далеко не сразу.

Сутки мы восстанавливали силы в замке рыцаря Кетро и давали отдых коням. Заодно выслушали несколько дружеских и очень толковых советов от будущего ближайшего соседа.

Утром, пройдя через портал, оказались в паре часов езды от той самой деревушки, где нас арестовали.

Теперь нас сопровождало намного больше телег, так как часть товара для ремонта были закуплены в городке, что располагался рядом с замком рыцаря Кетро. Кроме того, там же, у замка было нанято несколько ремонтных бригад и, по рекомендации рыцаря, отряд военных для охраны.

- Это, сангир Ольгерд, бойцы хорошие. С гердом Крогом мне даже послужить пришлось в свое время, так что его отряд смело можно брать на службы.

Одну из телег нам загрузили, по предложению сангира Кетро, плотными, непромокаемыми армейскими пологами.

- В замке вашем я был лет пять назад, проверял и запечатывал. Думаю, жить в нем сразу вы не сможете, недели две, а то и больше придется вам ночевать на улице. Так что пологи вам пригодятся. А потом вернете. Да не благодарите, это у меня еще с военных времен осталось.

Дорога в наш замок лежала чуть в стороне от самой деревни, но улыбающийся Ольгерд, оставив обоз дожидаться нас, прихватил с

собой только солдат и нанес трактирщику этакий визит вежливости. Усадив военных пить прохладный взвар, он потребовал от трактирщика пригласить к нему старосту. Я в это время наслаждалась миской чудесного деревенского творога, щедро сдобренного сливками и медом, и с любопытством наблюдала за разворачивающимися в трактире событиями.

Толстяк, уважительно глядя на охрану и нашу достаточно дорогую одежду, отправил за старостой белобрысого мальчишку-сына.

Ронс Стун, деревенский глава, прибыл в трактир минут через двадцать. Полностью седой, какой-то узловатый, но еще крепкий старик.

«Встреча на высшем уровне» прошла в теплой, дружественной обстановке. Слегка робеющий староста, получил в руки стопку бумаг, которую с трудом, забавно шевеля губами, прочитал, водя корявым пальцем по строчкам.

- Так это что, почтенный сангир, теперь выходит? Что ли и Ракушки, и Соленое, и Бычий Рог, и мы – все ваше будет?

- Да.

- Так и налоги теперь вам сдавать?

- Да.

- А еже ли, допустим, снова сборщики приедут? За прошлый-то год мы все сдали – недоимок нету.

- К концу месяца я пришлю управляющего, которому ты и представишь отчет. Надеюсь, там все окажется в порядке. А сборщики больше не приедут – земли дарованы нам с женой самим Верховным.

Я с трудом сдерживала улыбку, видя, как резвится Ольгерд, но решила, что он все же перегибает палку - бедолага-трактирщик, понимая, кого арестовали в его таверне, так перенервничал, что начал машинально выдирать нитки из висящего на плече полотенца, к концу разговора таких ниток перед ним на прилавке была уже целая кучка.

Сообразив, что не стоит так пугать людей, Ольгерд на выходе, положил перед толстяком на прилавок достаточно крупную монету и поблагодарил за отличный взвар.

Я прямо увидела, как страх отпустил трактирщика, как вольно и с облегчением он вздохнул, вытирая крупные капли пота на лбу.

- Благодарю вас ронс за чудесный творог – даже в столице не подавали вкуснее!

Пухлый дядька нежно зарозовел и кланяясь, начал обещать к следующему нашему приезду какой-то изумительный сыр.

За дверями трактира нас ждали жители переполошенного села. Я поразилась скорости, с которой новость распространилась по деревне. Староста, следующий за нами, остановился, обвел взглядом односельчан и строгим голосом провозгласил:

- Так что вот это вот – новый хозяин земель и супружница его Сангир Ольгерд Селиго и санги Алуна Селиго. Так что теперь налоги не сборщику сдавать будем, а назначенному управляющему.

Толпа неуверенно загудела, и чей-то женский голос чуть истерично выкрикнул:

- А сильно ли налоги поднимете, сангир? Ведь и так платим из последних сил.

Многие женщины, да и мужчины, закивали, подтверждая, что – да, из последних сил! Ольгерд вскинул руку и мгновенно добился тишины.

- В этом году налог поднимать не буду, а если выплатите аккуратно, то и в следующем не буду.

В толпе вновь поднялся гул, значительно более радостный. Усадив меня в карету, Ольгерд поманил пальцем того самого мальчишку, которого трактирщик отправлял за старостой.

- Тебя отец зачем отправил? - Дык, старосту позвать, - неуверенно пробормотал он.

- А зачем же ты растрезвонил на всю деревню? – Дык, я только я только тетке Луте сказал, а больше никому.

Ольгерд усмехнулся и выдал парнишке мелкую медную монету.

- Вот это тебе за работу, а это тебе за лишнюю болтовню, - он легонечко щелкнул мальчишку по носу. – И запомни, болтун – находка для шпиона! – строго добавил Ольгерд.

Рыбаки и их жены, которые до сих пор не расходились, очевидно дожидаясь нашего отъезда, чтобы потом, в приватной обстановке всласть обсудить новости, заулыбались, глядя как сын трактирщика рассматривает монету, похоже и поступок Ольгерда, и его слова пришлись им по душе.

- Слухай, что сангир велит, Тимон. – Пробасил один из рыбаков. – Завсегда ты болтаешь слишком много.

Кажется, официальный визит можно было считать удачным и завершенным, так что мы с чистой совестью вернулись к нашим спутникам – оставалась еще пара часов пути до замка.

Глава 30

Я выбралась из кареты и с любопытством и некоторым страхом рассматривала свой новый дом.

Он был достаточно велик и представлял собой три огромных высоких башни, каждая этажей по пять, встроенных в крепостную стену. Гигантский треугольник составлял внутренний двор. Его центральная часть была отведена под небольшой сад. Ронс Ферд озабоченно покачал головой:

- Даже сюда серый вьюн добрался!

Я недоуменно посмотрела на него.

- Да вон же сад, санги Алуна, глядите!

Он нетерпеливо тыкал рукой в сторону деревьев. И только сейчас я заметила, что среди багрянца и золота осенней листвы мелькают неопрятные серые клочки.

- Ежели с ним не бороться, он за несколько лет все деревья высушит! Ну, ничего-ничего... Щас мы его...

Вооружившись пилой, секаторами и прихватив какого-то зазевавшегося ремонтника в помощь, хлопотливый ронс Ферд рванул спасать сад.

Первое, что осмотрели мужчины и признали годным – ворота. Их заперли, снова открыли, и после этого поступила команда разгружаться. Двор моментально превратился в муравейник.

Мощный камнем, он почти не требовал ремонта – только нужно смести старую облетевшую листву и наломанные ветром сухие ветки, лежащие по углам. К внутренней стороне одной из стен плотно прилепилось длинное одноэтажное здание. Крыша казалась совершенно целой, и именно туда Ольгерд приказал сгружать мешки с цементом, ведра гашеной извести, какие-то трубы и все остальное добро.

Кроме любопытства я чувствовала некоторую оторопь. Разумеется, как и большей части людей, мне приходилось делать дома косметический ремонт, но все же громада замка меня сильно впечатляла.

Однако, слишком уж бояться и пугаться было некогда – прежде, чем пойти осматривать наш дом, Ольгерд выделил мне двух рабочих. Вместе с ними и ронсой Булой мы принялись обуустраивать место, где первые дни будем готовить пищу, где можно будет отдохнуть и спрятаться от дождя.

Не желая мешаться под ногами мужчин, места для отдыха, еды и ночлега я решила организовать за стенами замка. Оставив рабочих перетаскивать из телег нужные нам вещи, я прихватила санги Брон, и мы пошли прогуляться в сторону редкого молодого леска – нам нужна была вода.

Разумеется, в замке был колодец и даже, как говорил Ольгерд, водопровод, но рисковать быть пришибленными булыжниками или мешком цемента, мы не хотели. Небольшой чистый ручеек нашелся шагах в двадцати-тридцати от стен замка.

Тут же обнаружилась достаточно ровная площадка, где мужчины установили пологи, выложили камнями кострище, укрепили над ним металлические треноги, и ронса Була торжественно повесила над огнем несколько больших котлов, собираясь готовить обед.

Общее число нанятых рабочих, прислуги и военных было достаточно велико, и я понимала, что ронса Була просто не справится, поэтому отдала ей под начало всех горничных – убирать в комнатах было пока невозможно за неимением самих комнат.

Думаю, нам придется нанять почтенной ронсе кухонных помощников, одна она точно не справится.

Санги Брон осталась руководить процессом, строго гоня рабочих, то за дополнительными скамейками, то за очередным мешком крупы, следила, чтобы воду от ручья носили мужчины и всецело была занята организацией. Я чувствовала себя немножко не у дел, но та же санги Брон, при моей попытке присоединиться к чистящей овощи Крите, так неодобрительно покачала головой, что я отложила нож, помыла руки и побрела к замку.

С мужем мы столкнулись в воротах.

- Как ты кстати, радость моя. Я как раз шел за тобой, пойдем, я что-то хочу тебе показать.

Ольгерд повел меня к дальней башне, попутно объясняя, что она самая целая из всех, требует совсем небольшого ремонта, и буквально

дней через десять нам с ним придется возвратиться к сангиру Кетро и закупить мебель.

- Или, может быть, дешевле будет привезти мастера прямо сюда?

- Не знаю, Ольгерд. Я еще очень слабо себе представляю, что из мебели нам может понадобится.

- Вот сейчас и посмотришь.

У распахнутых настежь дверей Южной башни, как назвал ее Ольгерд, стояла почти полностью груженная телега с парой впряженных лошадей. Груз был весьма своеобразный - куча какого-то невразумительного хлама, а снующие туда-сюда рабочие тащили прогнившие деревяшки, трухлявые куски рассыпающейся ткани и обломки мебели.

Мы прошли внутрь, и я поразилась размеру зала. Почти все внутренние перегородки в огромном каменном квадрате были разрушены и сейчас рабочие старательно доламывали их.

- Все это нужно менять, - небрежно махнул в сторону суетящихся людей Ольгерд. — А нам с тобой, Лунка - на самый верх.

По вполне удобной каменной лестнице мы поднимались все выше и выше и, на каждом следующем этаже, картина была столь же безрадостной — разломанные, сгнившие перегородки, вырванные двери, местами прогнившие полы. На последнем этаже уцелело почти все. Толи нечисть сюда не добралась, то ли здесь просто не было боев. Но в комнаты меня Ольгерд не пустил.

- Алуна, башня долго стояла без присмотра, дерево прогнило, я не хочу, чтобы ты сломала ногу.

- Ольгерд, но должна же я прикинуть планировку, и еще, мне не нравятся окна, они слишком крошечные и узкие. Нельзя ли их немного расширить?

- Лунка, дня за два здесь разгребут весь мусор и проверят жилье на безопасность. Вот тогда ты и сможешь прямо на плане начертить, где тебе нужно окно побольше или комната поменьше. А пока, радость моя, ходить туда не надо.

- Зачем же ты притащил меня сюда?

- Пойдем, думаю - тебе понравится!

Ольгерд вывел меня на крышу, на огромную ровную площадку каменного квадрата со сторонами метров десять каждая. Крышу

опоясывал каменный же бордюр, который доставал мне до плеча. Зрелище с высоты открывалось изумительное!

Пологая гора, та самая, по которой мы спускались с Ольгердом от портала, покрытая огненно-ярким молодым осенним лесом, казалась роскошным куском вышитой парчи. Местами серебряными нитями мелькали ручейки и речушки. Даже прохладная морось в воздухе не умаляла красоты этого места. Напротив, когда слабые солнечные лучи пробивались через затянутое тучами небо – лес просто оживал, переливаясь радужными всполохами яркой влажной листвы.

Недалеко от выхода на крышу лежала странная куча земли, поросшая какой-то непонятной, уже засохшей травой. Вокруг валялись глиняные черепки и несколько огромных треснувших горшков с землей внутри.

- Что это? – с любопытством уставилась я на улыбающегося Ольгерда.

- Это – будущий цветник!

- Это - цветник?! – изумилась я.

- Да! – со смешком подтвердил Ольгерд.

Я еще раз глянула на непонятную кучу и только сейчас заметила, что основу кучи составляет прогнившая и сломанная штукovina из трех широких ступеней. Все встало на свои места – когда-то на этих ступенях стояли горшки с землей, а в них выращивали цветы. Я еще раз оглядела площадку и спросила:

- Ольгерд, а на других башнях тоже так? Я почему-то всегда думала, что на таких площадках стоят караульные.

- Сейчас в караульных нет особой нужды, Лунка. Достаточно оставить пост на одной из башен и пустить охрану по крепостной стене. Так что, если хочешь, можешь прямо сегодня садиться за бумаги и придумывать свой будущий личный сад.

Я обняла мужа, крепко прижалась к нему и вдохнула самый родной запах – он меня всегда успокаивал - Ольгерд пах счастьем и надежностью.

Часть рабочих предпочитала ночевать под крышей, часть приходила на импровизированную кухню и ночевала под пологами, а для нас с Ольгердом и служащих было поставлено несколько палаток.

На третий день утром, рядом с нашей палаткой установили наскоро сколоченный стол, полог и я принялась планировать

внутренние помещения. В помощь мне был приставлен ронс Хайн, с которым мы бесконечно спорили.

Он терпеливо и доходчиво объяснял мне, почему нельзя расширить окна до нужного мне размера на первом этаже, почему нельзя, чтобы дверь в эту комнату на втором этаже открывалась внутрь, а не наружу, почему вот тут вот - он тыкал пальцем в чертеж - обязательно должна быть стена и так далее. К вечеру голова у меня раскалывалась, но мы честно доделали план, предусмотрев, как нам казалось почти все.

Ронса Була с помощью горничных обеспечила горячую трехразовую кормежку. Единственное, из-за чего она переживала, это что блюда были недостаточно «деликатны» для сангиров. Почти каждый вечер она извиняющимся тоном говорила:

- Вот совсем это не дело – благородных сангиров кашей кормить! Да и суп в обед самый простой. Ну, санги Алуна, я вот тут немножко времени выкроила – попробуйте...

Под эту воркотню нам ставилось какое-нибудь «отдельное» блюдо, типа крошечных медовых лепешек или творожных шариков. Почтенная ронса никак не могла себе представить, что в пути нам с Ольгердом приходилось есть и попроще – о подробностях нашего появления в этом мире знали только санги Брон и ее муж. Для всех остальных – Ольгерд недавно получил замок в наследство.

Однако Ольгерд каждый раз хвалил ронсу Булу за попытку «побаловать» и с ужасно важным видом пробовал новое лакомство, одобрительно кивая головой.

Если вспомнить, что к сладкому он был совершенно равнодушен, и даже травяной взвар предпочитал пить без меда, то мне его похвалы ронсе Буле казались еще смешнее – санигр лопают то, что не любит, только чтобы не огорчить свою повариху!

- Ты, Лунка, не понимаешь. Ронса наша – отличный повар. А такую еду простую может кто угодно сварить. Конечно, она чувствует, что ее мастерство пропадает зря. Потому не хихикай, а поблагодари мастерицу!

- Да уж... Это почтенная ронса просто не видела, как важный сангир лично кашу варил в котелке! – мне действительно казался ужасно забавным этакий сословный снобизм добродушной поварихи.

Но в целом наш быт, хоть и не слишком устоявшийся, входил в определенные границы. Я радовалась, что слуги поладили между собой, что приказы ронсы Брон не подлежали обсуждению и что не было подковерных игрищ – нам еще зимовать в замке, без особых развлечений и новостей.

Во дворе весь день до темна визжали пилы, изнутри башни орали каменщики, которым рабочие не успели поднести раствор, раздавались гулкие удары молота – расширяли окна, и мужа я видела только вечером, окончательного замотанного и плохо соображающего. Однако, такой бешеный темп дал свои результаты – через одиннадцать дней от начала ремонта, я и санги Брон с мужем отправились навестить сангира Кетро и закупить мебель.

В качестве охраны Ольгерд выделил нам четверых солдат во главе с гердом Крогом. Следом за нашей каретой тянулась вереница пустых телег.

Сангир Кетро был нашим ближайшим соседом из высокородных, и я тихо радовалась, что, благодаря порталу, путь в его замок занимал меньше полудня. В этот раз в замке сангира гостила его дочь с двумя сыновьями-подростками, так что общаться нам было особо некогда – мы с сангиром и его семьей встречались только за столом.

Зато я была очень благодарна санги Тарии, дочери хозяина замка, которая посоветовала мне отличного мебельщика. Именно мастеру Лоду я и оставила огромный заказ. То, что нашлось готового, не вызвало у меня энтузиазма. Слишком вычурные изделия не подойдут к строгой красоте каменных стен.

Конечно, часть стен побелили, например – кухню. Часть – затянули тканями. Но все же сотни лет назад замок строился, в первую очередь, как защитное сооружение. Он обладал собственной строгой и суровой красотой, и модные резные креслица, и буфеты с позолотой не слишком вписывались в суровую эстетику форта.

Зато ему очень шли грубоватые шерстяные и льняные ткани, натертая воском или маслом простая мебель, чью красоту только подчеркивал сочный рисунок дерева. Прекрасно смотрелись медные вазы и чеканки, которые я приобретала для обеденного зала.

Возможно, все это будет выглядеть несколько старомодно, зато надежно и долговечно. Да и не будет смотреться как попытка нуворишей жить в стиле «дорохо-бохато».

Оставив аванс мастеру и получив обещание управится дней за десять дней: - Раньше, прекрасная санги, никак нельзя! И отшлифовать нужно, и клею дать высохнуть – это все времени требует. Поторопишься – ан стол-то и развалится! Позору не оберешься! – мы с санги Брон вернулись в замок.

Целая телега была загружена тканями – на шторы, на постельное для нас и слуг, на полотенца и банные халаты.

С собой мы везли двух швей – пожилую ронсу Милль и ее дочь, хорошенькую и кокетливую девушку по имени Келли. Ронсы проживут в замке зиму, и сошьют все, что нам потребуется для хозяйства.

Сагир Перон остался дожидаться изготовления мебели.

- Вы, санги Алуна, не волнуйтесь. Я за всем присмотрю и все аккуратно упакуют.

Первый снег уже ложился отдельными заплатками на облетающий лес, когда большая часть ремонтников, получив свою зарплату, отправилась восвояси. В замке оставалась небольшая команда мастеров, которые взялись за зиму отремонтировать одну из башен – в следующем году в ней будут жить ученики Ольгерда.

Для поварихи наняли помощницу, Виму, плотную молодую девушку, которая будет в следующем году кормить гердов. Наняли посудомойку и еще одну горничную – помещения оказались слишком велики для Зуны и Криты. Кроме того, я настояла, что у служащих должен обязательно быть хоть один выходной в семь-восемь дней.

По поводу этого «новшества» мы даже немного поспорили с Ольгердом, впрочем, без особых конфликтов. Он просто удивился, когда узнал, что в его родном замке у горничных, поварих, и даже у садовников, были выходные. Нельзя сказать, что мой муж был эгоистом, просто такие вещи всегда проходили мимо него.

А нам предстояла длинная зима в башне и Ольгерд начал переживать, что мне будет скучно.

Глава 31

Особого веселья и вправду не наблюдалось. Почти полмесяца ушло у нас на то, чтобы забить кладовые замка, расставить привезенную мебель, подшить и развесить шторы и доделать еще сотни различных мелочей. Но постепенно все успокоилось. Жизнь приобрела размеренный, местами даже строгий ритм. Появилось некое расписание, которого мы старались придерживаться.

С утра Ольгерд шел на тренировку и до завтрака гонял бойцов, заслужив их глубокое уважение – никто не ожидал от молодого сангира такого опыта. Первых учеников Ольгерду обещал набрать канцлер Ланто, а дальше уже будет работать сарафанное радио. А пока Ольгерд гонял собственных солдат.

Потом принимал душ и будил меня – я всегда тяжело поднималась утром и поэтому спала дольше. Завтракали мы обычно в маленькой комнатке, расположенной рядом с большой уютной гостиной на нашем этаже.

Стрельчатые окошки, выходящие на солнечную сторону, рассыпали по стенам яркие разноцветные пятна от витражей. Небольшой квадратный стол, за которым так уютно было сидеть вдвоем, покрытый белой скатертью и поблескивающий серебром приборов, два удобных стула из какой-то темной, цвета горького шоколада местной древесины, обитые плотной гобеленовой тканью по спинке и сидению, с темными навощенными подлокотниками, и две высоких напольных белых вазы с кобальтово-синей росписью и тонкой позолотой, из того самого афранского фарфора, о котором говорили мы с Ольгердом в королевском дворце.

В вазы я подобрала красивые композиции из местного хвойника и веток «снежной красавицы». Больше всего плоды этой самой «красавицы» походили на крошечные яблочки бордово-алого цвета. Сухая, лишенная листьев, ветка дерева пряталась в пушистом, густо-зеленом хвойнике, и вся композиция выглядела очень по-новогоднему.

Предпраздничного настроения комнате добавляли и каменные стены, отмытые и отполированные с воском – природный рисунок камня мог бы сделать помещение мрачноватым и холодным, если бы

не плотные шторы из белоснежного шелка с вышитыми по низу ветками «снежной красавицы», и большой, теплый даже на взгляд, бежевый палас на полу.

Эта комната, пожалуй, была самой уютной и элегантной в башне. Зал для приема гостей, наши комнаты, кабинеты и спальня выглядели значительно более грубо и сурово. Везде на окнах висели плотные шерстяные шторы, в нашей спальне просто для уюта, был оставлен единственный в замке камин.

Все остальное отопление было печным и устроено достаточно мудро. Начиная с подвала, на каждом этаже, кроме самого верхнего находилась отдельная печь, тепло от которой поступало по разветвленным, специально выложенным между потолком и полом дымоходам на этаж выше. Так я в первый раз в жизни увидела средневековую систему теплых полов. Надо признаться, что работала она прекрасно, холода и сквозняков в замке не было.

Отдельного описания достойны ванн комнаты. Конечно, такой роскоши, которая была в замке сангира Кетро, у нас не было, но в нашей башне осталась старая система водопровода, работающая с помощью насоса и, частично, небольшой поддержки магии. Запасы воды не были ограничены, но вот подъем ее на верх требовал затрат Силы. И хотя артефакт, встроенный в саму систему водопровода, был стар, надежен и экономичен, все равно, его придется подзаряжать примерно раз в три месяца.

Самой роскошной была ванная комната возле нашей спальни, отделка ее потребовала не мало денег и вливания Силы, но результат очень радовал меня. Стены ванной приглашенный маг-огневик выглаживал почти восемь дней, зато отдельные куски камня, сплавленные в монолит и отполированные огнем, давали совершенно потрясающий эффект.

Сказочно-красиво смотрелась на фоне каменных разводов огромная медная ванна в форме овала, стоящая на массивных львиных лапах. Она была достаточно большой для того, чтобы поваляться можно было в ней вместе с мужем. Душу мне радовали еще и зеркало в рост в чеканной медной раме, и небольшая полочка, уставленная флаконами с ароматическими маслами и изглаженный огнем, зеркальный черный пол с яркими золотисто-медными прожилками.

Наша с Ольгердом спальня находилась на пятом, верхнем этаже, и вход на этот этаж был разрешен только днем и только горничным – я считала, что у нас должно быть свое место уединения. Кроме спальни в наших покоях находились два больших удобных кабинета, две ванны, одна из которых, та самая, примыкала к общей спальне, а вторая делила пополам две просторные, светлые будущие детские. Кроме того, только у нас был выход на плоскую крышу, где после уборки земли, прогнивших досок и битых горшков, появилось достаточно места для того, чтобы разбить там уютный летний сад.

В спальне, кроме огромной кровати с кучей подушек и теплыми пледами, у камина стояли два удобных кресла и маленький столик между ними, куда было удобно поставить чашку горячего взвара или положить открытую книгу. Вместо банального ковра на полу лежал сшитый из коротко стриженной овчины дымчато-серый, с черными контрастными вставками палас.

На двух узких окнах-бойницах, расширять которые не стали, висели огромные полотна густо-синего цвета, с широкой, сантиметров пять, светло-кремовой атласной каймой по боковинам и низу – полог над кроватью, который превращал наше ложе в этакую комнату в комнате, был одного цвета с каймой на шторах – кремовый, но не из атласа, а из плотной шерсти. За изголовьем кровати скрывалась небольшая дверца, ведущая в гардеробную.

После завтрака мы выходили во двор, где нас ждали Мрак и Снежинка – наши верховые лошади. Ольгерд взялся обучать меня лично. Пока еще успехи мои были более, чем скромны, но час или полтора ежедневных прогулок всегда поднимали мне настроение, я уже притерпелась к вечно ноющим мышцам, к сопровождающим нас солдатам, к тому, что одна я больше не выхожу из замка.

Зато не торопясь, выбирая каждый раз новое направление, мы познакомились со своими владениями. Например, в паре километров от крепостной стены, в противоположную от деревни сторону, мы нашли удивительной красоты и прозрачности маленькое озерцо с проточной водой и крошечным водопадиком.

Сейчас, до наступления серьезных морозов, только берега были покрыты хрупкой корочкой льда, а водопад все еще радостно шумел и разбрасывал брызги. Дружно решили, в следующем году поставим на

берегу беседку. Думаю, в жаркие дни прохлада этого места будет просто восхитительной.

После прогулки Ольгерд шел в свой кабинет заниматься бумагами и налогами, а я навещала ронсу Милль и ее дочь, потом заходила на кухню и выслушивала подробный доклад санги Брон, который обычно сводился к паре небольших проблем, куче бытовых мелочей и обнадеживающему:

- Пока все прекрасно, санги Алуна!

А дальше наступало, пожалуй самое любимое мое время, сперва я пробовала делать это в моем кабинете, но Ольгерд очень сильно возражал, поэтому, прихватив на поднос кувшин горячего взвара и тарелку теплых пирожков, я шла в кабинет Ольгерда, где мы прямо на письменном столе, пренебрегая кучей условностей, пили чай, обсуждая всякие бытовые мелочи, потом Ольгерд продолжал работать с бумагами, а я садилась к окну и вязала ему теплый толстый свитер.

В этой уютной монотонности, когда один день почти точно похож на другой, когда нет изнуряющего труда, пеших переходов, голода, а все делается легко, в охотку и в приятной компании мужа, есть особая, завораживающая прелесть.

Снег уже лежал плотной пеленой, и только черные силуэты деревьев разбавляли эту ослепляющую белизну. Эти дни чем-то напоминали мне бесконечную нитку жемчуга, с абсолютно ровными, идеально подобранными бусинами.

Мне казалось, что в этой зимней сказке я смогу жить бесконечно долго и бесконечно счастливо, просто существуя рядом с Ольгердом и дыша с ним одним воздухом, слушая ночами ровное биение его сердца, и, иногда, думая о том, что, пожалуй, артефакт с желтым камнем пора отправить на хранение в шкатулку.

Возможно, мы бы так и дожили до весны, если бы не наша привычка к конным прогулкам по утрам.

Все сказки имеют печальное свойство очень быстро кончаться.

Наша завершилась прекрасным зимним утром, когда легкий морозец так славно пощипывал за щеки, когда я первый раз почти выиграла небольшую скачку у Ольгерда, и, смеясь, угрожала ему завтра выиграть всенепременно. Когда мы проехали примерно километра полтора спокойным шагом, чтобы дать передохнуть Снежинке и Мраку.

Мы двигались по старой, давным-давно заброшенной дороге. Снежный покров достигал уже сантиметров десяти и по бокам были нанесенные ветром небольшие сугробики, но старая магия, вплетенная в дорожное полотно, почти не давала снегу возможности занести путь. Однако, местами белые кляксы снега все же пятнали серое полотно.

Женщину мы увидели одновременно. Шла она с той стороны, где не было поселений. Странная фигура, закутанная в какие-то непонятные тряпки, сгорбленная и неловкая.

Когда Ольгерд показывал мне карту наших земель, он объяснял, что там – самый безопасный участок границы.

- Смотри, - он вел пальцем по карте, - вот здесь морской пролив не такой уж и большой. Если плыть от этого берега по прямой, то до Шарийского Хараджа около трех дней пути. Говорят, когда-то, несколько столетий назад, здесь был удобный морской путь, но, когда открыли портал и начался Исход, береговые линии очень сильно изменились. Теперь к берегу ни одно мало-мальски большое судно подойти не может – все дно усыпано подводными скалами. Раньше на берегу, вот здесь, - он постучал пальцем, отмечая некое место на границе суши и моря - как рассказывают, был хороший портовый город и несколько сел, но, когда в этих краях резвилась Тьма, люди ушли оттуда.

Так что первая моя мысль, когда я увидела закутанный в странное тряпье женский силуэт, была именно о том, что она – жительница Шарийского Хараджа.

Мы переглянулись с Ольгердом и дружно поторопили коней. До путницы оставалось метров триста, когда она, пошатнувшись, просто села на серый камень дороги, даже не пытаясь встать. Теперь уже было видно, что она не горбата, просто за спиной тащит какой-то мешок.

Подъехать совсем близко к ней Ольгерд мне не позволил. Метров за двадцать до нее он поймал мою Снежинку за поводья, коротко скомандовал:

- Лонг, Верн – останьтесь с санги Алуной.

Сам он с четверьмя оставшимися солдатами продолжил путь.

Я и моя охрана находились слишком далеко, кроме того, крупы коней загораживали от меня и женщину, и Ольгерда. Потом я увидела, как один из солдат скинул плащ, путницу завернули в него, подняли на

руки и Волт, у которого был самый сильный и массивный конь, настоящий черный великан с роскошной гривой, посадил женщину перед собой, не давая ей упасть.

Один из наших спутников приторочил к седлу ее мешок – тяжелый и совсем не маленький. Домой мы возвращались весьма спешно – женщина была без сознания. Я успела только заметить, что это молодая худощавая брюнетка и одежда на ней принадлежит не селянке. Из-под слоя солдатского плаща и слоя каких-то серых лохмотьев виднелся край бархатного платья, расшитого золотом. Похоже, тряпье она накинула на себя просто для тепла.

После того, как горничные устроили девушку в одной из гостевых комнат, и санги Брон начала распоряжаться, требуя горячей воды, настоек для растирания и крепкий бульон, чтобы напоить ее, когда очнется, а спешно отправленный за лекарем солдат уже отбыл, Ольгерд попросил нашу экономку зайти в кабинет, как только она освободится. Санги Брон покивала головой и снова начала отдавать приказы.

Мы уже закончили завтрак, когда санги пришла в комнату с докладом. Я налила ей чай и подвинула теплые еще булочки.

- Бедняжку зовут Эльда шан Харши, – санги Брон жалостливо покачала головой и продолжила – она, слава Силе, пришла в себя. И замуж-то она вышла всего семнадцать дней назад и это было ее свадебное путешествие с мужем – бедолага погиб у нее на глазах. Бедная девочка!

- Как она попала сюда? - спросил Ольгерд.

- Они плыли из Шагира в Хашем, попали в шторм и два дня их носило по морю.

- А дальше? – Ольгерд явно удивился.

- Ее муж погиб еще до того, как корабль разбило о скалы – на корабле взбунтовались матросы и ему, и капитану в драке просто перерезали горло.

Я непроизвольно ахнула, Ольгерд нахмурился.

- Странное время для бунта они выбрали.

Санги Брон согласно покивала головой и сказала:

- Бедная девочка, такого натерпелась. А команда просто требовала спустить шлюпки на воду, на что капитан не соглашался и говорил, что это опасно.

- Что же было потом?

- Она не очень хорошо помнит, да и рассказывать ей тяжело... Но один из офицеров на корабле был маг, часть команды погибла, часть он сумел вернуть под контроль. А на третий день корабль швырнуло на скалы – это уже у них не было парусов. Из четырех шлюпок успели спустить только две, матросы были совсем не управляемы и отплыли на первой в сторону виднеющегося берега. Их перевернуло почти сразу. Во вторую шлюпку сели несколько оставшихся в живых пассажиров, два матроса и тот самый офицер - девушка просто не успела. Набежала волна, канат лопнул и шлюпку мгновенно отнесло. В это время тот обломок корабля, на котором она оставалась, очень сильно тряхнуло и тонуть он перестал. Шторм уже начал стихать, но малышка просидела в так и не спущенной на воду лодке почти сутки, а потом одной из волн обломок корабля смыло с подводной скалы и ее лодка оказалась в воде, а через некоторое время просто прибило к нашему берегу.

Рассказ санги Брон произвел очень тягостное впечатление. Было безумно жаль и девушку, и ее мужа, кроме того, я совершенно не понимала, что теперь следует делать. Как только санги допила чай и ушла, я спросила Ольгерда:

- Мы сможем ей помочь?

- Мы постараемся.

Ольгерд встал из-за стола и сказал:

- Сейчас я побеседую с девушкой, уточню детали, а потом мне придется съездить к сангиру Кетро и посоветоваться. Ты же понимаешь, Лунка, я слишком слабо разбираюсь в местных законах. Наверняка она—не первая жительница Хараджа, попавшая к нам из-за кораблекрушения. Возможно, есть какие-то правила. Но в любом случае, я сделаю все, что смогу. А ты останешься в замке, дождешься лекаря и поможешь гостю поправить здоровье.

Ольгерд с охраной выехал почти сразу, а лекаря мне пришлось ждать аж до вечера. Кроме того, после обеда с какой-то странной болезнью слег Волт, один из солдат. Крупный тренированный мужчина стал белым как бумага, трясся в ознобе и плохо соображал. В какой-то момент я даже заподозрила, что он заразился от девушки незнакомой мне болезнью, но у нее-то таких симптомов не было!

Невысокий, сухощавый старичок с маленькими внимательными глазками, чуть сутулый, но говорливый и подвижный потребовал горячей воды и чашку взвара – отогреться с дороги. Медлить, впрочем, он не стал. Первым я попросила осмотреть Волта. Лекарь вышел из казарменной комнаты в легком недоумении:

- Страшного-то ничего не случилось, почтенная санги. Может перетренировался солдатик, может что другое, только вот сил у него совсем нет. А болеть – так он не болеет. Еды побольше и дней пять-шесть покоя – будет лучше нового.

Его вердикт относительно гостыи меня тоже очень порадовал. Шан Эльда отделалась слабостью, несколькими царапинами и синяками. Ни серьезной простуды, ни воспаления легких. Похоже, наша гостыя очень везучая. Лекарь оставил успокоительную микстуру и, прихватив награду, отправился домой, утверждая, что его помощь здесь совершенно не нужна:

- Я, санги Алуна, хоть и слабенький маг, но уж простуду почувствовал бы. А гостые вашей нужно только хорошее питание, покой и сон.

Вечером, когда оставленная при девушке горничная доложила: «Санги проснулась, прикажите покормить ее?», я попросила накрыть ужин на двоих в ее комнате – пора было нам познакомиться.

Отдохнувшая, с аккуратно уложенными локонами, одетая в мое новое платье, Эльда шан Харши выглядела значительно лучше. Я полюбовалась на изящную фигурку и отметила, что по возрасту девушка, похоже, моя ровесница. Смотрела она на меня чуть настороженно, с каким-то детским испугом в глазах. Потом упала на одно колено, низко склонив голову, и попыталась схватить подол моего платья. Я отскочила просто от неожиданности.

- Пресветлая санги, позвольте поблагодарить вас...

- Встаньте, встаньте сейчас же!

Может и зря я прервала ее заготовленную речь, но сам вид девушки, пытающейся поцеловать мне подол, меня слегка шокировал. Она подняла голову и с недоумением уставилась на меня.

- Встаньте, Эльда шан Харши.

Девушка чуть неловко поднялась, аккуратно сложила руки на животе и так и стояла, не поднимая глаз.

- Как к вам обращаться?

Похоже мой вопрос слегка ее удивил, она робко, как-то искоса, оценивающе, глянула на меня, мгновение подумала и сказала:

- Я думаю, что вы можете звать меня шан Эльда... Или, просто по имени, если вам так будет угодно.

- Шан Эльда, давайте сядем и поужинаем. Доктор сказал, что вы должны хорошо питаться. Горничных я отпустила, поэтому мы сможем спокойно поговорить.

У окна уже стоял накрытый стол. Эльда робко, бочком, уселась напротив меня, а я принялась снимать крышки с горячих блюд и нарезать еще парящий ростбиф.

Глава 32

Ела Эльда очень аккуратно и элегантно, если бы я не знала, что несколько дней она была практически без пищи, то я никогда бы и не подумала, что она голодна - так неторопливы и изящны были ее движения. Первую часть трапезы мы мало говорили, и я исподтишка рассматривала гостью, пытаюсь составить какое-то мнение.

Молода. Очень красива. Матовая, чуть смугловатая кожа, точеные черты лица, которые не портила даже легкая горбинка на носу, сочные, прямо-таки роскошные вишневые губы и удивительной длины густые ресницы. Цвет глаз я разобрать не могла, потому что смотрела она только в свою тарелку, очевидно стесняясь поднять на меня взор. Брови разлетелись на чистом лбу крыльями чаек. Смоляные волосы были собраны в тяжелый узел, и вдоль левой щеки волной сбегала кокетливая прядка.

К середине ужина я решила разбить молчание:

- Сколько вам лет, шан Эльда?

Она робко подняла на меня взгляд и сказала:

- Двадцать, санги Алуна.

Я удивилась. Двадцать лет, по местным меркам, - совсем еще ребенок. Если у нее нет магии, то до двадцати восьми она даже несовершеннолетняя. Неужели в таком возрасте можно было отдать малышку замуж?

- Всего двадцать и вы уже замужем?

Она потупилась и шепотом, как будто доверяя мне какую-то тайну, ответила:

- Я сирота, санги Алуна.

Признаться, ее ответ меня обескуражил. Я до сих пор не слишком знала местные законы, а еще меньше имела представление о законах её страны, но все же мне казалось, что брак в столь юном возрасте – это скорее отклонение от нормы. Немного подумав, я налила нам по большому кубку вина. Думаю, вино на стол слуги добавили скорее из вежливости и по привычке, все знали, что я предпочитаю взвар или воду, а утром молоко, но вино на столе сангиров стоять должно.

У меня не было цели напоить ребенка, мне просто казалось, что несколько глотков дадут девочке возможность чувствовать себя не так скованно. В общем-то, так и получилось. Постепенно наш разговор становился более содержательным и Эльда все охотнее рассказывала о себе.

Она осталась сиротой в возрасте около десяти лет – умер ее отец, не забыв перед смертью разориться. Девочку и ее мать взял в свой шарим младший брат отца. Как я поняла из разговора, шарим – что-то вроде нашего гарема.

Эльде было двенадцать, когда от непонятной болезни умерла мать и, поскольку, она очень раздражала старшую жену своего дяди, ее отправили в так называемый Вдовый Харадж.

- Что такое Вдовый Харадж, шан Эльда?

От выпитого вина бледноватое лицо ее порозовело, прекрасные карие глаза заблестели, и вся она как будто отогрелась внутри.

- О, санги Алуна! Харадж – это очень древнее слово. Когда-то оно значило просто «защищенное место». А в общем-то смысл не сильно изменился и сейчас. Вдовый Харадж – это маленький городок, где живут самостоятельные вдовы.

- Что значит самостоятельные вдовы?

- Это богатые женщины, которым после смерти мужа есть на что жить.

- А если вдове не на что жить?

- Тогда она вместе с детьми идет в шарим к родственникам.

- А если у нее нет родственников и нет шарима, готового принять их?

- Тогда она может устроится прислугой во Вдовый Харадж и делать ту работу, которая ей по силам. За это ее будут кормить, одевать и защищать. А ее дочерей возьмут ученицами в мастерские и научат шить, вышивать и делать разную женскую работу.

- А что случается с мальчиками?

- Мальчики поступают или в войско Великого Шанона или, если они недостаточно крепки физически, их устраивают прислугой к купцам, но жить после семи лет с матерью мальчик не может.

От всех этих рассказов на меня веяло сказками «Тысяча и одной ночи». Конечно, какие-то различия были, но в целом, мир Шарийского

Хараджа казался мне похожим на наши восточные страны. Именно так, как их представляет обычный европеец.

По рассказам Эльды, Вдовий Харадж представлял из себя микрогородок на одном из островов. Большая часть острова была обнесена стеной, построенной магами в додревние времена. Проникнуть за стену ночью мужчины не могли. Днем же вход был свободный. На меньшей части острова располагалось жилье мужчин, которые обслуживали и охраняли это «бабье царство» и большой припортовой рынок, куда регулярно приходили купеческие суда.

На большей части острова располагались поместья самостоятельных вдов. Многие из них содержали мастерские, где делали прекрасные ткани со сложными рисунками, расшивали их золотом и мелким жемчугом.

Жемчуг добывали, а точнее выращивали, на прибрежных отмелях. Надо сказать, эта часть истории меня очень удивила. Когда-то давно, на Земле, я читала историю появления искусственно выращенного жемчуга, и знала, что у нас он появился только в девятнадцатом веке. Однако, ни каких подробностей о жемчужных фермах Эльда мне рассказать не смогла – выращивание жемчуга занимались мужчины, которые брали себе разрешенных законом трех жен из Вдовьего Хараджа и учили их работать. Тут Эльда покачала головой и с сожалением в голосе заметила:

- Девушки на ферму требовались все время – выйти замуж за работника фермы считалось большим несчастьем.

- Почему?

- Они почти всегда гибли молодыми, и мужчина женился снова.

Пара мастерских изготовляло шерстяные ковры, и три – шелковые, из знаменитого морского шелка. Как я поняла, морской шелк – это какие-то водоросли, растущие на большой глубине и после обработки превращающиеся в очень прочную глянцевую нить.

Вообще о ремеслах, которыми кормился остров, Эльда знала не слишком много. Саму ее обучали готовить, вести хозяйство, считать, писать и немного – петь. Свое содержание и обучение она отрабатывала тем, что четыре часа каждый день шила в мастерской хозяйки одежду для воинов Великого Шанона. Кроме того, после замужества девушки хозяйка имела право на некую финансовую благодарность от мужа служанки.

Еще на острове действовала одна из самых больших в стране мастерская по производству косметики, правда работала она большей частью на привозном сырье.

Купцы везли на остров корм для птиц и скота, заморские фрукты, вина и еще некоторые виды продуктов. Забирали с острова ткани, ковры, косметику и бесчисленные комплекты одежды для войска Великого. Как я поняла, общая численность населения острова была около пятнадцати тысяч.

Не все вдовы содержали мастерские, кто-то выращивал овощи в поместьях, было с десятков садов, где также работали девочки-бесприданницы. Раз в году к острову приходили два корабля Великого и несколько сотен девушек, тех самых работниц-бесприданниц, увозили, чтобы отдать в жены солдатам Великого Шанона. Однако остров никогда не пустел, почти с каждым купеческим рейсом прибывали новые и новые девочки-сироты, которых разбирали по своим поместьям и мастерским хозяйки.

Великий Шанон часто вел войны с соседями, находящимися еще южнее, и поток сирот не ослабевал.

Таких Вдових Хараджей на территории страны было четыре. И Эльде повезло – она попала в самый богатый - только у них рос морской шелк, да и жемчуг их острова считался самым дорогим, так как имел удивительный радужный отлив. Вдовы набирали на воспитание девочек-сирот, которых, в зависимости от их приданого, обучали на мастериц или просто прислугу.

Приданое у Эльды было самое скромное, которое только позволял закон, и потому, в отличии учениц швейных и ткацких мастерских, тех, что расшивали ткани шелком, золотом и жемчугом, которых хотя бы кормили досыта, жизнь ее была совсем не легкой.

Еще в шариме дяди Эльду, вместе со всеми девочками, учили считать и писать, так что она была по их меркам достаточно образованной. Но из-за минимального приданого лучшее, на что она могла рассчитывать - брак с чжаном – воинский титул десятника.

Повезло ей, по ее же словам, в жизни только один раз, когда почтенная шан Махори обнаружила, что в доме заканчиваются пряности и взяла служанку с собой на рынок, чтобы таскать корзину.

Именно там, на рынке, ее и увидел шанон Барджан. Он пригласил шан Махори выпить с ним горячего карджа и долго разговаривал, в

чем-то убеждая. Через какое-то время хозяйка снова взяла с собой Эльду на рынок, и они вновь поднялись в каюту шанона Барджана и беседа продолжилась. Таких встреч было еще четыре, и вскоре шан Махори сообщила Эльде:

- Завтра ты выходишь замуж.

У Эльды был очень красивый, глубокий, бархатистый голос и, хотя некие слова чуть отличались по произношению от привычных мне, я слушала ее повествование как удивительную сказку. К этому времени мы с ней уже перебрались из-за стола поближе к камину. Она, не отрываясь смотрела на огонь, и продолжала свое повествование.

- Твой муж был красив?

Эльда потупилась и прошептала:

- Он был очень богат.

Ее слова заставили меня насторожиться:

- Ну, по крайней мере он был молод?

- Он был немного старше моего отца.

Прекрасная восточная сказка начала рушиться. Эльда помолчала и потом добавила:

- Я стала его третьей женой.

- Как к тебе отнеслась первая жена?

- Этого я уже не узнаю – мы так и не доплыли до Хашема.

Я помолчала и, аккуратно подбирая слова поинтересовалась, не хочет ли она вернуться на Родину. Эльда вскочила с кресла, глаза ее налились слезами, она кинулась на колени и, хватая подол моего платья, начала истово целовать его, умолая:

- Санги, пресветлая санги, оставьте меня здесь! Я буду верно служить вам, великая санги!

Заставив девочку выпить еще несколько глотков вина и уложив спать, я вернулась в свои покои. Без Ольгерда мне было тоскливо, не с кем было обсудить ситуацию.

Точно понимая, что быстро не усну, достала мягкие шерстяные нитки – начну вязать Ольгерду свитер. В этот раз я выбрала нитки цвета сливочного масла и свитер собиралась связать не каждодневный, из тех, что мужчины одевали под верхнюю одежду, чтобы не мерзнуть на улице, а яркий и нарядный, такой, чтобы его можно было носить дома.

До сих пор я не видела в этом мире на мужчинах чего-либо интересного. Вязанная одежда для них имела только одну, утилитарную цель – согреть хозяина. Для рисунка у меня была припасена красивая пряжа цвета молочного шоколада, а в голове уже всплыл узор одного очень интересного норвежского свитера. Так я и провела вечер – мерно работая спицами и обдумывая рассказ Эльды.

Ольгерд вернулся через три дня, к вечеру, и вернулся не один. Гость, который сопровождал мужа, вызвал у меня оторопь. Сперва, стоя у окна, я даже решила, что мне кажется, но, когда я выбежала во двор, пришлось убедиться, что из кареты сангира Кетро вылез канцлер Грето собственной персоной. Он стоял, поджидая Ольгерда у кареты, брюзгливо сжав губы в нитку и зябко передергивая плечами. Рядом молча стояла троица сопровождавших его служащих.

Это было неожиданно и очень неприятно, однако, как у хозяйки замка, у меня не было выбора. Я попросила вышедшую вместе со мной встречать гостей санги Брон заняться покоем для прибывших, дождалась пока спешившийся с коня Ольгерд, подведет ко мне канцлера, вежливо поклонилась и сказала традиционную фразу:

- Будьте гостем нашего дома, канцлер Грето.

Только в наших покоях я позволила себе кинуться мужу на шею.

- Устал?

- Не слишком.

- А зачем нам канцлер?

- Увы, после нашей с тобой женитьбы, канцлер так бдительно стал следить за всеми, кто неожиданно объявился в этих землях, что о прибытии этой гостьи ему доложили раньше, чем канцлеру Ланто. И в этот раз он решил проверить прибывшую сам, лично.

Мне стало жаль Эльду – я помнила сколь гадостны и оскорбительны могут быть вопросы канцлера, но и выбора особо у нас не было. Отправив Ольгерда отмываться от дорожной грязи, я попросила санги Брон лично проследить за приготовлением ужина и отправилась в комнату Эльды и помогла ей собраться, аккуратно стараясь объяснить, какой властью обладает канцлер Грето и зачем он приехал.

Ранний ужин проходил на удивление спокойно. Ни каких подковырок со стороны канцлера не было, шан Эльда вела себя скромно и почтительно, а сангир Грето, присматриваясь к ней,

очевидно, сделал какие-то свои выводы и, как мне показалось, слегка расслабился.

Возможно, он счел эту добычу слишком мелкой. Да и в самом деле, какой интерес для него могла представлять девочка-прислуга? Сопровождавших канцлера писцов и чиновников также пригласили за стол, но эти трое мужчин за весь вечер не проронили ни слова.

После ужина он, наверное, оденет ей на руку кольцо Истины, задаст свои вопросы и, даст Сила, уедет во дворец.

Для допроса Ольгерд обещал предоставить гостям свой кабинет, но уйти туда они не успели. В самом конце, когда уже подали десерт, из кармана сангира Грето раздался странно-дребезжащий неприятный звук.

С удивленным лицом канцлер вынул золотистую «пудреницу», открыл и сказал, глядя в центр игрушки:

- Верховный, я не один, прошу - погодите...

Голос, который я мгновенно узнала, тот самый, звонкий и мальчишеский резко перебил канцлера:

- Это не важно Грето, вы мне нужны в столице! Немедленно!

- Но, Верховный, я только приехал и ничего еще не успел, - несколько раздраженно возразил канцлер.

- Повторяю, Грето, все это совсем не важно. Прибыли послы из Шарийского Хараджа, и вы нужны мне на переговорах. Так что бросайте ваши мелкие счета с Ланто. Или вы действительно думаете, что я ничего не понимаю? К утру вы должны быть на совете!

Очевидно, Верховный «положил трубку», потому что сангир Грето раздраженно захлопнул свою «пудреницу» и недовольным голосом обратился к моему мужу:

- Вы все слышали, сангир? Прикажите закладывать карету и пусть ваша охрана проводит меня. Я, как вежливый гость, не буду требовать от вас личного сопровождения.

Канцлер явно был сильно раздражен, и возможно поэтому, очень не вовремя влезшая с вопросом шан Эльда, получила суровую отповедь.

- Почтенный сангир, мне тоже собирать вещи?

- Неужели ты думаешь, милочка, что представляешь из себя столь важную персону? И какие такие вещи решила собирать жертва кораблекрушения? Хозяйка замка уже подарила тебе это платье, что ты

решила забрать его с собой? – похоже, он о собрался сорвать на Эльде зло.

Побледневшая девушка, глядя в пол, дрожащими губами прошептала:

- У меня с собой узелок с деньгами и украшениями – свадебный подарок мужа. Я спрашивала именно про них.

- Золото? – ехидно и как-то обрадованно спросил канцлер.

- Золото – все также тихо прошептала она.

- Неси сюда, милочка. Я забираю твой золотой запас на сто дней, как это и положено по закону! – торжествующе заявил канцлер.

Эльда вышла и через несколько минут вернулась с довольно большим узелком в руках. Канцлер небрежно кивнул и один из служащих, даже не пересчитывая, подхватил сверток.

Ему явно полегчало от того, что он ухитрился оскорбить девушку. А потом, будто вспомнив о чем-то, он вытащил кольцо истины, протянул ей и потребовал:

- Надень! И руки положи на стол – я должен видеть камень. Я хоть в общих чертах должен проверить, кто ты такая. Может быть ты – шпионка! – постарался добить он ее.

Руки Эльды заметно дрожали, когда она надевала кольцо, да и тихие слезы она сдержать не смогла. Ольгерд хмурился, но не вмешивался. Вопросы посыпались, как горох:

- Как тебя зовут?

- Эльда шан Харши.

- Как ты сюда попала?

- На лодке.

- Как долго ты была замужем?

- Семнадцать дней.

- Ты вдова?

- Да.

- Хочешь вернуться на Родину?

- Нет.

- Как ты собираешься здесь жить?

- Еще не знаю.

В это время камень на кольце мигнул, резко меняя цвет с ярко-зеленого на красный, но вспышка была столь коротка, что я подумала

было, что мне показалось. Однако канцлер Грето насторожился, нахмурился и спросил:

- Ты маг?

- Не знаю, почтенный сангир, - камень продолжать ровно гореть зеленым. – Мне говорили, что какая-то искра во мне есть, но никто так и не понял, в чем моя Сила, да и пользоваться ей я не умею.

Камень оставался зеленым...

Еще некоторое время канцлер задавал вопросы, но, наконец-то, слуга сообщил, что карета готова. Даже не поблагодарив меня за гостеприимство и ужин, канцлер молча протянул шан Эльде открытую ладонь, сунул кольцо в карман и вышел, трое сопровождающих – следом. Ольгерд отправился провожать гостей, а я решила, что вовсе не обязана это делать – достаточно и хозяина замка.

Эльда подняла на меня испуганные глаза и тихонько спросила:

- Что со мной теперь будет, санги Алуна?

Я чувствовала себя совершенно беспомощной, так как не представляла, как именно жизнью девочки распорядится канцлер. Я погладила ее по шелковистым волосам и пожала плечами. Ольгерда мы ждали в полном молчании.

Когда муж вернулся, мне полегчало – на его губах была легкая улыбка.

- По распоряжению канцлера Грето, вы, шан Эльда, остаетесь в замке на сто дней до окончания проверки вашего золота.

Мне показалось несколько странной и несколько вымученной радость Эльды.

- Почтенный сангир-шан, - Эльда робко подняла на него глаза, - мне не хотелось бы обременять вас так долго.

Ее слова удивили и меня, и Ольгерда.

- Но, шан Эльда, вы ведь не сможете выжить в чужой стране одна и без денег?

- Смогу. Кроме монет, которые я сдала, у меня есть еще и золотые украшения, если их продать, то, как вдова, я вполне смогу жить самостоятельно.

Улыбка Ольгерда пропала, да и меня, признаться, очень удивило, что юная, неопытная девушка из другой страны, знала о том, что только монеты подлежат обязательной сдаче и догадалась оставить себе украшения. Ольгерд покачал головой и сказал:

- Нет, шан Эльда, по распоряжению канцлера, до получения денег вы будете жить в замке, - потом мягко улыбнулся и добавил – а к весне вы получите свое золото, я выправлю вам документы, и вы точно будете знать, где и как хотите жить.

Постепенно волнение, внесенное канцлером Грето в нашу жизнь, забылось. Дни потекли свободно и ровно, даже несколько монотонно. И Эльда почти идеально вписалась в это спокойствие.

Глава 33

До завтрака мы с Ольгердом, как и раньше, катались верхом. Завтракали, обычно, вдвоем, а вот на обед теперь собиралось значительно больше народу. За столом сидела не только шан Эльда, но и санги Брон, и ее муж. Они с Ольгердом тихонько обсуждали дела замка, договаривались о том, что нужно купить для тихо идущего ремонта и прочие бытовые подробности.

Ольгерд по-прежнему работал с бумагами и вел довольно большую переписку, оценивая кандидатов в воинскую школу, которые должны были вскоре прибыть.

У меня времени тоже оставалось не так много – когда вязание свитера в норвежском стиле дошло всего до середины, им заинтересовалась санги Брон, долго выпрашивала меня, разглядывая и перебирая мягкие складки изделия, а потом попросила научить и ее. Буквально через день к нам присоединилась шан Эльда, а еще через пару дней она, потупившись, попросила разрешения привести свою приятельницу - Келти.

До этого Келти вместе со своей матерью, ронсой Милль, тихо сидели в одной из комнат замка и занимались тем, что подрубаали бесчисленные простыни и полотенца, шили гардины и шторы, и даже обучили двух деревенских девочек себе в помощь, потому что работы всегда было много. Когда в их мастерскую поступил заказ на небольшой гардероб для шан Эльды, девушки удивительно быстро подружились и Эльда, спросив разрешения, большую часть дня проводила в швейной мастерской, помогая работницам. Вот только шила она, на удивление, не слишком хорошо.

- Меня не учили делать красивые вещи – потупившись призналась юная шан. – Только одежду для солдат. Я так хочу научиться!

Позднее, зимой, швейную мастерскую вывела из строя странная болезнь. Слабость и головокружение испытывали ронса Милль, ее помощницы, и часто забегавшая к ним горничная. На ногах остались только шан Эльда и Келти.

Приглашенный лекарь ничего серьезного не усмотрел, однако счел нужным сделать мне маленькое внушение:

- Страшного, санги, ничего нет. Еды хорошей да отдых – больше им ничего не нужно.

Потом побряхтел и неодобрительно качая головой добавил:

- Только ведь, почтенная санги, нельзя этак работой людей морить! И кормить нужно получше, и отдых давать почаще. Больно они у вас истощены.

Уверять лекаря, что рабочих хорошо кормят и не морят работой я не стала. Но и обсудить это глупое высказывание с Ольгердом забыла, замотавшись с делами замка. Ну, в конце концов, это не болезнь, а просто усталость. Я же не морю людей работай, очевидно – сами перестарались. А хлопот у меня прибавлялось с каждым днем. Не представляю, как бы я справлялась, если бы не санги Брон!

К этому времени я уже понимала, что при наличии такого количества людей в замке, количества, которое будет только расти, мы не сможем уволить швей через год, как это предполагалось. Кто-то должен будет ремонтировать постельное белье, штопать и латать одежду слуг и прочая. Понимая, сколь необходима такая мастерская в хозяйстве, я задумывалась о том, чем бы я смогла заработать на их содержание.

А еще нужен был помощник садовнику, с прибытием учеников – помощь на кухню и лишние горничные. Кроме того, я скучала без молочки и думала о том, что хорошо бы устроить маленькую ферму. Масло, творог и сметану привозили из нашей деревни вполне вкусными, а вот молоко от тряски частенько сбивалось, и пить его было неприятно – в нем плавали кусочки масла.

В общем, проблема сводилась к тому, что замок развивался, рос, но на его развитие пока у нас было слишком мало средств.

Идею мне подавала санги Брон. Когда она связала первую жилетку для своего мужа, довольно красивую и аккуратную работу со сложным рисунком, она, закрыв последний ряд резинки и, любовно поглаживая разложенное на столе изделие, сказала:

- Вы бы, санги Алуна, учениц что ли из города набрали, этакая красота получается!

- Учениц?

- Ну, конечно, селянка за такое заплатить не сможет, и даже горожанка – не каждая, а вот, например, дочки купеческие, мне

кажется, охотно пойдут учиться, если показать образцы и не слишком ломить цену...

Немного подумав, посоветовалась с Ольгердом и сангиром Пероном, озадачила их подсчетами, а сама занялась созданием альбома с образцами. Скромничать я не стала. Вспомнила все, что знала из прошлой жизни, не только всевозможные звезды, клетки и орнаменты, фигурки животных или силуэты деревьев, туда же, в альбом, добавила полтора десятка ажурных образцов, и почти двадцать квадратиков с выпуклыми косами, шишечками и сложными резинками.

Мой дамский кружок, который каждый вечер собирался вместе, охал и ахал над каждым новым рисунком и узором. И санги Брон обещала лично набрать мне учениц ближе к весне.

- За такое искусство, санги Алуна, купцы хорошо заплатят, поверьте мне. Люди они практичные и когда невестку, или жену молодую в дом берут, всегда интересуются, что юная девица руками умеет делать. Особенно те, кто богат, такое ценят – чтобы жена будущая всякую женскую работу знала. Они для работы прислугу в дом берут, а вот изделиями жен – хвалятся.

Так что днем теперь я была довольно плотно занята – до обеда я тратила время на то, чтобы подготовить схемы будущих узоров, записывала все варианты вязки, которые знала, и мои папки с материалами становились толще день ото дня.

Нельзя сказать, что я тяготилась обществом гостьи, но за те дни, что она жила у нас, я заметила несколько мелких, но неприятных шероховатостей в ее поведении, которые она всегда легко объясняла. Но даже эта легкость чем-то раздражала меня. Возможно, мы просто были слишком разные, но проводить с ней целые дни мне не хотелось.

Поэтому я и радовалась, что у шан Эльды появилась подруга, с которой она проводит время. Тем более, что через некоторое время швы шан Эльды стали выглядеть значительно аккуратнее.

Один из первых случаев неприятного разговора с юной вдовой произошел у меня буквально через три дней после отъезда канцлера. Поняв, что шан будет зимовать в замке, я сама отвела ее в швейную мастерскую и попросила ронсу Милль сшить несколько платьев и все остальное, что попросит гостья – Эльда ростом выше меня на целую ладонь, и, признать, мое платье сидело на ней несколько неуклюже.

Шан тогда потупилась и попросила разрешения шить одежду вместе с Келти.

- Она, санги Алуна, лучше понимает, что я хочу. А я учусь у нее красиво и ровно шить.

Возможно, в этом была и моя вина, но через несколько дней за обедом, именно в тот день, когда в гости к Ольгерду за чем-то заехал сангир Кетро со своим управляющим, еще до того, как подали первое блюдо, я разговаривала с ними в трапезной, когда муж вдруг прервался на полуслове и вытаращил глаза. Одновременно с гостями я обернулась к дверям и увидела шан Эльду в ее новой одежде.

Платье ее напоминало очень короткую приталенную тунику – гораздо выше колена и плотно охватывало изящный стан. Блестящий желтый атлас был щедро осыпан золотыми украшениями – пятилепестными цветочками со вставками из искрящихся зеленых и красных камешков, и все бы ничего, но полы туники не сходились на смуглом обнаженном теле сантиметров на десять, а чтобы они не распахивались, их скрепляли изящные золотые цепочки, которые совершенно не мешали рассматривать и полуобнаженные округлости груди, и бархатистую кожу живота.

В пупок Эльды была вставлена сережка с крупным граненым рубином, шаловливо поблескивая над низко спущенными желтыми же, полупрозрачными шароварами.

Черные волосы, завитые в роскошные кудри, небрежно разметались по плечам, а на макушке кокетливо сидела крошечная круглая парчовая шапочка, с которой на золотистой нити спускался на чистый лоб прекрасный граненый рубин в форме миндалины в золотой оправе. Она чуть развела в стороны кисти, тонкие пальчики которых были унизаны роскошными перстнями и низко поклонилась, сверкнув прекрасным смугловатым телом.

Растерялись все. И Ольгерд, который не мог дать понять гостье, беззащитной юной девочке, что по местным меркам она оделась непотребно, и я, которая в своей жизни видела наряды гораздо откровеннее, но понимала, что в этом мире такое – неуместно, и управляющий сангира Кетро, сидевший с бордовым лицом, и сам рыцарь, рассматривающий чудное видение с большим любопытством, и даже сангир Перон удивленно вздернул брови.

Положение спасла санги Брон, со словами: «Прошу прощение, санги Алуна, я забыла распорядиться насчет десерта!», она встала из-за стола, на выходе ловко подхватила почему-то застывшую в дверях шан Эльду и дивное видение исчезло. Беседа за столом возобновилась не сразу – все были несколько растеряны, санги Брон вернулась без нашей гостьи, сославшись на то, что у девушки внезапно разболелась голова. Обед прошел скомкано.

Конечно, после обеда я поговорила с юной шан и объяснила, что раз уж она живет в этой стране и не хочет возвращаться под опеку старших жен своего мужа, то и одеваться ей лучше по местной моде, гораздо более целомудренной и скромной. Эльда была искренне расстроена, даже заплакала и твердила только, что привыкла к такой одежде дома и совсем не подумала, что столь обычное платье могут счесть неприличным.

Я помню как тогда, в какой-то момент, меня царапнула странность ее объяснения, если женщины этого мира не носят паранджу, не закрывают лицо, то как в стране с таким жестким патриархатом, в таком виде можно выйти на улицу, скорее всего костюм в котором она показалась – только для семейного пользования, но мы ведь - не ее семья?! Как же она могла так забыть? Но Эльда была так огорчена, что я пообещала лично заняться ее гардеробом и эта неудобная мысль благополучно забылась за хлопотами.

Кроме того, через день после этого показа шарийской моды, какая-то странная болезнь навалилась на Мрака и Снежинку. Кони слабели день ото дня, отказываясь от еды. Наши конюхи не понимали, в чем дело. Приглашенный ветеринар не нашел никаких болезней. Но и Мрак, и Снежинка слабели день ото дня. Я часто забежала на конюшню, приносила им яблоки и морковь, которые они, на удивление, охотно поедали.

Несколько раз я заставляла там шан Эльду. Она ласково наглаживала ослабевших коней и угощала их солеными горбушками. За это доброе отношение к больным коням я от души простила девочке все ее косяки.

К моему большому горю и расстройству Ольгерда, оба они умерли в один день. Хорошо, хоть других лошадей на конюшне странная болезнь почти не коснулась. Я проревела целый вечер – так мне было жалко наших красавцев. Я вспоминала теплые губы

Снежинку, трогательно- аккуратно берущие лакомства с ладони, вспоминала ее кокетство и легкую гарцующую походку и ревела еще больше. Ольгерд был мрачен и молчалив долгое время, но рано или поздно любые горести и боли в сердце начинают бледнеть.

За зиму случилось еще несколько эпизодов, которые я старательно списывала на разницу в воспитании, на недостаток образования гостыи, но надо признаться, что к концу зимних месяцев она все же вызывала у меня некое раздражение.

В какой-то момент Ольгерд пожаловался, что девица повадилась готовить поднос со сладостями и приносить ему в ту башню, где корпел по вечерам над лекциями. Я растерялась:

- Ольгерд, ты хочешь сказать, что девочка пытается тебя соблазнить?

- Не знаю, что она там пытается... - Ольгерд был довольно сильно раздражен, - но или поговори с ней и объясни, что в этой стране другие правила приличия или я сделаю это сам.

Немного подумав, я перепоручила эту «почетную обязанность» санги Брон, тогда я еще просто побоялась обидеть неопытную девочку, воспитанную по другим нормам.

Санги Брон выслушала мою просьбу, осуждающе покачала головой, и сказала:

- Не знаю, как уж в Шарийском Харадже воспитывают служанок, но мне кажется, что она просто обнаглела!

Тогда ни я, ни санги Брон, никто другой не понимали, как сильно мы ошибаемся в нашей гостье.

К началу сильных морозов был закончен ремонт первых этажей следующей башни, в которой предполагалось расположить учеников, Ольгерд подходил к своим учительским обязанностям очень добросовестно, почти ежедневно выкраивая время после обеда, чтобы посидеть над текстами будущих лекций. Конечно, большая часть навыков для военных будет дана на практике, но, очевидно, мой муж считал, что и теория им не помешает.

Прибыли первые ученики, и у шан Эльды появилась новая привычка – ежедневно она выходила во двор замка и наблюдала за тренировками. Сперва Ольгерд был не сильно доволен, говоря, что девочка отвлекает бойцов, но я то прекрасно понимала, что юная барышня немного скучает в нашем замке, а поскольку за это время она

убедилась, что мужчины здесь отличаются от мужчин Хараджа, то возможно просто подыскивает себе следующего супруга.

Все же и сангиры, да и простые ронсы здесь явно относились к женщинам более уважительно. Кроме того, брак с местным не грозил ей никакими старшими женами. Выйдя замуж, она будет главной и единственной женой и хозяйкой своего дома. Я понимала, что для юной вдовы это очень притягательная модель семьи.

В конце концов, не взирая на приличный золотой запас, который она, кстати, скоро должна уже получить на руки, и не маленький узел роскошных украшений, которыми она так любила обвешиваться, девочка – простолюдинка. Вряд ли она уже созрела до мысли, что первое время лучше пожить одной, поэтому поиски мужа для нее очень важны. И самый высокий статус женихов, на которых она может претендовать – это или купец, или же - герд. А поскольку ученики Ольгерда будущие герды, то интерес шан Эльды к боям мне был совершенно понятен. Именно это я и объяснила мужу.

- Теперь понял?

Ольгерд недовольно поморщился и заявил:

- Тогда скажи ей, чтобы сидела тихо! Она то смеется, то хлопает в ладоши... Естественно, бойцы бравируют, стараясь показать себя лучшей стороной. А мне нужно, чтобы они не выпендривались, а работали!

- Вот интересно, а в настоящем бою они тоже будут отвлекаться на все подряд? Ты же учитель, вот и учи их работать в любой обстановке! – я показала мужу язык и сбежала.

Сцену, когда шан Эльда чуть не погибла, я увидела совершенно случайно. Это произошло уже весной.

В замок прибыл небольшой караван, и нитки, которые привез купец, вызвали у меня тихий вздох восхищения как ценой, так и качеством. Ночевать в замке он не планировал, поэтому я решила не задерживать почтенного торговца и отправилась на тренировочную площадку. Выкупить весь груз своих денег мне не хватало.

Тренировались бойцы за воротами замка. На расчищенном от камней участке стояло несколько мишеней для стрельбы из лука, длинное бревно, качающееся на цепях, несколько крошечных деревянных воротец под которыми надо было проползать, и еще несколько различных приблуд для тренировок, которые я только

смогла вспомнить из земных фильмов. Ольгерд тогда, помнится, долго восхищался моим умом.

Я уже шла по краю площадки, наблюдая, как в тени крепостной стены, расстелив на первой травке уютный плед, элегантно расположилась шан Эльда, когда все и произошло.

Ольгерд что-то объяснял двум внимательно слушающим его мечникам, четверо стучали деревянными мечами, не отвлекаясь ни на что, а ближе к стене, стоя спиной к красавице, пускали стрелы в мишени трое лучников. Еще двое ожидали своей очереди.

Двое ожидающих были самыми молодыми из всех бойцов и вечно подначивали друг друга и соревновались, не желая уступить первенство. Вот и сейчас, когда один из них случайно толкнул плечом второго, тот ответил ему толчком сильнее и слегка набылчился.

Им было около тридцати, этим мальчишкам из купеческих семей, они уже успели по несколько лет отслужить солдатами, и так как оба были вторыми сыновьями, то решили продолжить военную карьеру. Их отцы, как я слышала, тоже были соперниками в своей области. Я с улыбкой наблюдала, как бодаются два этих бычка, и ждала, когда освободится Ольгерд.

Все произошло так быстро, что я только и успела вскрикнуть – очередной толчок оказался слишком силен и боец, пытаясь удержать равновесие, сделал несколько неуклюжих шагов назад, сильно размахивая руками. Завалился он аккуратно на стреляющего лучника, развернув его на сто восемьдесят градусов. Лучник упал – стрела сорвалась вверх. Я, находясь чуть в стороне, прекрасно видела, куда она падает – ровно в то место, где сидела шан Эльда.

Я вскрикнула и зажала себе рот, понимая, что сделать ни чего не могу, а с пальцев шан Эльды навстречу стреле сорвался серебристый щит Силы. Стрела вспыхнула и исчезла. Девушка упала в обморок. Мужчины сбежались к ней быстро, но кроме меня и того самого лучника, чья стрела чуть не убила ее, никто ничего не успел заметить, и никто ничего не понял. Лучник же не был магом и, судя по всему, понял ситуацию неправильно. Он начал благодарить меня за то, что я спасла жизнь девушке.

Поскольку я промолчала, просто кивнув головой, Ольгерд, чувствуя некую недоговоренность, велел отнести Эльду в замок, и

раздав задания, сел рядом со мной на оставшийся от девушки плед. Когда бойцы занялись своими делами, он спросил:

- Лунка, к тебе возвращается магия?

- Сложно сказать, пока я не чувствую в себе Силы, но вот ее магию я увидела.

- ... я помню, что на допросе девочка сказала, что какая-то Сила у нее есть.

- Мне сейчас показалось, что Сила у нее «не какая-то», а самая, что ни на есть серьезная, боевая. Она успела среагировать на летящую в нее стрелу, не каждый боец может похвастаться такой реакцией.

Мы еще некоторое время обсуждали произошедшее, но дружно пришли к выводу, что это был спонтанный выброс и девочке просто повезло. Однако присутствовать кому-либо на тренировках Ольгерд запретил. И я была полностью с ним согласна. Как говорить – от греха подальше.

Так или иначе, какие-то мелочи и детали в поведении Эльды меня смущали все больше и больше, но со временем и они забывались до следующего раза за все растущей лавиной дел и домашних мелочей.

Глава 34

Санги Брон достаточно быстро набрала мне учениц, свозив альбом с образцами в город. Вместе с ней в замок приехало восемь девушек от двадцати до тридцати лет, чьи отцы согласны были оплатить и их пансион, и обучение, и расход на материалы.

Задаток, который привезла с собой санги Брон, был столь существенен, что я тихо радовалась и понимала – мечта о собственной молочной ферме уже, практически, сбылась.

Поскольку, в отличие от купеческих девочек, я была санги, то слушались они меня беспрекословно, хотя я знала, что в большой комнате, где была устроена их общая спальня, периодически вспыхивают мелкие конфликты. Я начала думать о том, что мне стоит завести для них классную даму – кого-то, кто будет присматривать за ними вне учебного времени.

Кроме того, пожалуй, стоило отремонтировать еще кусок башни, и следующих учениц поселить уже там – слишком сильно девицы галдели и шумели, замолкая только тогда, когда в трапезной появлялся Ольгерд, на него они тарасились с почтением, и, кажется, втихаря влюблялись.

Меня не беспокоили эти девичьи влюбленности, чем-то напоминающие мне земные истории школьниц-фанаток, издавек обожавших знаменитых актеров, но, глядя на робеющих и краснеющих девиц, не все из которых обладали хорошими манерами, я начинала понимать, во что я ввязалась.

Обучение обучением, но девочками явно мало занимались дома, некоторые из них, элементарно, не умели пользоваться вилкой, потому для следующего своего курса, кроме классной дамы, я планировала нанять учительницу этикета. Пусть им и не придется блистать на балах, но объяснить им, что ковыряться в зубах за столом нельзя – не так и сложно.

Благо уже то, что, как купеческие дочери, все они умели и писать, и считать, а хорошую женскую профессию и немножечко лоска, они смогут получить и здесь.

Раздражение гостей копилось медленно и монотонно, по крошечной капле. Но миг озарения я помню очень отчетливо. Вчера, во время урока, шан Эльда вдруг вскрикнула. Выяснилось, что она потеряла одно из своих бесчисленных колец. И ученицы, и я долго рассматривали ковер, заглядывали под стулья, но, увы, изящный перстенок с изумрудом так никто и не нашел.

Я не слишком огорчилась - до сих пор старшая горничная, ронса Леда, прекрасно справлялась и со своими обязанностями, и с обучением тех четырех девочек, что набрали для работы из деревень. Случаев воровства у нас не было ни разу, и потому, когда ронса Леда утром лично принесла мне в спальню колечко, ничуть не удивилась - была уверена, что его найдут. Я поблагодарила ронсу и, спустившись по лестнице, пошла к гостевым покоям – удобнее, если я сама отдам пропажу.

На этом этаже последний раз я бывала достаточно давно, поэтому меня несколько удивил шум скандала. В комнате гости раздавался ее недовольный голос:

- Ты - совершенно криворукая дрянь, учу тебя, учу, а ты так и не можешь нормально уложить волосы!

Довольно робким голосом одна из новых горничных что-то тихо возражала, но шан злилась все больше и больше. Я стояла у чуть приоткрытой двери и просто обалдевала, слушая эти вопли! Какая еще девочка-служанка, если она ведет себя как богатая, привыкшая к беспрекословному подчинению озлобленная гадина? Да у нее даже голос изменился!

Решив, что нужно прекращать этот балаган, я уже взялась было за дверную ручку, но в этот миг раздался звук пощечины, вскрик служанки, и я замерла. Меня раздирали совершенно противоречивые желания.

С одной стороны, мне хотелось ворваться в комнату и сказать этой девице все, что я о ней думаю, с другой – я понимала, что делать это нельзя ни в коем случае. Как-то вдруг все детали и непонятности в поведении госты сложились у меня в четкую картину – она совсем не та, за кого себя выдает!

Стараясь не обозначить свое присутствие, я попятилась от дверей и направилась напрямик к Ольгерду – нам требовался разговор. Я совсем не ожидала, что муж не воспримет мои слова серьезно.

- Лунка, ты же сама присутствовала при допросе, и видела, как вело себя кольцо истины! – изумление в его голосе было неподдельным.

- Была, видела. А ты не заметил такую забавную деталь, что в какой-то момент кольцо мигнуло красным?

- Надо же, а я думал мне показалось!

- Нет, Ольгерд, тебе не показалось, кольцо действительно мигнуло красным.

Ольгерд слегка нахмурился, с минуту помолчал что-то обдумывая, а потом сказал:

- Ну, пусть даже она соврала в какой-то мелочи, или не была честна до конца, все же кольцо подтвердило, что она именно шан Эльда, что она пробыла замужем всего семнадцать дней... Она просто молодая, не слишком умная девочка, не умеющая себя вести.

- Ольгерд, она, безусловно, не слишком умеет себя вести, но она далеко не так глупа, как прикидывается, а кроме того, ты упускаешь еще один вариант, хотя мне он кажется самым очевидным. Я просто не знаю, как это проверить.

- Ну-ка, ну-ка! – муж разулыбался, - что же ты заметила или придумала такого, что я пропустил мимо?

Я забралась к Ольгерду на колени, вдохнула теплый и родной запах, устроила голову у него на плече и тихонько начала ему объяснять:

- Ты только не смейся! Конечно, я не прошла нормального обучения, да и магией владела не так уж и долго, но мне всегда интересна была Сила, и когда мне что-то о ней рассказывали – я все запоминала. Помнишь, еще когда ты был Хартом, и мы путешествовали в обозе, ты рассказывал мне о лунной магии?

- Ну ты и наворотила, радость моя! При чем здесь лунная магия? Ты просто забыла, Лунка, что эта магия пробуждалась только за барьером. Здесь, в этом мире, лунных магов, кроме нас с тобой нет. Да и мы выгорели полностью еще в том бою.

Он обхватил меня руками и прижал к себе, как будто защищая от того ужаса, что мы пережили вместе. Помолчали...

- Тогда ты рассказывал мне, что в основном лунная магия – это магия иллюзий. Конечно, мы не интересовались этой стороной Силы, нам важнее была ее боевая составляющая, но если хорошо подумать...

Ольгерд вскочил со мной на руках, засунул в кресло, а сам принялся ходить по кабинету, что-то бормоча под нос.

- Нет, Лунка... Нет... Все же – не вяжется... Этот мир существует очень давно, и, если бы здешняя луна давала бы какую-то магию, об этом бы знали.

- Все так, Ольгерд, но ты упускаешь одну деталь.

- Какую?

- Фальшивые деньги появились в этом мире сразу после того, как ты закрыл портал первый раз.

- А это-то здесь причем? – искренне удивился он.

- Напоминаю, магия луны – магия иллюзии.

- Да откуда в этом мире мог взяться лунный маг?!

- Он мог пройти перед закрытием с той стороны портала.

- Лунка! Портал был закрыт почти девять лет назад, а девчонке – всего двадцать!

Я тихонько вздохнула. Все же мне хотелось, чтобы Ольгерд развеял все мои убеждения, и все, что я придумала, оказалось обычной ошибкой, но весь наш разговор только убеждал меня в том, что я права. Поэтому я еще раз напомнила:

- Ольгерд, лунная магия – это магия иллюзий. Мы не знаем, сколько ей лет, мы видим только то, что она хочет показать.

И тут до него дошло! Он снова забормотал, всклокочил волосы, растеряно посмотрел на меня и спросил:

- А чем же тогда она подпитывала Силу?

- Не знаю...

Возникшую проблему обсуждали мы с Ольгердом долго, но на следующий день за завтраком было объявлено, что он на два-три дня уезжает к рыцарю Кетро по делам. Нельзя сказать, что ситуация была рядовая, но и ничего слишком уж необычного в такой поездке не было.

Вернулся Ольгерд только через четыре дня, но кроме шести человек охраны, которых он брал с собой, вместе с ним во двор выехал небольшой отряд стражи в цветах канцлера Ланто и две закрытых кареты.

Я искренне рада была повидать сангира Ланто. Он привез мне небольшой сувенир от санги Фасты, передал письмецо и огромную благодарность за мой подарок, оставленный в их южном имении.

- Эти ваши конфетти, санги Алуна, пользуются безумным спросом. Весь сезон Фаста устраивала самые модные вечеринки, за что и я вам очень признателен. Чуть позже, если сангир Ольгерд позволит, мы поговорим с вами о делах.

Поскольку никаких телодвижений по поводу приезда гостей, делать раньше я не могла, то сейчас и все горничные, и санги Брон, да и я сама оказались засыпаны кучей дел. Извинившись перед мужчинами, я отправилась командовать хозяйством.

Не знаю, вызвал ли приезд канцлера Ланто интерес у шан Эльды, но вела она себя совершенно обычно. Тем удивительнее для нее стало на следующий день, сразу после завтрака, приглашение канцлера побеседовать с ним. Однако, канцлер рассеял ее тревогу:

- Я привез ваши деньги, шан Эльда, и хотел бы уточнить пару незначительных вопросов. И вас, сангир Ольгерд, я попросил бы присутствовать.

Весь вечер перед этим я упрашивала Ольгерда позволить мне присутствовать при разговоре, но получила категорический отказ.

- Ты с ума сошла, Лунка! Мы слишком мало знаем об этой магии, чтобы так глупо рисковать. Не забывай, что даже мощные маги не видят истинную Силу лунной. Ни ты, ни я, четко не представляем, на что способна наша гостья.

Спала я просто отвратительно, всю ночь меня грызла одна мысль – а вдруг я ошиблась?! Вдруг все мои подозрения основаны на череде нелепых совпадений, и мужчины перепугают глупую девчонку до смерти. Как я потом буду смотреть ей в глаза?

Поэтому, когда утром Ольгерд, канцлер и несколько его служащих скрылись в кабинете, я ни чем не могла заниматься и, свалив занятия в школе на санги Брон, тупо сидела в коридоре, ожидая результата.

Однако за дверями стояла полная тишина – скорее всего работал какой-нибудь артефакт, потому как ни единого звука или слова не доносилось сквозь двери. Прошло уже больше часа, и я нервничала все сильнее, когда, наконец-то, двери распахнулись и почти одновременно в коридор вывалилась целая куча народу.

Первое, что я заметила – несколько встрепанный вид Ольгерда. Канцлер выглядел как обычно, а вот один из его служащих был бледен и баюкал на перевязи, сделанной из куска кабинетной шторы,

вывихнутую или даже сломанную, руку. Еще у двоих были синяки на лице.

Шан Эльду я просто не узнала. Между двумя служащими канцлера стояла неприметная женщина средних лет, на руках которой, от запястья почти до локтя, шли три пары наручников из какого-то черного металла, покрытых вспыхивающими красноватым отблеском и, тут же гаснущими, рунам.

Видя, как я встревожена, Ольгерд счел возможным подойти ко мне и тихонько сказать:

- Ты была во всем права, Лунка.

- А это... - я, все еще не понимая, кивнула на женщину.

- А это, Лунка, и есть шан Эльда.

Задерживаться в замке на еще один ночлег канцлер Ланто не стал, но перед отъездом нашел время поговорить со мной и Ольгердом. По результатам этого разговора, мы стали немного богаче.

Канцлер сообщил, что собирается открыть небольшую мастерскую, где, частично с помощью магии, а частично с помощью примитивного станка, будут делать конфетти. И организацию всего этого канцлер взял на себя, да и оборудование должно приобретаться на его деньги, то предложенные нам просто за саму идею проценты меня порадовали.

Разумеется, лично этим канцлер заниматься не будет, но его управляющие вполне справятся с поставленной задачей. Раз уж эта забава входит в моду, то через некоторое время, канцлеру придется открыть вторую мастерскую. Вряд ли нам стоит ожидать больших прибылей сразу, но, в перспективе, даже этот маленький доход нам пригодиться.

Когда канцлер уехал, я потребовала у Ольгерда все подробности произошедшего в кабинете.

- Ты оказалась совершенно права, радость моя – она действительно прошла порталом года за полтора до закрытия. Самое смешное, что мы сталкивались с ней во время боя. Я даже вспомнил ее – она была магом в соседнем отряде. Магом – природником, как и ты. Когда в ней пробудилась лунная магия и она стала слышать зов Тьмы, она чудом не попала в ее объятия. Она уже шла на зов, но там кипел бой, и кто-то из бойцов просто снес ее с ног, а при падении она ударилась головой о камень и потеряла сознание. Изрядно перетрусив,

рассказывать о происшествии она не стала. Зато в течении следующих нескольких дней поняла, какая уникальная Сила ей досталась, и решила, что глупо будет погибнуть в бою. И если здесь она – просто дочь сельского старосты, то там, с помощью магии, может выдать себя за кого угодно.

- Подожди, Ольгерд, подожди. Я не понимаю, зачем она ушла в другой мир? Иллюзии она могла наводить и в своем.

- В своем она рисковала наткнуться на другого лунного мага, - он криво усмехнулся, - на меня, например.

- А что дальше?

- Почти месяц она выбирала удобный момент и, наконец, прошла порталом, скормив Тьме весь свой отряд, чтобы выиграть время – она внушила им чувство безопасности.

Мы немного помолчали и, наконец, Ольгерд нехотя продолжил:

- Самое мерзкое – не ее дезертирство. Помнишь, я тебе рассказывал, что маги луны могут управлять животными? Может быть из-за того, что ее инициация произошла, когда она почти поддалась Тьме, может быть по другой причине, но она еще там, в нашем родном мире, поняла, что немного может управлять и людьми. Обнаружила она это случайно, когда, уставшая после боя, перевязывала одного из раненых бойцов, нечаянно выпив в раздражении остатки его Силы и жизни. Гибель его выглядела естественной, и никто ничего не заметил, а вот она ощутила прилив Силы. Вот тогда-то она и решила пройти порталом.

Он снова помолчал, вздохнул, явно не желая вдаваться в детали. Я сидела молча и ждала продолжения. Наконец, муж собрался с духом и договорил:

- Здесь, без луны, она хорошо научилась незаметно брать Силу у людей. Аккуратнее, не высасывая их до конца. Здесь почувствовала вкус к власти и натренировалась внушать.

- Что внушать, Ольгерд?! Ты хочешь сказать, что все это время мы были в ее руках, как марионетки? Она внушала нам мысли?!

- Не совсем. Скорее - чувства. Она не могла, допустим, заставить санги Брон убить или возненавидеть своего мужа, но заставить ее забыть какую-то вещь – вполне могла. Думаю, если бы она не воздействовала на нас, мы бы давным-давно связали странные болезни

в замке с ее появлением. Она просто рассеивала наше внимание, подпитываясь людьми и животными

Я молчала, пораженная всей этой историей, а потом все же спросила:

- Ольгерд, а как же она попала в Шарийский Харадж, если портал находится здесь?

Он как-то криво усмехнулся и сказал:

- На свою беду, ее нашли контрабандисты и вывезли туда. Разумеется, никто из них не выжил. Конечно, она могла бы устроиться и там, оставляя за собой обессиленных людей и трупы. Если бы не жадничала.

- Трупы?!

- Трупы, Лунка, трупы. Здесь, в замке, она боялась брать слишком много жизненной силы, а там – особенно по началу, не очень-то ограничивала себя. Пусть не сразу, но маги Хараджа догадались, что женщина, трижды оставшаяся богатой вдовой, владеет какой-то недоступной им Силой. Ну, а дальше все было просто. Годами ей «скармливали» государственных преступников, этой силой она зачаровывала золото и Шарийский Харадж начал подрывать нашу экономику. А вот после того, как введены были жесткие правила обращения с крупными суммами, после того, как система защиты начала работать, решили, что лучше отправить ее сюда.

- Зачем? Я совершенно не понимаю!

- Затем, что ей предстояло выйти замуж за любого, вхожего во дворец чиновника и незаметно для остальных начать высасывать силу из участников Совета. Так что канцлер Грето - просто большой везунчик – он мог бы стать первым. Там еще много грязных подробностей, Лунка, но, если бы не маги сангира Ланто, и не их мощные артефакты, этот допрос мог кончиться очень печально. Сил у нее – просто немеряно! Именно поэтому канцлер приказал одеть не одни наручники, блокирующие магию, а все, которые у них оказались с собой. Ну, а тебя, возможно, ждет благодарность Верховного. Все же разоблачить такую тварь в стране – дорогого стоит.

Я передернула плечами, чувствуя какой-то странный озноб.

- Знаешь, Ольгерд, уже то, что эту гадину забрали из замка, и следов ее здесь не осталось – само по себе прекрасная награда. Ой... Ольгерд, а как же ее подруга?!

Ольгерд улыбнулся и спросил:

- Келти?

- Да, может быть она тоже...

Тот легко рассмеялся:

— Нет, радость моя. Маги, разумеется, проверили её. Просто молоденькая дурочка, которая готова была услужить столь богатой и необычной гостье.

- Спасибо Силе за это! - от души сказала я.

Глава 35

Все эти события, безусловно, на некоторое время выбили нас из колеи, но, понемногу, и меня, и Ольгерда вновь захватывали хозяйственные заботы, к осени предстоял новый набор учеников в школу гердов.

Летом я собиралась поставить за стенами замка небольшую молочную ферму. Нужно было искать людей на службу, нужно было искать строителей, нужно было отобрать хороший скот, в котором, кстати, я ничего не понимала. Но все эти заботы померкли для нас на фоне одной радостной новости – к нам возвращалась магия.

Уже сейчас было понятно, что она не вернется в полном объеме. И Ольгерд, и я – дети другого мира, но даже крохи ее давали совсем другое ощущение жизни и открывали перед нами новые возможности.

Больше всего меня радовало, что Сила, которая пробуждалась в нас, не имела ничего общего с луной. Мы вернулись каждый к своей стихии. Ольгерд – к огню, а я – к природной магии растений. Этим, безусловно, стоило воспользоваться!

Лето выдалось хлопотливым. Продолжался ремонт в башнях. Я плотно занялась обустройством сада во дворе крепости. Высаженные моими руками цветы на крыше башни прекрасно прижились и, подкармливаемые крошками магии, а также щедрыми порциями куриного навоза, цвели и благоухали.

Из города привезли несколько плетеных кресел и пару небольших столиков из корабельного маренуса. Такая мебель не боялась дождей и не гнила. Все это расставили на башенной крыше среди десятков вазонов с цветущими кустарниками и маленькими деревцами. Там мы с Ольгердом любили завтракать под огромным полосатым тентом, защищающим от слишком жаркого солнца.

Много времени отнимала постройка фермы. Ее отнесли на час езды от замка и неожиданно оказалось, что для обслуживания животных и птицы требуется не так и мало людей. Поэтому, почти одновременно со строительством коровника, свинарника и птичьего двора, началось строительство десятка небольших домиков.

Кроме обычных кур, по совету санги Брон, закупили еще и странных птиц, которых называли пуховыми цесаринками. Они отличались очень необычным, пестрым-пестрым оперением и, кроме довольно вкусного мяса, санги Брон обещала еще и роскошные одеяла.

- Птица эта, конечно, капризная. Кроме зерна ей еще и травы нужно давать особенные – поэтому возиться с ней мало, кто хочет. Да и не везде эти травы растут, лесные они, в поле и на лугу не найдешь. Но зато и подушки, и одеяла такие - даже во дворце Верховного! С гусей и болотников такого пуха не наберешь!

Летом муж часто не ночевал дома – водил своих учеников в походы, разбив на две группы и заставляя одну выслеживать другую. Каждое его возвращение и каждая встреча с ним дарили мне такую радость, что казалось больше и вообще от жизни ничего не нужно.

О дальнейшей судьбе шан Эльды мы узнали только поздней осенью. К этому времени ученики школы гердов, сдав серьезный экзамен, специально прибывшему государственному чиновнику, уже отправились на свои места службы. Ольгерд был горд – экзамен прошли все!

Мои ученицы неделей раньше, получив вместо скучных экзаменов развеселый девичник с кучей сладостей и маленькими подарками каждой, разъехались по домам.

Все, чему я могла их научить, они уже знали. В качестве пособия для дальнейшего совершенствования каждая увезла с собой папку с лично связанными образцами и прорисованными схемами узоров. Случись им что-то забыть – будет где посмотреть и освежить знания.

Могу сказать честно, не из всех получились отличные мастерицы, например, пухловатая и несколько надменная Рона, что так любила кичиться богатством своего отца, вряд ли сможет впечатлить будущего мужа своими работами. У девушки напрочь отсутствовал вкус. Даже в образцах для своего альбома, выбирая цвета для нового рисунка, она предпочитала самые безумные сочетания. Например – оранжевый с зеленым. И категорически отказывалась менять их – самоуверенности ей было не занимать.

Но как минимум четверо из девушек обладали и достаточно тонким вкусом, и пониманием, на какую фигуру какую одежду лучше вязать. А остальные трое, не отличаясь фантазией, обладали терпением, вниманием и усердием, прислушивались к советам и

потому их образцы были из хорошо сочетающихся и удачно подобранных ниток. Они просто четко следовали моим инструкциям.

В целом, я была довольна своим первым выпуском. Однако решила взять месяц отдыха – присутствие такого количества чужих людей в замке, признаться, немного утомляло.

С ранней весны почти каждую неделю в замок начали поставлять первую зелень и овощи из окрестных сел. На столе у нас не переводилась хорошая рыба. К осени откормятся первые цыплята и цесаринки. Кроме того, обе школы будут приносить нам неплохой доход, так как еда для учеников поступает к нам в виде налогов, да и небольшие суммы с окрестных деревень тоже будут собраны к осени.

Больше у меня не было страха перед неизвестностью и опасений на тему «как мы прокормим себя». По предварительным подсчетам, которые мне показывал Ольгерд, даже если наши доходы не возрастут, каждый год мы сможем откладывать небольшую сумму.

- На будущее, для наших детей, - с улыбкой сказал муж.

Вот тогда-то я первый раз и задумалась о судьбе колечка с желтым камушком. Однако, поразмышляв и повздыхав, по-прежнему оставила его на руке. У меня появилась идея полноценного пансиона с почти годовым курсом для девочек.

Мне не слишком нравилась система обучения в этом мире. Особенно – система обучения женщин. Школы магии давали детям некий необходимый минимум знаний, там преподавали письмо, чтение, счет и даже преподносили немного знаний истории. Разумеется, с целью подчеркнуть в каком прекрасном и восхитительном государстве им повезло родиться.

Однако те, кто не обладал магией, а таких все же было большинство, не имели возможности учиться бесплатно. Конечно, в купеческих семьях и девочек, и мальчиков немного натаскивали, но в целом, в государстве преобладала система «домашнего обучения» - что ребенок переймет от родителей, с тем багажом и пойдет по жизни.

Лезть в государственную систему я не собиралась, однако, раз уж у нас с мужем есть теперь несколько деревень, почему бы не начать давать детишкам хоть самые простые знания? Конечно, придется потратиться на постройку зданий под школы и на зарплаты учителям, но тут я хорошо придумала, как можно здорово сэкономить.

То время отдыха, что я взяла себе до осени, прошло не без пользы для репутации моей школы вязания. Любопытствующие родители, желающие знать: «А за что же они, собственно, заплатили? А точно ли дочь чему-либо научилась?», сразу же усадили моих бывших учениц за работу. За месяц с лишним девочки успели порадовать родных и нарядными кардиганами, и теплыми яркими жилетками, и богато украшенными выпуклыми узорами кофтами.

Проблем с набором учениц на осень у меня не было, но в этот раз я лично поехала с санги Брон в город и беседовала с родителями. Некоторым пришлось отказать, некоторые отказались сами, как, например, оптовый торговец кожами ронс Бантор:

- Баловство это, как по мне, пресветлая санги! Ежели ремесло дочери дать – так это добро! А этикетки эти честной купчихе совсем и не нужны!

Однако, нашлись и родители, которые оценили нововведение в школе. Для следующего класса я наняла учительницу хороших манер – обедневшую вдову санги Лиссон, пожилого ронса Кронта, который большую часть жизни занимался росписью стен в домах и замках. Сейчас прыгать по строительным лесам ему становилось трудно, но меня очень впечатлило количество эскизов, которые он смог мне показать.

Пусть девочки немного научиться рисовать и сочетать цвета. Кроме того, я сочла нужным нанять хорошую портниху. Вязанное изделие не обязательно должно быть цельковое, а ронса Берун научит девочек крою, тогда, сделав образцы выкройки из бумаги, они смогут вязать вещи гораздо более сложные, чем простой свитер или жилетка.

В этот раз в замке сангира Кетро мне пришлось гостить почти две недели. Кроме набора учениц, которых я решила брать не более двенадцати человек, я искала еще и девушек с довольно специфическими качествами. Мне совершенно не важно было их происхождение, зато было важно, чтобы каждая из них была хоть немного грамотна, готова к обучению и, желательно, бедна как церковная мышь.

Я рассуждала просто. Пять-шесть таких учениц не слишком обременят класс, да и я не разорюсь на еде и небольшом количестве одежды и материалов для обучения, зато, бесплатно прожив восемь месяцев в замке, пройдя курс обучения и получив небольшое

«приданое» для самостоятельной жизни, каждая из них должна будет отработать десять-пятнадцать лет учительницей в деревенской школе.

Разумеется, я смогу платить им небольшую зарплату, да и продуктами они будут обеспечены, но далеко не каждая, даже попавшая в стесненные обстоятельства горожанка, соглашалась жить в деревне.

Хотя мне это казалось странным. При сроке жизни около двухсот лет жалеть десять на то, чтобы получить в жизни хороший старт? Но вот не слишком рвались женщины к самостоятельности, предпочитая замужество. Ну, хоть приданое себе смогут заработать.

Я перебрала почти два десятка девиц, пока, наконец-то, не собрала нужное мне количество. Конечно, преподавать высшую математику они не смогут, но дать деревенским детям хотя бы минимальные знания, научить читать и объяснить примитивную арифметику – им будет вполне по силам. Надо же с чего-то начинать.

Так что в замок я и санги Брон возвращались с хорошим уловом – пять будущих учительниц ехали с нами. До начала занятий оставалось еще две недели – вполне достаточно времени для того, чтобы приодеть девушек и дать им время осмотреться.

Учителя прибудут самостоятельно в течении последующих шести-семи дней. А через две недели в замок, в сопровождении родителей, приедут девять купеческих дочек и три горожанки, родственники которых решили дать девушкам хоть какое-то образование и возможность получить хорошее ремесло.

Времени у меня оставалось совсем мало. До приезда учениц и их сопровождающих нужно привести в порядок их спальни, закончить ремонт в комнате, которая потом станет классом, и подготовить что-то вроде небольшой презентации для их волнующейся родни. Купцам нужно показать товар лицом, люди должны понимать, за что именно они платят деньги.

Под школу я отвела первые два этажа последней, третьей башни. В данный момент были полностью готовы три спальни, каждая на пять-шесть человек, уютная светлая столовая и небольшая гостиная, где девочки смогут проводить вечера. На каждом этаже пришлось оборудовать и несколько туалетных комнат.

Спешно доделывалась кухня, куда еще только предстоит нанять работников. Снаружи к стене этой башни крепилась длинная каменная

постройка, именно там я оборудовала небольшую прачечную и что-то вроде банного комплекса на несколько человек. Конечно, полноценный спа-уход обеспечить я не смогу, но дать понятия о нормах гигиены и самых простых уходовых процедурах – вполне реально.

На втором этаже башни располагались комнаты учителей и огромная классная комната. Тут я решила не экономить, и помимо трех высоких окон в классной будет еще и большое количество «светляков» - зрение лучше беречь смолоду.

За расходные материалы для обучения, мебель для класса и такое количество кроватей, которое мне понадобилось, я смогла расплатиться только потому, что все лето сэкономила каждую монетку, выпросила у Ольгерда всю нашу заначку и, наконец-то, продала украшения, которые притащила на себе через портал еще из того мира.

Признаться было несколько страшновато. Если вдруг что-то пойдет не так, голодать мы, конечно, не будем, однако и дальнейшее благоустройство замка и наших земель сильно затормозится.

Дел предстояло еще очень-очень много, тем больше раздражения вызвала у меня новость, которую Ольгерд вычитал из письма, привезенного ему мной же от сангира Кетро.

- Лунка, это письмо от канцлера Ланто, он пишет, что через семь дней нас ожидают на утреннем приеме во дворце Верховного. Советует на всякий случай захватить все документы по выплаченным налогам. Вот, послушай: «После столь удачно завершенной с вашей помощью операции по поимке шпионки Шарийского Хараджа, канцлер Грето испытывает некоторое раздражение при упоминании ваших земель и Вас самого.» - с выражением прочитал муж вслух и усмехнулся

- Что еще он пишет? Как же все это не вовремя! – слегка расстроилась я.

К сожалению, писал канцлер Ланто, в силах сангира Грето инициировать проверку. Потому Ольгерд собирался засесть за свои бумаги, а меня попросил подготовить приличную одежду для поездки.

- Ты же понимаешь, Лунка, для нас этот прием может оказаться очень важным.

От раздражения я чуть было не выматерилась на русском! Когда?! Ну, когда мне этим заниматься?!

Это письмо перевернуло все мои планы. Дай Сила здоровья санги Брон, которая взвалила на себя львиную долю моих обязанностей! Сама я, к сожалению, просто выпала из жизни замка.

Привыкнув в своей глуши одеваться пусть и достаточно красиво, но в основном – удобно, я очень слабо представляла себе, что носят сейчас при дворе, не будет ли мой туалет выглядеть провинциально и дешево? Кроме того, стоило заняться и одеждой Ольгерда – смотреться бедными родственниками было совершенно не допустимо.

До самого отъезда Ольгерд, как проклятый, проверял и перепроверял все записи и документацию. Не важно, будет ли проверка со стороны канцлера Грето, важно быть к ней готовым днем и ночью.

Канцлер не похож на человека, страдающего излишками милосердия. И, пусть и не по нашей вине, но с нашим участием, дважды сорвались его планы.

За десять дней до приезда учениц и их родственников, мы выехали в столицу.

Глава 36

Встреча с санги Фастой была тёплой и радостной, но первое, что я сделала – показала ей одежду, в которой мы должны были пойти на приём.

Санги Фаста долго молчала, рассматривая, иногда поднося рукав или подол поближе к глазам и одобрительно хмыкая. И, наконец, вынесла свой вердикт:

— Очень, очень неожиданно! Но совершенно прелестно!

Я с облегчением выдохнула. Собираться на утренний приём я начала часа за три до. Ольгерда я не трогала, ему было проще – побриться и облачиться в приготовленную одежду. Поэтому он ещё мирно спал, когда горничная санги Фасты пригласила меня в будуар хозяйки – санги собиралась непременно побывать на этом приёме и порадоваться за нас.

Впрочем, для неё такие торжественные приёмы были почти обыденностью, как жена канцлера, она посещала их два, а то и три раза в месяц. Так что весь процесс сборов был отлажен до автоматизма. Сейчас же всё её внимание было сосредоточено на мне – подозреваю, что та переживала за провинциалку.

Волосы, вымытые вчера, расчесали и протёрли шёлковой тканью – для блеска, как объяснила санги Фаста. По поводу причёски возник спор, но я отстояла свой вариант. Высоко на макушке собрали конский хвост, обернув кожаным шнурком несколько раз, так, чтобы он приподнимался над головой на пару сантиметров. Чтобы не видно было грубую кожу, сверху надели аккуратную густо-зелёную бархатку.

Длинный хвост заплели в широкую французскую косу, в которую вплели жемчужины. С самого первого момента в этом мире, как только увидела свои волосы, я поняла, какая красота мне досталась. И сейчас, перекинув косу через плечо, любовалась в зеркало на сочетание серебристо-белых волос и перламутрово-белого жемчуга. Это было красиво!

Платье, которое мне сшили, безусловно отличалось от ярких нарядов придворных дам. Я прекрасно понимала, что уловить все тонкости моды за то время, что есть, я не смогу. Потому пошла от

противного. Придуманная мною модель на фоне цветных туалетов санги Фасты смотрелась очень контрастно и необычно. Я знала, что буду выделяться в любом случае, и именно на это и сделала ставку.

Белый матовый шёлк, узкий треугольный вырез, плотно прилегающий верх, рукава три четверти и юбка-полусолнце, спадающая мягкими складками.

Местные дамы носили одежду немного выше щиколотки. Моё платье спереди было короче привычного сантиметров на десять, а сзади опускалось до туфель. Этот силуэт сам по себе смотрелся довольно неожиданно, но ещё более спорной была отделка – никаких кружевных воланов, златотканой парчи и ярких сложных орнаментов.

По вырезу, краю рукава и краю подола шла вышитая зелёным шёлком ветка плюща. Ширина вышивки была сантиметра четыре, но никакой строгой симметрии в отделке не наблюдалось. Некоторые листики были хаотично украшены хрустальными бисеринками, которые в густой зелени точно имитировали капли росы. Наряд смотрелся свежо и неожиданно и прекрасно сидел на мне.

Из украшений, после долго обсуждения с санги Фастой остатков моих побрякушек, мы выбрали тонкую нитку жемчуга прямо под горло с небольшой хрустальной слезинкой, которая изящно ложилась в яремную ямку. И самые простые крошечные жемчужины-гвоздики в уши.

Я добавила на запястье каплю привезённого с собой масла с травянистым запахом, и образ был полностью завершён. Пора будить Ольгерда.

Мужа я примерками особо не мучила, новую одежду шили по размерам старой. Сейчас в зеркале отражался высокий, молодой и статный воин в чёрном. Чёрными были и мягкие короткие сапоги до середины голени, и простые узкие брюки, заправленные в них, и короткая приталенная бархатная куртка. Длиной она была, как стандартный пиджак, простёгана золотой нитью в ромб, с высоким расшитым воротником-стойкой.

Только между краями воротника виднелся маленький клочок тонкого белоснежного кружева нижней рубашки. Завершал наряд широкий, даже, пожалуй, массивный пояс-перевязь, на котором в богатых ножнах висел его меч.

Мотивом вышивки костюма мужа я тоже выбрала плющ. Он вился и по высокому воротнику, и по роскошной перевязи. Только вот цвет этого плюща не был зелёным цветом природника, как у меня. Рисунок был вышит золотом, а вместо капель росы – ярко-алые искры рубинов, символ огневигов.

Ольгерд придирчиво осмотрел себя в зеркале слева-справа, хмыкнул, горделиво расправил плечи и, согнув правую руку, подставил мне локоть.

Я давно-давно уже полностью ощущала себя Алуной, достаточно молодой девушкой с чуть большим жизненным багажом, чем принято. Но сейчас, на какой-то миг, я взглянула в зеркало глазами той, прежней себя, что погибла на Земле.

С высоты своего опыта я могла оценить всю красоту людей, отражённых в зеркале – даже внешне мы были контрастной, но одновременно удивительно гармоничной парой. Почему-то у меня сжало горло и лёгкие слёзы чуть застили взгляд.

Эта новая жизнь подарила мне всё, чего я была лишена в прошлой. И главным в ней были не моя молодость и красота, а вот этот мужчина рядом. Тот, на которого я всегда могла положиться, тот, который никогда не бросит в беде, тот, которого я любила.

По протоколу, в зал для утренних официальных приёмов мы входили последними. Нельзя сказать, что я чувствовала себя уютно, как дома, для меня это всё же было первое серьёзное мероприятие такого уровня, но, ощущая под рукой надёжную опору и зная, что Ольгерд хоть и не был паркетным шаркуном, но прошёл не один такой приём в своём мире, особого страха я не испытывала, успевала даже рассматривать комнату и людей.

Многоцветие костюмов вызывало у меня лёгкую улыбку, как и тихий гул, который сопровождал наше движение по глянцево-блестевшему паркету. Я понимала, как необычно, но привлекательно мы смотримся – в одеждах придворных почти напрочь отсутствовали как чёрные, так и белые цвета.

Даже кружева, щедро обрамлявшие туалеты светских прелестниц, были из цветных ниток. Костюмы мужчин также отличались большим выбором цветов. Синие, серые, густо-зелёные, небесно-голубые, мрачно-фиолетовые и сочно-бордовые ткани были покрыты сложными вышивками контрастных цветов.

Поклон Верховному мы репетировали с Ольгердом дома, поэтому всё прошло без сбоев. Кресло-трон стояло на небольшом возвышении – всего три ступеньки. По бокам, слева и справа, по два человека, стояли канцлеры.

По иронии судьбы, канцлер Ланто стоял на ступеньку выше канцлера Грето. Он ободряюще улыбнулся нам с Ольгердом и еле заметно кивнул головой, подтверждая, что всё идет как надо. Сейчас, на таком близком расстоянии, мне удалось рассмотреть Верховного сангира поближе.

Он выглядел совсем юным, по-мальчишески тощим, с несоразмерно-большими руками и ногами. Лицо показалось бы чуть простоватым, если бы не внимательный и даже какой-то уставший взгляд спокойных серо-голубых глаз.

Юноша не был красавцем, но обещал с возрастом заматереть и стать очень интересным мужчиной. На такую мысль меня наводили и твёрдый, грубовато-вырезанный подбородок, и уверенная линия рта, и лёгкая, чуть ироничная улыбка, приподнимавшая уголки губ.

— Сангир Ольгерд! Санги Алуна! Мы рады приветствовать Вас!

Верховный произносил небольшую речь, привычно и уверенно жонглируя словами. Он упомянул и нашу бдительность, и наше умелое управление землями, и что-то ещё столь же лестное, и я уверена, что человек, не знавший заранее всей истории, ничего бы не понял из этой хвалебной и прочувствованной речи.

Конечно, вряд ли для обитателей дворца было тайной, за что именно мы удостоились этого приёма, но умение Верховного сангира произносить проникновенные речи я оценила на пять с плюсом. А вспомнив, как он обрезал в разговоре канцлера Грето, я поняла, что со временем мальчик станет незаурядным правителем.

После торжественного обращения нам предстояло сделать что-то вроде круга почёта по залу, и в этом нам, дай Сила ей здоровья, очень помогла санги Фаста. Подхватив Ольгерда под руку с другой стороны, она повела нас знакомиться.

Следующий час слился у меня в голове в некую разноцветную метель из яркой одежды, любезных голосов и чужих имён, ни одно из которых я так и не смогла запомнить. Однако санги Фаста, завсегдатай придворных соборщ, чётко отслеживала время и в нужный момент,

очаровательно улыбнувшись симпатичной придворной даме и её мрачноватому мужу, ловко оттянула нас к боковому выходу из зала.

— Вот в эту дверь, сангир Ольгерд, и по коридору до самого конца. Впрочем, там вас проводят.

За дверями нас действительно ждал серьёзный пожилой лакей.

В небольшой уютной комнате у распахнутого настежь окна завтракали Верховный и канцлер Ланто, больше никого в комнате не было. Верховный спешно дожевывал намазанную джемом булочку и небрежным движением руки показал нам на два пустых стула.

— Присаживайтесь!

Разговор в этой комнате пошёл уже совершенно по-другому. Верховному не просто любопытно было знать все подробности, он задавал серьёзные и дельные вопросы, вникал во все мелочи и, похоже, делал какие-то выводы. Наконец, выяснив всё, что хотел знать, он оценивающе глянул на меня и сказал, глядя в глаза канцлеру Ланто:

— Пожалуй, сангир, я рад, что в тот раз вы успели, не нарушая законов, устроить этот брак. А вам, — он слегка развернулся ко мне: — санги Алуна, мне хочется сделать небольшой подарок. Что бы вы хотели для себя лично?

Я откровенно растерялась, к такому судьба меня не готовила. Не каждый день в жизни возникает джин и спрашивает о заветном желании. Просить деньги — как-то глупо, заработать их мы сможем и сами. Титул повыше — так он мне нафиг не нужен.

Я посмотрела на Ольгерда — муж улыбался, и я окончательно растерялась. Похоже, и Верховный догадался о причинах моего молчания. Он совершенно по-кошачьи фыркнул, улыбнулся и сказал:

— Не верю, что у такой практичной санги нет каких-то собственных желаний!

Мысль о том, как можно использовать эту ситуацию у меня появилась, вот только я боялась, что она покажется слишком нахальной.

— Конечно, Верховный сангир, желание у меня есть, но я боюсь, не покажется ли оно Вам слишком дерзким.

Верховный с канцлером Ланто переглянулись и с каким-то детским любопытством оба уставились на меня.

— Я мечтаю о том, Верховный, чтобы Вы лично посетили мою школу в день открытия.

— Вашу школу? — Верховный откровенно удивился: — Не хотите же вы сказать, санги, что школой гердов в вашем замке руководите вы?!

Первым засмеялся канцлер Ланто и через секунду к его веселью присоединился Ольгерд.

Идею школы для женщин Верховный воспринял неоднозначно. Главным было то, что я разбудила его любопытство, и он обещал выкроить время и прибыть лично.

В моих глазах это добавило ему ещё плюсик. Даже не зная, что в его государстве существует такая проблема, и услышав о ней в первый раз, он захотел в ней разобраться.

— Ну что ж, санги Алуна, вы весьма заинтриговали меня. Пожалуй, Ланто, предупредите сангира Гурено, что я хочу взять его с собой в поездку.

Уточнять, кто такой сангир Гурено, я не стала — узнаю позднее. Канцлер Ланто одобрительно закивал, и на этом, слава Силе, аудиенция была закончена.

Глава 37

Я до последнего сомневалась, будет ли Верховный на открытии. Но он приехал, и сейчас, спустя меньше, чем пару недель, я уже не была так уверена, что это была хорошая идея.

То, что реклама – двигатель торговли, я помнила ещё из своей первой жизни. Хотя с момента отъезда Верховного прошло всего десять дней, я просто с ужасом смотрела на несколько лотков с письмами – часть из них была из столицы, а ведь мне придётся на них отвечать! Весь этот почтовый водопад свалился на меня резко и внезапно.

Когда я просила Верховного прибыть на открытие школы, то хотела всего лишь заполучить небольшую поддержку для своего заведения. Однако, ошалевшие от присутствия властителя родители и родственники учениц сделали школе такую рекламу, что мне, если вдруг я надумаю брать всех подряд, придётся ставить девятиэтажное здание только под общежитие!

Визит был обставлен необычайно скромно. К открытию школы он прибыл с четырьмя придворными, один из которых и был тот самый сангир Гурено. Сопровождал их небольшой отряд охраны. Никаких карет, обозов и дворцовых прелестниц за группой не следовало.

Появился Верховный ровно в тот момент, когда я только собралась вести экскурсию родителей по спальням, классу и прочим местам. Поскольку я не была уверена, что он сможет посетить нас, то, разумеется, никому и не говорила об этом.

Прибывавшие с самого утра в замок ученицы, сопровождаемые родителями или роднёй, слегка нервничали – всё же обучение вне стен дома для девушек было сродни небольшому приключению.

Бородатые папеньки солидно оглядывали стены замка, были предельно вежливы друг с другом и неторопливо вели деловые разговоры. А одетые во всё лучшее сразу мамы, в количестве всего-навсего четырёх штук, молчаливо украшали собой толпу – как никак, здесь не принято было брать с собой жён на деловые встречи или переговоры.

Женщины несколько ревниво оценивали взглядами туалеты свои и соперниц, сравнивали платья дочерей и на сам замок внимания обращали мало – видели уже разные. У сангира Кетро ничуть не хуже!

Появление во дворе Ольгерда, который вышел поприветствовать гостей, вызвало некоторое оживление среди девиц и даже лукавый выстрел глазами от одной из мам. Папы вели себя несколько спокойнее и просто почтительно кланялись. Слуги накрывали во дворе длинный, наскоро сбитый стол – после презентации ожидалось чаепитие.

Я похлопала в ладоши, привлекая внимание, и сказала:

— Дорогие гости замка Минар, сейчас мы пройдем в башню, и я покажу вам классы, где будут учиться ваши дочери, вы посмотрите их спальню, столовую, познакомьтесь с преподавателями...

Договорить я не успела – в распахнутые ворота замка въехала небольшая кавалькада из пяти человек, сопровождаемая отрядом военных в форме известных всем цветов Верховного сангира – фиолетового с золотом.

Это вызвало растерянность и некоторое недоумение среди гостей. Когда же до них дошло, что это не просто охрана, а прибыл сам Верховный, началось что-то вроде легкой паники. Всё же это были не столичные купцы из самых богатых, а обычные торговцы из провинции, вряд ли кто-то из них до этого момента видел правителя страны, так что я вполне могла понять их настроение.

Однако, у меня лично Верховный сангир не вызывал такого трепета, потому я вздохнула, извинилась перед купцами и пошла встречать высокого гостя. Один из приехавших, самый пожилой в этой группе, плотный, но ловкий, невысокого роста, с румяным добродушным лицом, чем-то неуловимо напоминающий Колобка, и оказался тем самым сангиром Гурено, о котором упоминал Верховный.

Чуть растерявшиеся слуги спешно принимали коней.

Ещё до отъезда я выслушала восторженный панегирик в честь этого замечательного сангира от санги Фасты:

— О, санги Алуна, это – замечательный человек! Именно он ведаёт всеми увеселениями двора, придумывает для каждого бала свои правила, а сколько удивительных вещей он ввел в моду! — она всплеснула руками.

Канцлер Ланто поймал кисть жены, поцеловал холеные пальчики и, засмеявшись, сказал:

— Всё несколько прозаичнее, санги Алуна. Сангир Гурено ведает ввозом предметов роскоши из других стран, умудряясь вводить в моду самые разнообразные диковинки. Именно за это его и обожают наши легкомысленные красавицы. А с этих диковинок в казну государства стабильно капает весьма приличный налог — за это к нему уважительно относится Верховный... — и канцлер ещё раз поцеловал пальцы жены.

Сейчас Верховный, поприветствовав Ольгерда и меня, представлял нам своих спутников. Кроме сангира Гурено, любезно кланявшегося, благодушно улыбавшегося и ведущего себя так, как будто об этом знакомстве он мечтал всю жизнь, Верховного сопровождали ещё три молодых парня.

Сангиры Веронто и Хайг — два молчаливых шатена, чем-то неуловимо похожих друг на друга. Как я потом узнала, двоюродные братья, личные друзья и личные же телохранители Верховного. И сангир Лукано — смазливый блондин с наглыми голубыми глазами, старший и любимый сын канцлера Грето.

Когда закончились поклоны и представления, Ольгерд обратился со стандартной приветственной речью и начал вежливо проговаривать что-то вроде:

— Верховный, для нас большая честь принимать в своём замке...

— Сангир Ольгерд и вы, санги Алуна, я даю вам право обращаться ко мне без титула.

Ольгерд чуть растерялся — по местным меркам, это можно было считать наградой, чем-то вроде небольшой медальки на груди.

— Благодарю Вас, сангир Мальто. — Ольгерд поклонился, а я присоединилась к его поклону.

— Ну что, санги Алуна, вы готовы показать нам вашу школу? — Верховный с любопытством оглядывал стоящую у входа в башню и непрерывно кланяющуюся толпу гостей, застывших от неожиданности горничных у полунакрытого стола и вытянувшуюся по струнке стражу.

Дальше произошёл мелкий инцидент, который остался незамеченным гостями и прислугой. Как только я согласно кивнула на вопрос Верховного, неожиданно оживился сангир Лукано и, ловко ввинтившись между мной и мужем, произнёс:

— Позвольте предложить вам руку, очаровательная хозяйка. Почту за честь сопровождать вас! — он нахально заглянул в мой

скромный вырез, и я почувствовала себя неуютно под наглым оценивающим взглядом.

Всё же, навык придворной жизни у меня был близок к нулю, я растерялась.

Краем глаза заметила, как начал хмуриться Ольгерд, делая решительный шаг в нашу сторону. Не думаю, что муж устроил бы скандал на глазах у сангира Мальто, но наверняка он знал, что именно сказать, чтобы поставить наглеца на место.

Но сделать Ольгерд ничего не успел, с другой стороны ртутным шариком подкатился сангир Гурено, ловко подхватил меня под руку и с улыбкой произнёс:

— Нет-нет, Лукано, слишком уж вы шустры! Уверен, что, выбирая между бессмысленной красотой и солидным опытом, санги Алуна, — колобок почтительно поклонился мне: — предпочтёт опыт! Разумеется, с вашего позволения, сангир Ольгерд... — ещё один аккуратный поклон он отвесил в сторону мужа.

Ольгерд чуть улыбнулся и с благодарностью сказал:

— Думаю, сангир Гурено, вам будет интересно пообщаться с моей женой.

И мы, наконец-то, тронулись ко входу в башню.

Вряд ли сангирам было интересно слушать, какие занятия будут проводиться с ученицами. Только Верховный проявлял некоторое любопытство. Однако, сангир Гурено проявил неожиданный интерес, когда я показывала альбомы с образцами. Он даже притормозил всю экскурсию, задавая мне несколько странные, на моё взгляд, вопросы:

— Как быстро можно связать, ну, допустим, свитер? Есть ли в ваших работах одежда для дам?

— А я говорил вам, Гурено, что здесь вы найдёте для себя кое-что интересное! — с лёгкой насмешкой сказал Верховный.

Интерес сангира к вязаным образцам разъяснился только за лёгким завтраком, накрытым прямо во дворе замка. И, надо сказать, это был очень странный завтрак!

Длиннющий стол, сколоченный наспех и покрытый вместо скатерти огромным рулоном белого полотна, стулья и скамейки, собранные со всего замка, достаточно разномастная посуда, огромные блюда с пирогами всех видов и вкусов, плошки с мёдом, вареньем, кувшины с горячим взваром и напряжённо-молчащие купцы,

несколько горожан, учителя и ученицы, которые стеснялись всё это есть, потому что во главе стола сидел сам! Верховный со своими приближёнными.

Ел, кстати, Верховный с завидным юношеским аппетитом. Ольгерд и сангир Хайг тихонько беседовали о качестве оружия, сангир Веронто внимательно слушал их, но сам в разговор не вмешивался. А красавчик блондин откровенно скучал.

Завтракать в замке, где, стараниями санги Брон, спешно был накрыт стол для высоких гостей, сангир Мальто отказался. Похоже, ему было в диковинку всё, что он видел здесь, в приграничных землях. А любезный санигр Гурено продолжал меня выпрашивать:

— Если бы я, санги Алуна, надумал заказать у вас... Ну, скажем, что-то вроде полного гардероба для юной санги, вы бы управились до весны? Признаться, меня просто восхитили ваши работы!

Сангир Мальто посматривал на нас с усмешкой, кажется, он прекрасно понимал, какой ответ ждёт сангира Гурено.

— Да. Если бы взялась за этот заказ. Но у меня будет много дел в школе и отвлекаться от своих обязанностей я не собираюсь. — я ласково улыбнулась медоточивому сангиру Гурено.

Он мне нравился, однозначно. Но было в нём что-то такое тёплое, но лукавое, плюс – слишком уж «наивный» взгляд маленьких голубых глазок. Это заставляло меня упираться и торговаться. Даже не из желания получить некий бонус, скорее, из некого соревнования – кто кого перехитрит.

Он удвоил количество комплиментов и любезностей, не забывая восхищаться и моей «редкостной красотой». Сперва я вежливо отнекивалась, ссылаясь, что на этот год курс набран, дел море, потом, поняв, что сангир не отстанет, перестала юлить.

— Сангир Гурено, может быть, вы честно скажете, что конкретно хотите? Тогда, возможно, мы с вами и договоримся.

Верховный снова по-кошачьи фыркнул и рассмеялся:

— Эта юная санги очень практична, Гурено, вряд ли вы добьётесь своего, не пообещав ей что-либо очень серьёзное!

— Но, сангир Мальто! Вы же понимаете, как необходимо показать в Вогенхальте, что...

— Не спорю, Гурено, не спорю, — сказал Верховный: — но, позвольте уж, я сам поговорю с санги Алуной. Думаю, у меня это

получится несколько лучше.Беседовать мы решили в замке, и, встав из-за стола следом за Верховным, я краем глаза заметила, что притихшие и оголодавшие гости, наконец-то, робко начали брать с блюд пироги, а кто-то, самый нетерпеливый, уже поливал свой кусок мёдом.

Над столом поднялся тихий гул голосов – торговцы обсуждали визит правителя.

Глава 38

Разговор с Верховным привёл к серьёзным изменениям в моих планах, но я об этом не жалела.

Если не вдаваться в подробности, то военный конфликт, который был у государства в северных областях, завершился мирными переговорами. Все эти договоры решено было скрепить браком. Двоюродная сестра сангира Мальто готовилась выйти замуж за правителя Вогенхальта.

Дева была весьма довольна сложившимися обстоятельствами — в мужья ей доставался молодой и красивый воин, про которого, к тому же, говорили, что тот всегда верен своему слову. Характер у юной санги Мальтино — такая фамилия указывала на младшую ветвь семьи — был достаточно воинственный, так что козней придворных правителя Вогенхальта она не боялась. Но в то же время понимала, что впечатление на чужой двор нужно произвести с первых же секунд.

Всё бы ничего, но Вогенхальт славился своими вязаными изделиями. Там не в чести шёлк и атлас, климат не позволял носить кружева и батист, зато местные мастерицы вязали удивительной красоты тёплые вещи.

Я слегка хмыкнула и спросила Верховного:

— Сангир Мальто, неужели во всей стране я единственная мастерица?

— Конечно, нет, санги Алуна. Но, может быть, вас и удивит, только вот ваша школа вязания сильно отличается от того, что делают у нас. Как вы понимаете, — тут он снова по-кошачьи фыркнул и лукаво улыбнулся мне: — до сих пор мне не приходилось интересоваться этим вопросом.

Я засмеялась:

— Ну, это и так понятно!

— Вот-вот! Поэтому все требования санги Мальтино обязательно нужно удовлетворить, а то она грозитя по старой памяти надрать мне уши!

— Верховному?!

— Ага. Это её, знаете ли, нисколько не останавливает. Мы росли вместе, и мои уши, надо признаться, немало пострадали от этой вредины – она старше и сильнее. Так что только в ваших силах, санги Алуна, спасти честь своего Верховного! — пафосно произнёс он, секунду подумал и добавил: — Ну и заодно, мои уши.

В кабинете повисла тишина. Ольгерд не вмешивался в наш разговор. Сангир Гурено нервно посапывал, ожидая моего решения, а я ждала, что ещё предложит мне Верховный.

— Конечно, большую часть ниток нам придётся закупить в землях Вогенхальта. Оказывается, их шерсть значительно лучше нашей. Я, признаться, думал и мастериц нанять там же, но Корина... В смысле, санги Мальтино, говорит, что она должна быть одета лучше своих будущих придворных! А спорить с ней... — он снова фыркнул и не закончил фразу.

Немного подумав, я решила не упираться. Однако, раз уж заказ такой сложный и важный, то и помощь мне будет нужна. На все мои требования сангир Гурено кивал головой и приговаривал:

— Так... Разумно... Очень разумно!

Когда я закончила перечислять, он посмотрел на Верховного и сказал:

— Всё это я смогу организовать, сангир Мальто.

— Тогда останьтесь в кабинете, Гурено, и обговорите стоимость, а я, сангир Ольгерд, попросил бы вас показать мне вашу тренировочную площадку. Говорят, у вас там необычные брёвна на цепях и прочие странности.

Уже в дверях, предупредительно открытых Ольгердом, Верховный остановился и сказал так, что слышали не только те, кто был в кабинете, но и его телохранители, ожидавшие за дверями:

- Если вы справитесь, санги Алуна, я прикажу закупить для вас в Вогенхальте лучших племенных овец и нескольких производителей. Вы сможете развести своё стадо.

Эта зима выдалась для меня очень сложной и суетливой. Мне даже пришлось за вполне приличные деньги нанять на работу собственных учениц. Из тех, разумеется, кто не успел выскочить замуж – таких оказалось всего три.

Визиты сангира Гурено к их родителям прошли одинаково успешно - польщенные родители отпустили дочерей. А Верховный

был щедр на небольшие торговые бонусы, так что вопрос с работницами я утрясла. Разумеется, и все жительницы замка успели за эту зиму хорошо заработать.

Санги Мальтино побывала у нас в гостях дважды. Первый визит она нанесла в самом начале работы. С ней приехал один из самых сильных магов природников – сангир Лендр, и я с восхищением смотрела на работу мастера.

Просто потрясающе, что он мог творить своими пухлыми ручками! В течение всего лишь получаса из ствола дерева он создал идеально-точную копию – скульптуру санги Мальтино. Это был самый странный и прекрасный манекен, который я только видела! Такая магия мне, разумеется, была не под силу. Зато с примерками вопрос был решён.

С собой они привезли множество образцов пряжи, и я восхитилась качеством нити. Если такую шерсть я смогу получать у себя в замке, то голодная смерть нам точно грозить не будет.

Сама санги Мальтино оказалась чуть холодноватой в обращении, но без надменности. Умная, спокойная и рассудительная. Мы легко нашли общий язык и быстро решили, что же именно требуется от моих мастериц. У девушки оказался хороший вкус.

Улучшить качество пряжи я смогла совершенно случайно. Санги со своей свитой с утра отбыли в столицу, а я решила ещё раз полюбоваться на то «богатство», которое теперь занимало полки одной из небольших кладовок.

Любая рукодельница меня прекрасно поймёт – заполучив что-то новое для своих изделий, и совсем не важно, чем именно заниматься, просто невозможно удержаться и не полюбоваться несколько раз на новинку. Вот и я, зайдя в кладовку, с каким-то чувственным удовольствием перебирала мотки, пасмы и клубки, слегка поглаживая нити, пытаюсь лучше ощутить их структуру и понять, в какой кофте или свитере они будут лучше выглядеть.

Когда под пальцами мне попалась крошечная щепка, я невольно поморщилась – это было неприятно и нарушало какую-то внутреннюю гармонию. Ни о чём особо не думая, сняла пасму белой шерсти с полки и слегка прогладила её ладонью, просто чтобы убедиться, что больше таких огрехов в нитке нет.

Насколько бы слаба ни была моя магия, в этот момент она откликнулась! Шерсть, как-никак, это органика – часть природного мира. Усилие, которое я приложила, было совсем крошечным, но на внешности нити сказалось весьма существенно. Из просто белой она превратилась в белоснежную и приобрела роскошный гляцевый блеск.

Я даже засмеялась от радости – столько удовольствия мне доставило это маленькое волшебство! Деловито окинула взглядом кладовку, прикрыла глаза и начала оглаживать следующий моток ниток. Хватило меня на одну небольшую полку, но я помнила, что зимой природная магия дремлет, потому совершенно не расстроилась. Летом мне будет проще.

К весне было готово всё, что мы с санги Мальтиной запланировали – кофты, свитера и кардиганы, несколько довольно интересных спортивных костюмов, плюс всякая мелочь, вроде очаровательных комплектов шапочка-шарф-рукавицы, снуды, которые санги оценила очень высоко, а в подарок от меня – ещё и три кружевных шали из самой тонкой шерстяной пряжи, которую я обработала магией особенно тщательно.

Санги осталась очень довольна изделиями, и в середине лета я получила от неё благодарственное письмо и подарок – сказочной красоты ожерелье с голубыми бриллиантами, самыми дорогими в этом мире. Письмо мне передал дворцовый курьер, сопровождавший трёх пастухов и небольшое стадо.

Из этого выпуска школы в замке остались две ученицы, со следующими двумя наборами я сама уже не справлялась. Утешало тогда меня одно – мода скоротечна. Да и обученные мной девушки не отказывались подработать учителями у себя в городе. Так что через три года толпа желающих достаточно резко схлынула.

Меня, признаться, это не тревожило, скорее радовало. Неплохой доход приносила школа Ольгерда. Стадо наших овец прилично разрослось, и в землях замка появилась ещё одна деревня – Гуртовка. Там жили с семьями пастухи, стригали и пожилой маг-лекарь, что следил за здоровьем стада.

Как ни странно, не слишком большой, но стабильный доход давали те самые цесаринки. Заморачиваться с производством подушек я не стала, но всю взрослую птицу охотно забирали скупщики. А у

местных подростков появился новый способ заработка – собирание в лесу трав для капризной птицы.

Нельзя сказать, что жизнь в деревнях разительно изменилась за те пять лет, что Ольгерд управлял этими землями. Нет, труд крестьян был всё так же тяжёл, и свой хлеб они добывали в поте лица. Однако налог в пользу замка снижался процентов на семь-десять каждый год, почти всегда те, кто хотел подработать за деньги, могли найти себе дело, не уезжая на другие земли – в окрестностях замка постоянно что-то строилось, а платил Ольгерд щедро.

Появились школы, и детей туда отдавали очень охотно – малышню кормили завтраком и обедом, так что прижимистые родители экономили немного денег, откладывая приданое для них. Кроме того, мальчишки тоже охотно учились вязанию, и через год-два в семье появлялся ещё один работник, способный принести монету-другую. Это тоже оценили очень быстро.

Я никогда ни на миг не пожалела о том, что сказала «Да!» Ольгерду. Наши отношения были удивительно ровными и тёплыми. Давным-давно у меня пропал страх перед предательством. Пожалуй, в моей жизни вообще не осталось страха. Мы дружно вместе решали бесконечные хозяйственные проблемы, у нас никогда не было серьёзных ссор или конфликтов, и эта круговерть домашних дел, обязанностей и мелких неувязок захватила нас целиком. Ну, или мне так казалось.

Шестое лето было отмечено непривычным поведением Ольгерда. Заметила я эти странности далеко не сразу, просто однажды на мой совершенно обычный вопрос: «Как прошёл день?», Ольгерд начал мне врать.

Это было страшно, это было просто чудовищно – мой муж врал мне! Да ещё так глупо и неуклюже, по совершенно незначительному поводу! Невозможно описать то жуткое ощущение нереальности, которое вторглось в мою жизнь.

А Ольгерд, очевидно почувствовав мое недоверие, скомкал конец беседы и вместо того, чтобы поговорить со мной за чашкой взвара под лучами заходящего солнца под цветущей перголой на крыше нашей башни, куда мы поднимались каждый вечер, неловко извинился и сказал, что устал и хочет спать.

Взвар я пила в гордом одиночестве, машинально отмечая кроваво-бордовые краски заката, но совершенно не чувствуя красоты и цельности мира. Я не понимала, что мне дальше делать? Так ничего и не решив, спустилась в спальню и обнаружила мужа, старательно притворяющегося спящим.

Утром он исчез из замка ещё до моего пробуждения. Привычный ужин навевал на меня жуть. Я не знала, что делать и как смотреть ему в глаза. А он с какой-то фальшивой улыбкой рассказывал мне о том, как провёл день, и при этом снова врал. Я совершенно не понимала, что происходит, почему он так доволен собой и жизнью, почему врёт. Даже в его вопросе: «Лунка, ты какая-то скучная. Ты не заболела, радость моя?», чувствовала ложь и насмешку.

Это продолжалось почти десять дней. Я очень плохо спала, и однажды под утро мне показалось, что я слышу зов Тьмы. Вскочила мокрая, как мышь, задыхаясь от ужаса, и решила: «Даже если он влюбился и у него появилась другая, я просто отпущу его, но жить так – невозможно!»

Приняла душ, оделась и села в кресло у кровати, ожидать, пока он проснётся.

Глава 39

За окном светало. Ольгерд начал ворочаться и я тихонько позвала его по имени. Он, по привычке, начал хлопать тяжелой рукой рядом с собой, пытаюсь нащупать мое тело и подтянуть к себе. В этот раз ежедневный ритуал дал сбой – меня рядом не было. Он тревожно распахнул глаза и резко сел на кровати, затем, увидев меня в кресле у изголовья, облегченно выдохнул и сипловатым со сна голосом спросил:

- Ты давно проснулась?

Я собралась с духом и начала говорить заготовленную речь:

- Давно. Ольгерд...

- Это отлично! Значит сейчас завтракаем и едем!

Он улыбнулся мне счастливой улыбкой. Я была так настроена на серьезный разговор, что растерялась и от его слов, и от его улыбки, не понимая, что происходит.

- Едем? Куда едем?!

- Увидишь! Надеюсь, тебе понравится!

Улыбаясь, насвистывая какую-то мелодию, явно очень довольный собой, Ольгерд одевался, а я продолжала тупо сидеть в кресле, медленно ощущая, как безумный ужас последних дней тихо растворяется в этих привычных звуках. Уже за завтраком Ольгерд спросил:

- Радость моя, ты какая-то сегодня... Ты не выспалась?

Я и в самом деле чувствовала некоторое утомление – слишком измотали меня за последние дни пакостные мысли, и сейчас, когда я с огромным облегчением понимала, что у нас все хорошо, и все страхи и глупости я придумала себе сама, больше всего хотелось забраться к Ольгерду на колени, обнять его, ощущая запах тела, и никуда не ехать и никого не видеть.

Однако, портить ему настроение своими глупостями не стала, догадавшись, что все это время он готовил для меня какой-то сюрприз. Он не виноват в моих потаенных страхах.

Погода явно благоприятствовала моему мужу. День был не слишком жаркий, и легкие и пушистые облака то и дело закрывали

солнце. Охрана неторопливо ехала сзади, а Ольгерд, со смехом и шутками, отбивался от всех моих вопросов.

Направлялись мы в ту сторону, где находилось озеро. За эти годы лес подрос, дивно пахло разогретой на солнце смолой хвойников, то тут, то там виднелись отцветающие ягодные полянки, да и птицы голосили так, что почти не смолкал веселый перезвон. Я с сожалением подумала, что нам почти никогда не удастся выкроить время на маленькие простые радости – даже утренние прогулки отошли в прошлое.

Внезапно Ольгерд спешился и обратился ко мне с очень странной просьбой:

- Лунка, закрой глаза.

- Зачем? - я удивленно вытаращилась на мужа.

Он как-то смущенно улыбнулся и сказал:

- Понимаешь... Там... в общем такое... Сама увидишь!

Я с удивлением смотрела на запинающегося мужа, это настолько было не похоже на его обычную четкую речь, что я окончательно потерялась в догадках – что же такое это самое «оно», которое «там»?! Спорить, однако, не стала. Послушно прикрыла глаза и позволила Ольгерду вести мою лошадь под уздцы. Минут через пять мы остановились.

- Только глаза не открывай! – торопливо пробормотал он, снимая меня с коня.

На руках он нес меня недолго – буквально минуту или две.

- Теперь - открывай!

Первое, что я увидела перед собой – белая полотняная рубаха Ольгерда. Глаза, привыкшие к темноте, слегка слезились. А он, обхватив мое лицо двумя ладонями, улыбался и говорил.

- Сейчас-сейчас... Сперва проморгайся.

Затем, встав за моей спиной и обхватив обеими руками, прижал к себе, чуть приподнял и резко развернул.

- Смотри!

Я ахнула! С этой точки мне открылся совершенно сказочный вид! На берегу озера, недалеко от того самого водопада, которым я изредка любовалась еще тогда, когда мы ежедневно позволяли себе конные прогулки, стояла очаровательная, совершенно игрушечная башенка.

Светло-серый камень, всего два этажа, и остроконечная черепичная крыша. Теплый оттенок глиняных чешуек смягчал прохладный цвет стен.

От дверей башенки к озеру шли невысокие широкие ступени, уводящие прямо в воду, через одну украшенные шарообразными цветочными вазонами. Я завизжала от восторга и кинулась мужу на шею. Ольгерд, смеясь, подхватил меня на руки и закружил. А я бестолково и радостно целовала его лицо, не разбирая особо куда – лоб, губы, нос...

Наконец, устав захлебываться восторгом, я схватила мужа за руку и потащила туда, в этот сказочный домик – мне хотелось все рассмотреть и потрогать. Ольгерд послушно шагал рядом, улыбаясь моему оживлению.

Первое до чего я дотронулась – каменный вазон. Шелковистая глянцевая поверхность вазы была украшена удивительно красивым рисунком золотистых прожилок.

- Это я сам... Тебе...

Я с удивлением глянула на мужа. Магии и у него, и у меня было совсем мало. Я поняла, что каждый день он находил время приехать сюда, чтобы терпеливо, вливая Силу каплю за каплей, создавать эту красоту. Для меня...

Слегка перехватило горло, эта маленькая деталь говорила о любви Ольгерда больше всяких красивых слов.

Я даже погрызла себя немного, укоряя за глупое недоверие и чуть было не нанесенную мужу обиду. Впрочем, особо угрызаться мне было некогда - мой взор привлекли поникшие кустики в самой вазе.

- Понимаешь, - несколько смущенно заговорил муж – я сперва хотел привезти сюда садовника... А потом... Ну, в общем, это тоже я сам...

Я нежно провела рукой над полегшими стеблями. Золотистый свет Силы поднял чахлые травинки, и на каждой из них бодро распустилась небольшая бледно-розовая звездочка.

Эти жалкие кустики казались мне сейчас самыми прекрасными на свете! Представить себе воина, мага-огневика, собственными руками ковыряющего клумбу было сложно, но у меня дыхание перехватывало от нежности. Пусть сейчас у меня не хватит магии на все вазоны, но я буду приезжать сюда часто-часто!

- Пойдем, я покажу тебе башню. - Ольгерд тянул меня за руку, и я с сожалением оторвалась от нежно пахнущих цветов.

Он толкнул тяжелую дверь и я, наконец-то, попала внутрь. Большое стрельчатое окно, выходящее на водопад, у которого стояло удобное легкое креслице, маленький стол под белой скатертью, с парой стульев – только для нас двоих, небольшой буфет и чуть дальше по стене аккуратный камин, солидная дубовая лестница на второй этаж.

- Ванная комната под лестницей.

- Ого! Здесь есть вода?

- Да. Я еще весной приглашал мага.

- А там что? – я указала глазами вверх.

Ольгерд засмеялся, взял меня за руку и, уверенно шагая по ступеням, потянул меня за собой.

Просторная круглая комната с белеными стенами, большая кровать с кучей подушек под легким полупрозрачным балдахином, пушистый ковер на полу с рисунком из сплетенных еловых лап и плотные шторы, идущие полукругом. Сколько же здесь окон, подумала я.

- Смотри, это я для тебя придумал! – Ольгерд подошел к центру огромной шторы и щелкнул пальцами. Плотная ткань начала раздвигаться в разные стороны медленно и торжественно, как театральный занавес.

Я снова ахнула – почти половину круглой комнаты занимало одно единственное гигантское окно и самое потрясающее, что идущее полукругом двойное стекло не имело рамы и переплетов! Оно было просто вплавлено в камень башни.

Казалось, что нет никакой преграды между мной и качающимися на легком ветерке сосновыми лапами. Ничего похожего в этом мире еще не существовало. Даже в королевском дворце были совершенно обыкновенные окна.

- Как? Как это сделано?!

- Конечно, у меня самого не хватило бы сил, но сангир Ланто прислал мне хорошего огневика.

Я стояла, положив ладони на почти невидимую преграду и безуспешно старалась сглотнуть завязший в горле ком. Конечно, можно было оправдать в своих глазах вспышку недоверия к мужу тем,

что в прошлой жизни я не раз ошибалась в людях, и эти ошибки тогда были очень болезненны для меня.

Та жизнь и те предательства остались в прошлом, я окончательно осознала это прямо сейчас.

Повернулась к Ольгерду, подняла голову и, глядя ему в глаза, сказала:

- Муж мой, я тебя люблю.

Он смотрел мне в лицо также серьезно, даже чуть хмурясь, как будто ожидая чего-то еще, чего-то большего. Я улыбнулась, покрутила на пальце кольцо с желтым камешком и, сняв его, сунула в карман.

Беременность протекала легко, хотя, после первого же приступа токсикоза, перепуганный вусмерть Ольгерд притащил лекаря-мага. Узнав у мужа, во сколько обошелся визит городского «врача», я ворчала долго и упорно.

- Такие-то советы я и сама умею раздавать!

Лекарь рекомендовал мне - покой, поменьше домашних забот, прогулки на свежем воздухе и хорошее питание. Умник!

Начало осени было очень теплым, даже жарким, большую часть времени я старалась проводить в своей башенке у озера – от воды веяло прохладой, да и хозяйство замка я оставляла в надежных руках санги Брон. Возле окна, того самого окна на первом этаже, что выходило на маленький водопад, кроме кресла появилась удобная плетеная корзинка и небольшой столик.

Я частенько сидела там, вывязывая для малыша шапочки, пинетки и прочие костюмчики. Если учесть, что рожать мне предстояло или в самом конце зимы, или в начале весны, то теплые одежки не помешают.

Хотя я вполне могла и не беспокоиться о приданом – санги Брон, раньше других догадавшаяся о том, что мы ждем пополнение, с удовольствием обвязывала будущего наследника земель. Лекарь, кстати, не был уверен в поле ребенка.

- Тут, сангир, точно не скажу. Кажется, что мальчик, но уверенности у меня нет.

Живот только-только стал появляться и под одеждой, в общем-то, был почти не виден, но я отказалась от любых поясов и сшила себе мягкие удобные брюки на лямках, а сверху накидывала легкую тунику.

В этот раз, свалив все дела по дому на экономку, мы с мужем на несколько дней сбежали на озеро. За сезон он пристроил к подножью башни крошечный навес с черепичной крышей – там расположилась аккуратная и удобная летняя кухня. В этих побегах из дома для меня была особая прелесть – по молчаливому уговору Ольгерд готовил сам.

Добывать пищу, кстати, он тоже старался сам. Разумеется, мы всегда привозили с собой запасы из замка – хлеб, масло, какое-нибудь вяленое мясо или рыбу. В башне лежал небольшой запас – яйца, мук, соль, сахар, крупы.

Однако, попадая сюда, мы как будто переносились в недавнее прошлое, когда он был Хантом, а я еще искала свое место в мире. Это была своего рода игра – в приключение - и она нам не надоедала.

Ольгерд часто приносил к столу дичь, свернутые из крупных листьев половичника кулечки с пускающими сладкий сок ягодами. Научился разбираться в грибах, которые мы запекали над открытым огнем на манер шашлыка.

Это место дарило мне покой и умиротворение – селяне по-прежнему ходили сюда редко - дурная слава обители Тьмы все еще охраняла леса. И мы отдыхали от многолюдья замка. Даже охрану брать с собой не было нужды – артефакты защиты, расставленные по периметру, огораживали достаточно большой кусок, чтобы я могла чувствовать себя в безопасности.

С утра мы немного поплескались под прохладными струями водопада, позавтракали яичницей и прихваченными из замка пирожками, и Ольгерд отправился добывать нам обед, а я осталась бездельничать и наслаждаться тишиной.

Немного повалялась на удобной постели, подсушила волосы, переоделась и спустилась вниз. Пару часов посидела в кресле любуясь водопадом и довязывая нежную, мягкую шапочку. Солнце спряталось за облака, стало чуть прохладнее, и я решила прогуляться.

Прошлась вдоль охранного периметра, нашла семейку молодых снежков – круглые белые грибочки, дающие потрясающий вкус и запах любому супу. «Семейку» срезала и, довольная своим трофеем, вернулась к летней кухне, чтобы выложить их на столе - когда Ольгерд вернется, сделаем какую-нибудь душистую похлебку.

Клумбы, посаженные Ольгердом, я никогда не обрезала. Подпитываемые каплей Силы, цветы радовали нас все лето, да и до

сих пор цвели теми же нежно-розовыми звездочками.

Зато недалеко от грибной семейки я видела небольшую полоску разросшейся самосевом голубой дальфиты. Мне нравились эти летники за тонкий медовый аромат и потрясающую жизнестойкость – в вазе они стояли долго-долго. Прихватив с кухни рыбные ножницы, я пошла за добычей.

Стон я услышала не сразу потому, что срезая цветы, мурлыкала про себя: «Жил да был черный кот за углом, и кота ненавидел весь дом...», потом под коленку мне попался камешек, я ойкнула, вскочила, роняя букет, и, болезненно морщась, потерла ушибленное. Только наклонившись, чтобы собрать рассыпанные ветки, я услышала странный звук и замерла. Через мгновение он повторился – тихий, протяжный стон.

К охранному периметру, отмеченному тонкой ниткой из белых округлых камушков, тянувшихся от одного артефакта до другого, я подошла слегка насторожившись.

Чужих в лесу я еще никогда не встречала, и как вести себя – не слишком понимала, но то, что я увидела метрах в тридцати за прозрачной защитной пленкой, ввергло меня в панику – истекающий кровью Ольгерд цеплялся за тонкий сероватый ствол дерева и, кажется, терял сознание. Он опустился на колено, ослабевшие пальцы ползли по стволу, оставляя грязные кровавые полосы.

- Лунка... – голос его прерывался – Лунка, помоги мне...

Я кинулась к нему.

Пробежать я смогла только половину расстояния, а потом сеть-ловушка спеленала меня, и несколько метров я прокатилась по мшистому склону прямо к ногам Ольгерда.

Кричать не могла – плотная мелкая сеть не только спеленала меня в мумию, но и тугой повязкой легла на голову, щеки и лоб, оставив единственную возможность – моргать глазами.

Ухмыляясь странной, совершенно незнакомой мне улыбкой, Ольгерд провел рукой по чудовищной, развороченной ране на груди, и она исчезла, явив миру абсолютно целую куртку. По этому жесту я догадалась, кто скрывается за личиной мужа. Человек подошел сбоку и размахнувшись, со всей силы пнул меня сапогом в бедро – я смогла только слабо замычать.

- Не жилось тебе спокойно, тварь! Умная значит очень?!

Последовал новый пинок. Она никуда не торопилась, медленно, с каким-то извращенным наслаждением сняла с бедра нож, наклонилась, заглянула мне в глаза и, почти ласково погладив меня по щеке, затянутой сеткой, распрямилась:

- Мне даже нет нужды пользоваться магией - орать ты все равно не сможешь. А еще знаешь? Легче всего Силу можно выпить у раненых – меньше сопротивляются потому и потери Силы ниже. Выпить тебя я, конечно, выпью. Но сперва...

Видеть на таком родном и любимом лице эту непривычную мимику было страшно. Я, стиснув зубы, пыталась злостью перебить подбирающуюся панику.

Во время падения одна рука у меня была вытянута вперед и ее прибинтовало к груди, а вот вторая была завернута за спину. Медленно-медленно, никуда не торопясь, как будто у меня впереди было все время мира, я пила Силу из травы и корней, что находились подо мной. Убить эту гадину, я, конечно, не смогу, но...

Кокон диких пчел находился метрах в тридцати отсюда. Еще когда мы с Ольгердом внимательно изучали окрестности, я успела заметить и все птичьи гнезда, и норы землероек, и хорошую полянку перечника – той самой полезной травки для цесаринок.

Пробраться сквозь периметр живность не могла, но с моей магией была знакома, потому на зов пчелы откликнулись. Однако большая часть магии у меня ушла не на сам зов, а на то, чтобы собрать компактный рой и незаметно, со спины, подвести его к шан Эльде.

Жужжание роя полностью убрать я не смогла, звук, хоть и был тихий, но Эльда услышала и резко повернулась, получив в незащищенное лицо шквал укусов, так что вопль ее разнесся на весь лес.

К сожалению, также, как и я, она, изначально, была природником, потому уцелевшие пчелы, отлетев на некоторое расстояние осыпались мертвым облачком трухи.

А взбешенная шан повернулась ко мне. Сейчас она выглядела совсем чудовищно – маска Ольгерда спадала. Сквозь нее, как сквозь мутноватую воду, проглядывало распухающее на глазах лицо Эльды. Первый удар ножа пришелся мне в плечо.

- Медленно... Я буду убивать тебя медленно. – Сиплым голосом прошипела она, замахнувшись снова...

Ударить Эльда не успела – с коротким чавкающим звуком в висок ей впилась стрела. Глаза шан выражали странное удивление. Я видела, как в долю секунды жизнь покинуло тело и ее труп мягко завалился на меня.

Очнулась я уже в башне, в своей постели. Немного зудела кожа после сети, пульсировала болью, но уже даже не кровоточила рана в плече, а хмурый Ольгерд протирает мне лицо влажной тканью.

Эпилог

— Мы живы, а это главное! — стараясь заглянуть в глаза мужу, сиплым голосом сказала я.

Ольгерд вздохнул, бросил тряпку и ответил:

— Если бы я тебя так не любил... — повисшая пауза была очень многозначительна. Именно по ней я и определила степень злости и раздражения своего мужа.

Даже сейчас мне не слишком приятно вспоминать тот разговор. Перенервничавший Ольгерд бурчал и бурчал на меня, приводя десятки доводов, по которым я ни в коем случае не должна была выходить за периметр. Наконец, он нашёл нужные слова:

— Просто поставь себя на моё место!

Я вздохнула и просительно погладила его по руке:

— Попробуй и ты сделать то же самое. Неужели бы ты не кинулся мне на помощь?!

Потом был приезд канцлера Ланто, который с удовольствием рассказал нам, что лично он долго убеждал Верховного в том, что планы канцлера Грето слишком рискованны, что женщину, выпившую столько человеческих жизней, нужно казнить, как того и требуют законы государства. Что идея использовать её магию на благо страны слишком опасна.

— Надеюсь, — сказал он в заключении, ехидно улыбнувшись: — для сангира Грето это будет хорошим уроком! И ссылка научит его быть осмотрительнее!

Похоже, мои слова так врезались в память Ольгерду, что он использовал их всегда, когда в нашей жизни случалось что-то неожиданное или пугающее. Первый раз он произнёс их, когда в его руки, покрытые синяками и царапинами от моих ногтей, акушерка вложила возмущённо мяукающий свёрток — нашего первенца, Лангерта.

Мой воин смотрел на наследника с некоторой опаской, я заметила, как он напрягал мышцы, одновременно опасаясь уронить или сжать слишком сильно.

— Они такие крошечные... — с каким-то испугом произнёс муж, глядя на крупную фигуру Троста – лекаря-мага, присланного сангиром Ланто из столицы и держащего на руках второй кружевной свёрток – Лиону.

— Вы зря волнуетесь, сангир! — добродушно прогудел лекарь: — Малыши крепенькие и здоровые! А крохотными они будут совсем не долго. Увы, дети растут быстрее, чем нам бы хотелось... — лекарь вздохнул и добавил: — Давно ли я принимал роды у моей Сании, а в прошлом году дочь уже родила мне внука.

Вот тогда, передав сына акушерке, Ольгерд присел ко мне на кровать, сгрёб мои руки и, целуя их, сказал:

— Все мы живы, а это главное!

Следующие годы эту фразу ему приходилось произносить достаточно часто.

Когда в возрасте около года мирно задремавший на руках у папы Лангерт терпеливо дождался, пока, наконец-то, уснёт отец и отгрыз с его домашней куртки замечательно блестящую медную пуговицу, которую тут же радостно проглотил.

Когда в три года Лиона пробралась на кухню и съела почти половину огромного блюда пирожных, заполучив себе жестокие колики и несварение.

Когда в пять Лангерт, сбежав от няньки, пробрался в конюшню и с помощью приставных ступенек ухитрился взобраться на Арго – нового, ещё почти не объезженного жеребца.

Не иначе, как малыша хранила Сила, потому как только чудом можно объяснить то, что случайно вернувшийся из поездки раньше времени Ольгерд не просто успел соскочить со своего коня и кинуться наперерез, но и поймать Лангерта в полёте, буквально в полуметре от земли, куда перепуганный Арго, естественно, сбросил нахального «всадника».

Я, к счастью, пропустила и сам момент верховой езды, и момент, когда Ольгерд собственным телом смягчил сыну падение на мощённый камнями двор.

Перепугалась я только в тот миг, когда дверь в мой кабинет открылась, и ободранный Ольгерд, ведя за руку зарёванного сына, прижимающий второй, грязной рукой обрывок собственной рубахи к кровоточащему плечу, глядя на моё ошарашенное лицо, сказал:

— Все мы живы, а это главное!

Эту же фразу он произнёс и тогда, когда неожиданно для всех, в возрасте всего лишь шести лет, у Лионы пробудилась огненная магия. С перепугу малыш выжгла деревянную стену между обеденным залом и коридором.

Она же звучала через два года, когда Сила проснулась и у Лангерта. Об этом мы узнали прекрасным осенним утром по диким воплям из кухни. Нашествие мышей, из которых сын пытался создать две армии: «Просто, чтобы поиграть, папа!», чуть не закончилось полным исчезновением из кладовых и подвалов продуктовых запасов.

Жизнь в замке текла размеренно и неторопливо, а главное, благодаря детям, совсем не скучно. Надо сказать, что не все учителя выдержали буйный характер подопечных.

Однако, когда из замка сбежала санги Форсет — учительница хороших манер, Ольгерд поступил, на мой взгляд, очень мудро. Выпросив у меня неделю на решение проблемы, он отправился в столицу к канцлеру Ланто и, вернувшись, представил нам сангира Кренча.

В своё время, поняв, что родители не оставят ему приличного наследства, сангир отправился в армию, воевал у портала, служил гердом на границе с Вогенхальтом, дослужился до чина высшего герда и к этому времени заметил, что лучше всего ему удаётся воспитание и обучение молодых.

После одной из стычек, в которой он потерял глаз, герду Кренчу пришлось оставить военную службу. Денег на тот момент у него было достаточно, чтобы скромно прожить в какой-нибудь провинции, и он, купив крошечный домик у моря, примерно пару месяцев наслаждался райской жизнью, а потом заскучал.

Первым его воспитанником стал представитель местной «золотой молодёжи», разбалованный двенадцатилетний отпрыск мэра, которого замученные его фокусами родители готовы были сослать в отдалённую деревню, лишь бы не позорил более фамилию.

Сангир Кренч взялся за дело твёрдой рукой, и через год счастливые родители сделали ему хвалебными одами такую рекламу, что больше у сангира проблем с работой не было никогда.

Очевидно, талант находить язык с трудными подростками был у него врождённым, потому как магом он был очень-очень слабым.

Однако, с его появлением в замке спать мы с Ольгердом стали значительно спокойнее.

Месяцы бежали и бежали, сливаясь в годы...

Давно уже небольшое подворье цесаринок выделилось в отдельную ферму и маленький цех, который занимался изготовлением подушек и одеял.

На землях замка Минар теперь было десять деревень и во всех работали школы. Детям, которые хотели учиться дальше, мы старались помогать небольшой стипендией, при условии, что потом они вернутся домой.

Больше всего меня радовало производство пряжи. Пусть объёмы его были и не слишком велики, но она по праву считалась лучшей в стране и ценилась даже выше вогентхальской. Нити, обработанные слабыми магами, которых даже не взяли на службу государству, отличались прекрасной износостойкостью, гладкостью и особым блеском.

Умер сангир Перон, и сломленная горем санги Брон стала на длительное время центром внимания всей семьи.

Думаю, если бы не наши шалопаи, она могла бы уйти вслед за мужем. Однако, её любимчики, которых она баловала и обожала, начиная с момента рождения, постоянно тормошили бабушку, требуя внимания и хвастаясь своими приключениями и победами. И постепенно санги оттаяла.

Конечно, ей уже не хватало здоровья и сил присматривать за всем замком, но она бдительно наблюдала за своей преемницей и старательно обучала её всем тонкостям управления. А у моих детей была просто замечательная бабуля.

Школа гердов, которую по-прежнему вёл Ольгерд, давно считалась одной из лучших в стране. Некоторые из учеников сдавали вступительный экзамен два-три года подряд, лишь бы попасть именно в неё. Я гордилась своим мужем.

Шарийский Харадж завяз в многолетней войне с Аргандой, которая закончилась, только истощив силы обоих государств. Нам, признаться, это было только на руку. Попытки шпионажа, конечно, были, но очень редкие и почти всегда неудачные.

Уровень магии у Лангерта и Лионы был значительно выше, чем у меня и Ольгерда. С самого момента пробуждения их Силы было

понятно, что учиться им придётся в столичной академии.

Пятнадцать лет промелькнули незаметно...

С отъездом детей и сангира Кренча замок опустел. Сильно скучала санги Брон, без конца вспоминая их детские шалости и переживая за то, как «бедные малыши» будут жить без её заботы.

Еженедельные отчёты сангира Кренча поражали своей лаконичностью и чёткостью – всё было хорошо, дети учились и отличались завидным здоровьем и аппетитом.

Я бы не назвала это депрессией, но некоторое опустошение и тоску я всё же чувствовала. Невозможно оказалось принять то, что они уже почти выросли и в скором времени уйдут в большую жизнь, не слишком нуждаясь в нашей поддержке.

Меня мучали глупые страхи за их будущее и, даже понимая, что нельзя их держать всю жизнь у своей юбки, я не хотела мириться с расставанием...

Осеннее утро было хмурым и слегка дождливым, мне казалось странным, что муж настаивает на поездке именно сегодня, но спорить я не стала.

До нашей башни мы добрались быстро. Тоскливый осенний пейзаж навевал грусть. Полысевшие деревья, жухлая трава под ногами, даже озеро казалось налитым свинцовой жижей. У охранного периметра мы передали поводья наших коней сопровождавшим солдатам и до башни добрались пешком.

— Как давно мы здесь не были, радость моя.

Оставив меня в дверях башни с грузом продуктов, Ольгерд накинул тяжёлый кожаный дождевик и отправился проверять артефакты охраны. Я согласно кивнула головой – действительно, давно.

Первым делом я разожгла камин. Вооружившись влажной тряпкой, воевала с пылью, осевшей на мебели.

Забежала на второй этаж, застелила бельё, но даже не стала открывать шторы – смотреть на облысевший лес будет слишком грустно.

Вернулась вниз и, приготовив чашку взвара, села в скрипнувшее кресло с видом на водопад. Мне казалось, что моя жизнь потеряла краски с отъездом детей. Я перебирала тёплые воспоминания и тосковала всё больше и больше.

Вот я рассказываю Ольгерду, что день рождения детей можно отмечать каждый год, а ещё можно вставлять в торт свечи...

Вот мы помогаем детям задуть сперва три огонька, потом четыре, семь, десять...

Вот десятилетняя Лиона, впервые заинтересовавшаяся мальчиком – внуком сангира Кетро, аккуратно выпрашивает меня, нельзя ли ей выйти за него замуж и купить себе маленького ребёнка.

- Совсем крошечного, мама!

Вот Лангерт, едва не лопаюсь от гордости, тащит меня ночью в сад, говоря:

— Посмотри, мама! Это знаешь, что такое?! Это сумеречная тария! Я купил в городе семена и у меня получилось!

Я с удивлением смотрю на серовато-зелёное растение с тонкими колючками, с побегами, свёрнутыми уродливыми узлами, распустившее удивительной красоты цветок, нежно фосфоресцирующий в темноте. Сиреневато-розовые лепестки светятся, собирая на свой сладкий запах стайку ночных мотыльков.

Топот и фыркание в дверях отвлекли меня от ностальгических мыслей. Ольгерд повесил на крючок промокший плащ, с которого капало, и, зябко передёрнув плечами, двинулся к огню.

Я захлопотала, доставая припасы – сочный кусок буженины, сыр, хлеб и сладкие пирожки. Ольгерд ел с большим аппетитом, как-то лукаво поглядывая на меня, и говорил о самых обыкновенных вещах, в основном о нашем хозяйстве. Я машинально жевала плюшку с джемом и согласно кивала на все его предложения.

Сразу после завтрака мы убрали посуду, но, когда я хотела сесть в привычное кресло, Ольгерд отрицательно покачал головой:

— Нет-нет, радость моя! Здесь скучать ты не будешь! Пойдём наверх, я хочу что-то показать тебе.

Мы поднялись, и я с лёгким недоумением оглядела комнату – ничего нового. Ольгерд подошёл к окну, привычно щёлкнул пальцами и шторы разъехались в стороны, открывая взору подросшие за эти годы ели. Но даже они под этой мерзкой моросью выглядели печальными и поникшими. Увешенные сотнями капель воды потяжелевшие лапы клонились к земле, и мои пушистые красавицы выглядели сиротливо и жалко.

— Посмотри... — с улыбкой сказал мне Ольгерд.

Я удивлённо вскинула на него глаза. Он манил меня рукой к себе и повторял:

— Ближе! Подойди ближе!

Я подошла почти вплотную, когда муж достал из кармана небольшую красную бусину и плотно сжал её между пальцами. Раздался звонкий хлопок и, подхватив меня на руки, Ольгерд шагнул в открывшийся портал.

На землю он меня поставил уже у бассейна в южном поместье канцлера Ланто.

Я ошеломлённо оглядывалась, стоя под ласковыми лучами солнца...

На столике, в запотевшем стеклянном кувшине – прохладный фруктовый взвар, глубокая ваза с яркими фруктами. На спинку стула накинуто очаровательное летнее платье в мелкий голубой цветочек, рядом, на втором стуле – белый полотняной костюм, излюбленная одежда местных сангиров. Стопка мягких полотенец – на низенькой скамеечке.

— Мы можем искупаться и переодеться! — с улыбкой сказал мне Ольгерд.

— А слуги?

— До завтра никого не будет.

Я внимательно посмотрела в смеющиеся глаза мужа и особенно остро ощутила этот момент жизни и счастья, такого невероятного и такого огромного.

Покрутила на пальце кольцо с жёлтым камешком и, сняв, положила его на стол рядом с вазой. Вновь заглянула в шальные глаза Ольгерда и сказала:

— Муж мой, я люблю тебя.

КОНЕЦ